

УДК 811.512.2  
ББК 81.2 Тюрк-2  
Ч 46

**Ч 46. Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Р.** Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Отв. редактор: д.ф.н., проф. *Е. К. Скрибник*. Новосибирск: изд-во «Любава», 2008. 205 с.

ISBN 5-85618-210-3

Монография посвящена одной из недостаточно изученных проблем тюркологии – синтаксису простого предложения южносибирских тюркских языков. В работе на материале трех тюркских языков Южной Сибири рассматриваются основные принципы организации тюркского простого предложения. Основное внимание уделяется анализу общих и специфических явлений и закономерностей в изучаемых языках.

Результаты и выводы данной работы могут быть использованы в сравнительно-сопоставительных исследованиях, при разработке лекционных курсов по грамматике тюркских языков Южной Сибири, при написании академических грамматик этих языков. Книга будет востребована не только тюркологами, но специалистами, интересующимся типологией языков разных систем.

Печатается по решению Ученого совета  
Института филологии СО РАН  
Работа выполнена при финансовой поддержке  
Российской академии наук

**Рецензенты:**

д.ф.н. Н.Н. Широкова, д.ф.н. Л.А. Шамина, к.ф.н. Н.В. Кутафьева

© М.И. Черемисина, А.А. Озонова, А.Р. Тазранова, 2008

© Институт филологии СО РАН, 2008

## ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена исследованию элементарных простых предложений (далее ЭПП) с глагольным сказуемым на материале трех южносибирских тюркских языков: алтайского, тувинского и хакасского.

Элементарное простое предложение является основной единицей синтаксического уровня языка. В плане содержания ему соответствует одна пропозиция, это значит, что ни один из его компонентов не может быть развернут в самостоятельное предложение. Способом репрезентации ЭПП как знака языка является его модель, которая представляет собой единство плана выражения и плана содержания.

Система моделей ЭПП во всех языках состоит из двух подсистем: глагольной и именной.

Глагольные модели противостоят именным прежде всего по грамматической природе сказуемого. Сказуемое глагольных моделей выражено финитными и инфинитными (причастием, деепричастием в предикативной функции) формами глагола. Все эти глагольные формы требуют определенного набора актантов. Сказуемые же именных моделей состоят из двух компонентов. Первый из них, именной, может быть выражен существительным, прилагательным, причастием, наречием или числительным. Второй компонент – служебный, это связка. Сочетание этих двух компонентов составляет именное сказуемое, или предикат. Связка является формальным носителем сказуемости: она берет на себя выражение грамматических значений, формирующих сказуемость. В роли «идеальной связки» в большинстве языков выступает бытийный глагол, в этой же роли выступают и глаголы состояния, типа *стоять*, *сидеть* и др.

Глагольные модели противопоставляются именным также по типу пропозиции: они описывают событийные (акциональные, статальные) пропозиции, именные же – логические (характеризационные, реляционные).

Особое место в системе моделей предложений занимают пространственные модели, которые также как и глагольные описывают событийные (бытийно-пространственные) пропозиции: наличия, локализации, движения и перемещения. Особенность пространственных моделей состоит в том, что в них локализатор является обязательным компонентом.

В центре нашего внимания будут глагольные модели ЭПП – за исключением бытийно-пространственных, которые рассматривались на материале разных сибирских тюркских языков И. А. Невской [1997; 2005], А. Н. Чугунековой [1998], Н. Я. Сагаан [1998].

Следует отметить, что синтаксис простого предложения рассматриваемых языков еще недостаточно и неравномерно изучен. По этим трем языкам существуют монографические и диссертационные работы, выполненные в русле моделирования, что дает нам возможность для сопоставительного исследования. Однако они, как правило, посвящены описанию отдельных групп моделей.

Кроме вышеназванных работ по пространственным моделям, это работы А. Т. Тыбыковой [1991] и Н. Р. Байжановой [2004] на материале алтайского языка, М. Д. Чертыковой [1991] на материале хакасского языка и др. В этой книге мы постараемся описать ЭПП с глагольными сказуемыми под сопоставительным углом зрения на базе трех близкородственных языков Южной Сибири; подобных исследований до настоящего времени для языков Сибири не проводилось. Как показала проведенная работа, системы исследуемых моделей во всех трех языках сопоставимы и достаточно близки, хотя между ними имеются некоторые

существенные расхождения.

Предлагаемая монография является результатом коллективной работы. Первая глава написана М. И. Черемисиной, вторая и третья главы – М. И. Черемисиной, А. А. Озоновой, А. Р. Тазрановой, четвертая глава – М. И. Черемисиной, А. А. Озоновой. Она написана на базе лекций М. И. Черемисиной, читавшихся в Новосибирском государственном университете на кафедре языков и фольклора народов Сибири, поэтому может использоваться как учебное пособие для студентов-тюркологов сибирских ВУЗов.

Авторы приносят глубокую благодарность ответственному редактору д.ф.н., профессору Е. К. Скрибник за помощь и критические замечания, а также всем, кто помогал собирать и осмысливать материал, – в первую очередь студентам и аспирантам кафедры языков и фольклора народов Сибири Новосибирского государственного университета.

# ГЛАВА I.

## ЭЛЕМЕНТАРНОЕ ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ПЕРВАЯ И ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА СИНТАКСИСА

### 1.1. Формирование представления о модели элементарного простого предложения в истории науки

Каждый язык располагает относительно небольшим числом «образцов», опираясь на которые, говорящие на нем люди строят бесконечное множество самых разнообразных фраз. Мы не знаем, в какой форме они существуют в нашем языковом подсознании. В научном описании их представляют формулами моделей, в которых фиксируются все необходимые и достаточные компоненты правильных фраз и отношения между ними. Иначе можно сказать, что модель – это образец, по которому строится правильная фраза. Модель объединяет инварианты минимальных структурных схем, обеспечивающих законченность предложения, и соотнесенные с ними обобщенные пропозиции.

Разумеется, кроме схем, по которым строятся основы предложений, их ядра, задающие «скелет» пропозиции, говорящие обычно распространяют за счет различных факультативных компонентов. Строя предложение, носители языка, обычно не осознавая этого, руководствуются определенными правилами, во-первых, чтобы быстро и четко фиксировать самые важные характеристики описываемой конкретной ситуации, наметить ее контур, во-вторых, чтобы при желании расширить его, показать богаче и ярче.

Наряду с такими «правилами развертывания» высказывания существуют и определенные закономерности свертывания, сокращения. Во всех языках действует общая тенденция языковой экономии или «экономии речевых усилий», которая

проявляется, в частности, в устранении (элиминации) из фраз избыточных фрагментов. Какие-то компоненты фраз, на уровне модели обязательные, но ясные из контекста или ситуации, легко устраняются из плана выражения. Например, субъект действия может быть выражен формой предиката: алт. *Горькийдинг оромыла базып ий=ди=бис* '(Мы) пошли=мы по улице Горького' (субъект указан личной формой глагола).

Целью научного описания синтаксиса предложения является выявление, осознание и адекватное описание всех основных образцов (моделей построения) простых предложений каждого изучаемого языка. Мы стремимся осмыслить и сформулировать по возможности ясно и четко ответ на следующие два вопроса:

1. Что такое «отдельная модель ЭПП, т. е. как она строится, какими важными свойствами обладает, какой фрагмент действительности отображает?

2. Что представляет собой система моделей ЭПП любого языка, т. е. как каждая отдельная модель соотносится с другими моделями в системе данного языка, какой цели служит и как устроена?

В сущности, это не две задачи, а две стороны одной задачи, потому что место каждой модели (и вообще любой «единицы») в системе языка, и самое ее «право» считаться единицей данной языковой системы определяется ее отношениями с другими моделями (единицами). Это ясно видно уже на примере системы фонем. Так, собственное качество русской фонемы [т] определяется ее отношением к другим фонемам, которым она непосредственно противопоставлена: фонеме [т'] – по отсутствию палатализации, фонеме [д] – по неучастию голоса, фонеме [с] – по способу образования, фонемам [п] и [к] – по месту образования. В алтайском, тувинском, хакасском языках ее место в системе, а тем самым и ее собственное каче-

ство иное: здесь нет «просто» фонемы [т], но есть две фонемы. Одна из них, слабая, имеет два фонетических варианта [д / т], т. е. эти два звука друг другу не противопоставлены. Другая – «сильная» фонема [т] – не озвончается в [д]. Противопоставленность [д / т] и [т] базируется не на участии голоса (звонкости-глухости), а на слабости – силе, степени напряженности органов речи при произнесении этих звуков.

Так же и собственное качество, «особенность» каждой модели ЭПП определяется ее отношениями с другими моделями.

Первый шаг к системному пониманию множества предложений в рамках каждого языка состоял в выдвигании понятия «модели предложения», которое затем уточнилось как «модель ЭПП» (в отличие от сложного), и в теоретическом осмыслении этого понятия. Этот шаг был сделан в науке в середине прошлого века.

Вначале модели понимались почти как «фотографии» предложений, отражающие не языковые сущности, а конкретные объекты – различные фразы в реальном богатстве и разнообразии их состава, со всеми второстепенными членами, с определениями, с разными оборотами. «Снималось» лишь конкретное лексическое наполнение фраз. Так, алтайскому предложению *Кайра ачыт койгон эжиктен карануй айыл жаар бөкөйип кирди* 'Через широко открытую дверь он, нагнувшись, вошел в темную юрту' при такой записи соответствовала бы формула: Adv + T<sub>V=PART</sub> + N<sub>ABL</sub> + Adj + N<sub>NOM</sub> jaap + Adv + Vf. Эта формула описывает, отображает данную фразу, данное конкретное предложение как единицу речи. Но одновременно за нею стоит и то открытое множество предложений, которое может быть построено именно в соответствии с данной формулой.

Однако довольно быстро было осознано, что подобные множества не представляют большого интереса для науки,

потому что в них много случайного, такого, чего могло бы и не быть. Так, в приведенной фразе есть обстоятельства *кайра* 'назад' и *бөкөйип* 'нагнувшись', определение *карануй* 'темный', которые можно опустить, и предложение останется правильным. Но вместе с тем в этом предложении (в этой фразе) нет подлежащего.

Фразу мы понимаем как речевое явление; предложение же как термин лингвистики предполагает единицу языка. В дальнейшем своем развитии наука освобождалась от избыточности формул, подобных приведенной. Научная мысль двигалась к пониманию и представлению предложения как такой единицы языка, которая сама являет собою «систему», каждый компонент которой действительно необходим. Прежде всего это нужно для различения и фиксации языковых сущностей уровня предложений, которые мы теперь представляем и называем моделями. Кроме того, это необходимо для выявления и последующей классификации типов структурно-семантических структур, выражающих единый общий грамматический смысл. Такие структуры прочно связаны с определенной обобщенной пропозицией, – единой, но на конкретном уровне свободно варьирующей применительно к разным жизненным ситуациям. К сказанному нужно добавить, что за системой ЭПП усматривается и система мыслительных структур, которая закладывается в сознание (подсознание) каждого его носителя в раннем детстве вместе с языком.

В соответствии с традицией, модели (или «типы предложений») представлялись живыми или искусственными примерами. Но в конце прошлого века стала ощутимой необходимость обобщенного представления форм и смыслов предложений как единиц языка и появились попытки представлять их структурными схемами.

Первым шагом, первой попыткой в этом направлении была «классификация» предложений Т. П. Ломтева. Он еще до Л. Теньера увидел в предложении «позиционную структуру», состоящую из «позиционных звеньев». В ее составе каждое звено представляет позицию, которая в речи замещается словоформой в заданной грамматической форме. «Позиция» у Т. П. Ломтева подразумевала то синтаксическое место, которое диктует именам валентность предиката. Элементарной синтаксической единицей Т. П. Ломтев признавал не член предложения, не словесную форму, а позиционное звено в позиционной структуре предложения. В его системе понятий термин «позиция» по смыслу соответствует «синтаксическому месту» словоформы как компонента предложения.

Валентные свойства слова Т. П. Ломтев определял как его способность в составе предложения сочетаться с другими словами в определенных грамматических формах. Предложение он понимал как единство «постоянных и переменных» компонентов, а закономерную связь постоянных элементов предложения интерпретировал как его модель. А модель предложения он понимал как ту грамматическую сущность, в которой заключено тождество данного предложения с рядом других предложений. В состав модели он включал только постоянные элементы, необходимые для выражения данного синтаксического смысла [Ломтев 1958; 1959; 1979].

До середины XX в. у синтаксистов не вызывало сомнений, что предложения создаются в речи, что они являются «продуктом речи» и не имеют существования вне произносимых или написанных (или хотя бы «мыслимых») фраз. Т. П. Ломтев поставил этот взгляд под сомнение, но его понимание проблемы тогда еще не было воспринято должным образом и оценено современниками.

Следующий шаг сделала Н. Ю. Шведова. В «Грамматике-70» она изложила свое понимание предложения как единицы языка, а не речи. Она отчетливо и последовательно показала, что за произносимыми и написанными предложениями, фразами как единицами речи, скрыты абстрактные синтаксические единицы языка, знаковые структуры организации мысли. В «Грамматике-70» Н. Ю. Шведова впервые предприняла попытку представить полный список моделей русского предложения, но при этом она предельно ограничила само представление о модели, сведя его к бинарному представлению о взаимосвязанной «паре компонентов» – подлежащего и сказуемого для двусоставных предложений и их аналогов для предложений односоставных. При этом в число односоставных попали и негативные формы предложений наличия и обладания: *На небе облака / На небе ни облачка. Ср. У меня есть деньги / нет денег.*

Однако главный недостаток этой первой попытки отображения нового объекта, предложенной в «Грамматике-70», состоит в том, что модели в этом списке ограничены, сведены только к «главным членам», подлежащему и сказуемому. Эти структуры недостаточно информативны, чтобы служить основой и образцами для построения всего множества разнообразных фраз. Сочетанием главных (в традиционном понимании термина) членов предложения формируется не столько предложение, сколько предикативное ядро предложений. Конечно, возможны и действительно существуют самодостаточные предложения, состоящие только из главных членов: алт. *Энези ёлун калды* 'Его мать умерла'; *Кыш келди* 'Наступила (букв. пришла) зима'; *Мен каткыра бердим* 'Я рассмеялся'. Но их тематика и выразительные возможности ограничены. В текстах и в живой речи их совсем немного, а те, которые встречаются, часто оказываются синсемантическими или эллиптич-

ными, т. е. содержат в себе имплицитное звено. Например: *Принеси мне завтра*. Если исключить метафорическое осмысление, то из конситуации должен быть ясен опущенный компонент – объект (*что* принести?). Чтобы понять такую фразу, адресат должен восстановить это звено на основании близкого контекста или ситуации.

Несомненно, Н. Ю. Шведова сделала первый шаг в новом направлении синтаксической мысли. За этим первым шагом должны были вскоре последовать следующие шаги. После выхода «Граматики-70» была высказана мысль о том, что предложенные здесь минимальные формулы нужно распространять другими предметными компонентами, без которых структурные схемы не указывают тот тип пропозиций, или ту «обобщенную пропозицию», «тип события», который описывается такими предложениями. Содержанием пропозиции должна быть относительно завершенная обобщенная, абстрактная «картинка» действительности. Компоненты, традиционно называемые «второстепенными», в действительности часто бывают необходимы для выражения определенного типа ситуаций. Самый яркий пример – предложения, описывающие действия, необходимо требующие прямого объекта: *Мама варит суп. Река размывла плотину. Курица снесла яйцо.*

В. А. Белошапкина предложила идею расширенных структурных схем, включающих те компоненты, которые необходимы и достаточны для распознавания образа ситуации [1979; 1989]. Пониманию Н. Ю. Шведовой, обращенному к формальной организации предложения как предикативной единицы, В. А. Белошапкина противопоставила свой подход, обращенный к смысловой организации предложения как номинативной единицы языка. Структурный минимум предложения она понимала как «предел семантической автономности», пригодности к выполнению основной функции предложения,

т. е. к выражению «определенного вида «положения дел», событий, ситуаций» [1989: 635]. Такое представление о содержательной стороне объекта естественно предполагает представление плана его выражения с помощью так называемой «расширенной (структурной) схемы предложения».

В понимании В. А. Белошапкиной, расширенная структурная схема должна включать в себя не только такие структурные компоненты, которые входят в предикативный минимум, но и такие, которые выходят за эти рамки, но необходимы для существования определенных структурно-семантических типов предложений, или иначе – для выражения определенных типов пропозиций.

Она выделила 17 таких типов, сгруппировав их в 3 блока. К сожалению, основания этого разбиения раскрыты ею недостаточно четко. В первом блоке объединены основные схемы: одна глагольная, которая ограничена предикативным узлом  $N_1V_B$  и три именных:  $N_1\text{Cop}_f\text{Adj}_{pl/1/5}$ ,  $N_1\text{Cop}_fN_{1/5}$  и  $N_1\text{Cop}_fN_{2-pr}/\text{Adv}_{pr}$ . Эти именные схемы прочно связаны именно с русским языком, в частности, с вариативностью падежных форм присвяточных имен. В последней схеме предусмотрены предикативные наречия и функционально близкие к ним косвенные формы существительных (*Этот дом будет без лифта. Мы были в отчаянии. У него глаза навывкате*).

Второй блок составили двухкомпонентные схемы с инфинитивным подлежащим и именным сказуемым (*Промолчать было разумно. Дозвониться – проблема* и т.п.).

В третий блок вошли 8 структурных схем безличного типа:  $\text{Cop}_{s3/n}\text{Adj}_{fn}$  – *Было темно*;  $\text{Cop}_{s3/n}N_{2...pr}/\text{Adv}_{pr}$  – *Было уже за полночь*;  $\text{Cop}_{pl}N_{2...pr}/\text{Adv}_{pr}$  – *Дома были в слезах* и др. В тюркских языках таких предложений практически нет.

Сюда В. А. Белошапкина отнесла и неопределенно-личные предложения – как  $V_{pl3}$  (*За столом зашумели*),  $\text{Cop}_{pl}N_2$

...<sub>pr</sub>/Adv<sub>pr</sub> *Ему были рады*. С нашей точки зрения, их место в парадигме личного двусоставного предложения: функционально-грамматический «обезличенный» вариант глагольного предиката разных типов, в котором личный субъект мыслится обобщенно и подлежащее «устранено», представляет одно из грамматических значений категории лица – неопределенное лицо. В морфологической парадигме глагола это значение отсутствует, но в личной парадигме предложения оно есть. Можно его представить и как результат опущения местоименный типа *все, многие, мы* ср.: *Дома все были в слезах. Отец был от него в восторге*. Ведь не включены же в список структурных схем, например, побудительные предложения, в которых тоже закономерно отсутствует подлежащее.

Предложений с глагольными сказуемыми в списке В. А. Белошапковой всего четыре. Первый и главный (если не единственный) тип – «двухкомпонентное номинативное предложение» – представляет формула модели  $N_1V_f$ . Но из иллюстраций видно, что она подразумевает и предложения с большим числом актантов. Эту схему демонстрируют примеры: *Грачи прилетели. Зеленеют деревья. Все дела делаются людьми*. Последнее предложение представляет пассивную конструкцию, субъект описанного события представлен косвенным дополнением в творительном падеже, подлежащее называет объект. Если этот тип предложений, достаточно сложно организованный, включается в класс, подразумеваемый формулой  $N_1V_f$ , то в этот класс автоматически должны войти все предложения с двумя и тремя актантами при финитном глагольном сказуемом. С нашей точки зрения, применительно к задаче, которую мы видим перед собой, эти типы предложений должны рассматриваться отдельно, самостоятельно. Формула  $N_1V_f$  должна подразумевать предложения с одним актантом – подлежащим.

К числу глагольных В. А. Белошапкова отнесла структурную схему  $Inf V_f$  и ее варианты. Это предложения, где инфинитив выступает в роли подлежащего. Примеры: *Не мешало бы нам встречаться чаще. Отмалчиваться не следует. Курить воспрещается*.

Формула  $V_{s3/n}$  – подразумевает глагольные безличные предложения. Примеры: *Смеркается. Скрипело, свистало и выло в лесу. Ему нездоровится. Дохнуло свежестью. Крышу охватило пламенем. Пароход покачивало. У него накитело на сердце*.

Надо, однако, сказать, что очень интересная, важная и нужная работа В. А. Белошапковой, написанная в начале 80-х гг., вовсе не была ориентирована на те задачи, которые четверть века спустя мы пытаемся ставить на другом, тюркском языковом материале.

Последовательно агглютинативные тюркские языки отличаются от русского большей четкостью, однозначностью и экономностью грамматических средств. Поэтому многие формулы, структурные схемы, ориентированные на периферийные синтаксические конструкции русского языка, к тюркским материалам прилагаются редко, для тюркских языков они могут и должны быть существенно упрощены. Например, известно, что тюркские прилагательные в системе простого предложения не склоняются, присвязочные имена (предикативы) выступают только в форме неопределенного падежа – творительного предикативного здесь нет. Единичны в тюркских языках Южной Сибири и безличные предложения типа: *Светает*.

Вклад В. А. Белошапковой в теоретическую разработку поставленной проблемы построения типологии предложений как единиц языка был очень существенным. За ее представлением о структурных схемах прорисовываются не только определен-

ные формальные структуры, но и «пропозитивные схемы», фиксирующие синтаксическое содержание этих предложений. Смысловая сторона предложений в то время еще не могла быть осмыслена и представлена как целостная система, охватывающая все конструкции предложения, все взаимно противопоставленные предикативные формы, прочно увязанные с системой обобщенных пропозиций.

Следующий шаг в этом направлении был сделан на материале тюркских языков, карачаево-балкарского – И. Х. Ахматовым [1983], М. Б. Кетенчиевым [1993], алтайского – А. Т. Тыбыковой [1991], уйгурского – С. Н. Абдуллаевым [1992], а также на материале одного из уральских языков нашей страны, хантыйского, – В. Н. Соловар [1991]. Эти лингвисты работали не с понятием структурной схемы предложения, а с понятием (представлением) о модели предложения и о системе моделей, определяющей синтаксический строй каждого языка.

Главная задача, которую решали эти исследователи, состояла в том, чтобы выделить элементы этой системы – те образцы, которые можно оценивать как отдельные модели построения предложений, описывающих каждая какой-то определенный тип ситуаций; важно было выделить эти образцы, одновременно показывая их единую грамматическую, лингвистическую сущность.

Проверкой обоснованности выделения таких элементарных структур должна быть открывающаяся возможность «увидеть» за ними определенные типы ситуаций действительности, получающие выражение в предложениях, построенных по определенным структурным схемам. Это значит, что каждый выявляемый тип предложений естественно противостоит другим множествам предложений, построенных по другим схемам (т. е. занимает «свое место» в общей системе).

Так постепенно термин «модель предложения» начинает пониматься как «знак единства» плана выражения, фиксированного данной структурной схемой, и выражаемого предложением смысла. Смысловая сторона модели предложения понимается как определенная система отношений между синтаксическими смыслами имен, составляющих необходимое и достаточное окружение предиката данной модели. Задается же эта система отношений «требованиями, исходящими от предиката». Смысл модели – это те отношения между ее компонентами, задаваемые и передаваемые определенным набором грамматических форм, которого требует или который задает предикат.

Для представления смысла каждой модели можно использовать, например, набор местоимений *кто* и *что* в определенных падежных формах в сочетании с предикатом – словом самой широкой семантики из общего набора слов, естественных в описании ситуаций данного типа. Структурная схема предложения в сочетании со смысловой стороной – это знаковая фиксация модели.

В результате серии целенаправленных исследований нашего коллектива становится возможным относительно точно определить количество и состав моделей ЭПП для каждого языка. Конечно, такая задача не может быть решена просто и быстро. Она сложна как с теоретической точки зрения, так и чисто эмпирически и практически. Лингвистам еще предстоит большая работа по выработке описания синтаксической семантики и критериев разграничения моделей и их вариантов. Но работы в этом направлении начаты и уже идут.

Модель предложения – это способ выделить, представить и отобразить предложение как синтаксическую единицу языка. До этого предложение понималось и описывалось только как единица речи (см., например, академическую Грамматику

1954 г. под редакцией В. В. Виноградова). А коль скоро осознано, что предложение есть двусторонняя сущность, которую можно и должно представлять моделями (серией моделей), стало необходимым выделение и осмысление каждой модели как отдельной «эмической сущности» и представить по возможности полный список моделей для каждого языка.

Как единицы синтаксиса, предложения продолжают собою ряд, представленный фонемами, морфемами и лексемами. Как всякая «эмическая сущность», модель инвариантна по отношению к своим вариантам, т. е. более частным, более специальным и ограниченным сущностям. Все эмические сущности, – морфема, слово и предложение, простое и сложное, – варьируют как в формальном, так и в содержательном планах. В плане содержания варианты могут различаться как оттенками смысла, так и стилистическими, экспрессивными характеристиками.

Содержательное варьирование всегда так или иначе связано с варьированием формальным. Поэтому нельзя исключить, что семантическое варьирование предложений может затронуть какие-то существенные аспекты пропозитивного содержания, и тогда возникнет вопрос о границе и о критериях оценки «отклонившегося варианта»: остается ли он в рамках инварианта данной модели или представляет уже другую, самостоятельную модель.

В настоящее время еще нет критериев для решения подобных задач в полном объеме по отношению к какому-то языку. Но более частные задачи этого рода уже не только ставятся, но и решаются на материале разных языков довольно широко и успешно. Целенаправленно работают в этом направлении исследователи сибирских тюркских [Черемисина 1989, 1992, 1993а, 1993б, 1994, 1995, 1996, 1997, 1998а, 1998б, 1998в, 2003; Черемисина, Скрибник 1996; Серээдар, Скрибник, Че-

ремисина 1996; Черемисина, Озонова 2005; см. также ниже] и других тюркских языков [Додуева 1997; Тикеев 1999, 2000], монгольских и тунгусских языков, уральских языков, а также русского [Скрибник 1990; Якушко 1997; Кошкарева 2004а, 2004б, 2006, 2007; Шилова 2003; Самойлова 2003, 2004; Баркалова 2004; Доржиева 2005; Болотина 2006; Кузнецова 2006; Кулятина 2006; Сокорова 2006].

На материале сибирских тюркских языков представителями новосибирской синтаксической школы под руководством М. И. Черемисиной выполнен ряд диссертаций, на основе которых позже был издан ряд монографий. Основным глагольным моделям шорского языка посвящена кандидатская диссертация В. М. Теляковой [1994], пространственным моделям этого же языка докторская диссертация, а затем монография И. А. Невской [2005]. Основным именным моделям тувинского языка посвящена кандидатская диссертация Н. Ч. Серээдар [1995], пространственным моделям этого же языка – кандидатская диссертация Н. Я. Сагаан [1998]. На материале хакасского языка по глаголам движения и формируемым ими моделям выполнена кандидатская диссертация А. Н. Чугуневой [1996], по глаголам речи и формируемым ими моделям – кандидатская работа, а позже монография М. Д. Чертыковой [2005]. Моделям ЭПП алтайского языка, построенным по структурной схеме  $N_{Nom} V_B$  посвящена монография Н. Р. Байжановой [2004].

Работы в этом направлении продолжаются и углубляются. Все это уже позволяет ставить более общий вопрос о природе ЭПП и их месте в общей системе языка.

## 1.2. Элементарное простое предложение как единица языка и фраза как факт речи

Элементарное простое предложение – это минимальная синтаксическая форма, способная выполнять коммуникативную функцию. Это основная, центральная единица языка. К ней сводятся и из нее выводятся все остальные синтаксические единицы: простое нераспространенное предложение, простое, распространенное различными второстепенными членами, осложненное, сложное и усложненное. Разные типы предложений объединяются в составе сверхфразовых единств. Входя в такие единства, они могут трансформироваться и утрачивать предикативность, подчиняясь доминирующему компоненту (разного типа обороты, сочиненные ряды, соподчиненные группы, обособленные члены предложения и др.)

В основании всей системы предложений каждого языка лежат ЭПП. Различные конструктивные блоки, делающие предложение осложненным или сложным, сами являются результатом преобразования простых предложений, их компрессии (сжатия), номинализации и др. Поэтому очень важно понять, что такое ЭПП, какое понятие стоит за этим термином, какие типы ЭПП противостоят друг другу и по каким признакам они взаимно противопоставлены, какие ЭПП характерны или не характерны для того или иного языка.

Главная функция предложения – коммуникативная. Предложение включает в себе нужную людям информацию о действительности (реальной или виртуальной). С этой точки зрения природа предложения существенно отличается от природы слова: слово называет, предложение сообщает. Далее, слово выделяет и фиксирует абстрактный, обобщенный объект (предмет, признак, свойство, отношение, действие). Смысловая структура предложения отражает событие. Это событий-

ное представление, означаемое предложения, называется пропозицией.

ЭПП – это конструкт, построенный наукой о языке. Это определенная абстракция, которая помогает глубже понять природу реальных конкретных предложений, представленных в речи фразами; мы их слышим, читаем и произносим повседневно, легко создавая и легко понимая. Назначение ЭПП как конструкта состоит, во-первых, в том, что с его помощью мы осознаем и выделяем разные типы конструкций, выясняем отношения между этими единицами языка. Но он выполняет и другую функцию. За каждым ЭПП усматривается специфическая мыслительная структура, а за общей системой ЭПП стоит общее множество разных (всех) структур этого класса, в котором экономно, обобщенно и четко представлены все типы и формы организации мысли, присущие носителям данного языка, а в принципе языка вообще.

Традиционно предложение понималось как речевое построение, которое создается человеком в речи, в процессе говорения или писания. В этом видели важное отличие предложения от слова (лексемы), от морфемы и от фонемы, которые используются при построении предложений, но существуют в языке как «данности». В школе еще сохраняется такое представление о предложении.

Но научное понимание предложения за последние десятилетия существенно изменилось.

Понятие «предложение» в системе лингвистики подразумевает единицу языка и тем самым противостоит представлению о единицах речи, фразах – конкретных реализациях любых типов предложений (как правильных, так и неправильных). Предложения как единицы языка непосредственно не наблюдаемы, но они «являются» нам через звучащие или написан-

ные фразы. Фразы фиксируются в текстах, а их обобщенные смыслы интерпретируются в научных описаниях и словарях.

Как уже говорилось, образцы, по которым строятся фразы (модели предложений) в раннем детстве «закладываются» в подсознание носителей языка как эталоны, на которые ориентируются носители языка в процессе устной или письменной речи. Фразы несут в себе какую-то конкретную информацию об окружающем нас мире, эталон – информацию о том, как организовать и выразить эту информацию.

Предложение как знак, как единицу языка можно сравнить со словом, которое остается неизменным, меняя свои грамматические формы: слово *человек* принимает разные формы – *человек, человеку, о человеке, с человеком*, но остается тем же словом. Предложение как единица языка тоже остается самим собою, меняя свои формы в пространстве парадигмы. Парадигма предложения, подобно парадигме слова, определяется свойственными этой языковой единице грамматическими переменными, то есть категориями лица, времени и наклонения (модальности). Когда в процессе разговора говорящие строят фразы, они бессознательно подчиняются правилам построения речи на своем языке. Процесс писания у большинства современных людей тоже автоматизирован, но далеко не так полно, как устная речь. Основные типы процедур, которые говорящие и пишущие производят автоматически, схематично и огрубленно можно представить себе следующим образом.

Вначале намечается некоторое содержание – событие, ситуация, что-то, о чем человек хочет сказать, чтобы охарактеризовать, передать свое представление о нем собеседнику. Прежде всего нужно осознать и назвать «центр» конструкции. Это свое исходное представление «о чем-то» (о каком-то событии или явлении), говорящий определенным образом структурирует, подбирая слова. Намечается предметный центр

сообщения, – то, уже известное заранее, «о чем» пойдет речь (оно называется термином «тема сообщения»). Теме противостоит то новое, что нужно сообщить об этом известном, – это рема. В основе ремы всегда лежит признак, либо динамический, выражаемый глаголом, либо статический, который может быть выражен существительным или прилагательным. Часто рема выражается сказуемым; например: *Дождь кончается. Дождь был сильный*. Ср. однако: *Был сильный дождь. Принес магнитофон лаборант*.

В ситуации может быть несколько предметных участников, разными отношениями связанных с предикативным признаком. Например, ситуация передачи чего-то одним лицом другому лицу может структурироваться так, что в качестве предметного центра (темы) будет выбран дающий, в качестве признака – действие ‘давать’ (*дарить, посылать, подносить* и др.). А получающий предстанет как адресат действия, производимого над объектом, например: алт. *Учар меге мылтыгын берди* ‘Учар дал мне свое ружье’.

Но эту же ситуацию можно структурировать и иначе: предметным центром может стать получатель, действием – получение: *Мен Учардан мылтыгын алып алдым* ‘Я у Учара ружье=его взял’.

Когда ситуация структурирована, выбирается наиболее точная лексика для каждой позиции, например, определенный глагол дачи или получения: *дал – подал – продал – вручил – преподнес* и др. Имена предметных участников оформляются теми падежами, которых требует роль каждого участника ситуации. Соответствующая валентность (требования к форме подчиненного глаголу имени) должна быть заключена в предикате.

Закономерности падежного, а также и предложно-последовательного управления в разных языках имеют много об-

щего, но наряду с этим и много своеобразного. Например, в тюркских языках Южной Сибири прямой объект может оформляться тремя падежами: винительным, неопределенным и исходным, который выступает в функции частичного. В якутском – пятью падежами [Убрятова 1950], в русском – четырьмя (винительный, именительный, родительный и пережиточный частичный: *выпейте чайку*). Выбор между этими формами в каждом языке мотивируется своими требованиями и условиями.

Человек, говорящий на родном языке, все процедуры, связанные с выбором нужных, «правильных» форм для выражения нужного содержания, обычно производит автоматически, не фиксируя в сознании, что и как он делает (говорит). Это возможно потому, что в каждом языке уже давно выработаны определенные стандартные схемы, которыми мы овладеваем в раннем детстве. Их сравнительно немного. В процессе речи люди не создают новых схем, но пользуются готовыми, подобно тому, как мы пользуемся готовыми словами.

Поскольку эти операции автоматичны, само слово «выбор» не должно пониматься как решение что-то сделать, выразить свою мысль «так» или «иначе». Такие «решения» могут приниматься в письменной речи, а в устном общении «выбор» происходит обычно одновременно с самим действием, необходимые предикату именные позиции сразу же замещаются словами в тех формах, которых требует роль данного слова как компонента предложения (здесь, впрочем, необходимо дополнительное психолингвистическое исследование).

Применительно к именам-актантам выбор формы достаточно прост, но применительно к предикатам – сложнее. Форма предиката намечается (избирается и конструируется) сразу по нескольким грамматическим параметрам. Глагол, типичный предикат, имеет много «грамматических переменных», и

говорящий должен выбрать (и выбирает, обычно интуитивно) не только какую-то личную форму, но и определенную форму времени и модальности (наклонения). В большинстве языков время очень тесно связано другими категориями предложения, в частности, с аспектуальностью и модальностью, так что бывает несколько форм, способов выразить прошедшее или будущее, можно использовать простую форму или какую-то из аналитических темпорально-аспектуальных форм. В тюркских языках много форм аспектуального типа, «способа действия» (акционсартов), модальных форм и др. Например, в алтайском языке семантика краткого законченного действия получает выражение через систему конструкций с четырьмя разными вспомогательными глаголами; каждый из них употребляется с кругом глаголов определенной семантики: алт. *Ишти эдип салдым* 'Работу выполнил'; *Балазын тажып ийди* 'Ударил своего ребенка'; *Камчызын сугуп койды* 'Спрятал свой кнут'; *Эркин туранан чыга конды* 'Эркин выскочил из дома'. Между вспомогательными глаголами делается выбор, который зависит от того, каков основной глагол, в каком из своих значений он употреблен, от характера, даже от темпа действия, о котором идет речь.

Выявление закономерностей использования какого-то одного вспомогательного глагола при наличии другого, функционально близкого, – интересная, но сложная задача, пока еще полностью не решенная. Так, алтайский глагол *бер*<sup>±</sup> 'дать', выступая в функции вспомогательного в сочетании с определенными типами знаменательных глаголов в форме деепричастия на =а, выражает начало совершения действия, а в сочетании с деепричастием на =п – направленность действия в пользу другого лица (*сшить, купить, построить* кому-то). Например: алт. *Балдар согужа берди* 'Дети начали драться'; *Энем меге меелей түүп берди* 'Мама связала мне варежки'.

Носители языка «автоматически» выбирают нужную форму. Но исследователь, даже будучи сам носителем изучаемого языка, описывая значения той или иной формы, должен искать ответ на вопрос, как, и почему носители языка поступают с языковыми формами именно так, а не иначе.

Итак, основной объект синтаксиса, ЭПП – это минимальная синтаксическая форма предложения, содержащая все лексико-грамматические компоненты (словоформы), необходимые, чтобы обрисовать ситуацию, задаваемую и предопределяемую глаголом-предикатом. Такой необходимой позицией является прежде всего позиция сказуемого и позиции сильно управляемых им имен, без которых сказуемое (прежде всего, конечно, глагол) не может реализовать своего значения.

Обязательных именных позиций (существительных в определенных падежных формах) в предложении может быть от нуля до трех. Например, в предложениях, где сообщается о действии типа 'дать, давать' и 'брать' (*бер= / нир=* 'дать' и *ал=* 'брать') это названия дающего лица, материального или идеального «предмета», который передается, и адресата-лица (человек, организация), которому нечто дается. Или алтайский глагол *күйүн=* 'завидовать' обязательно требует указания на объект зависти, который может быть личным (*кто – кому*) или неличным (*кто – чему*). Это два разные типа фраз и, соответственно, два разные типа предикатов, выражаемые одним глаголом в разных его функциях, – своего рода синтаксические омонимы. Например, *кто кому завидует*: алт. *Сынару айылдажына јаантайын күйүнет* 'Сынару всегда завидует соседке' и *кто чему завидует*: алт. *Айылдажы јаантайын Сынаруныг тоньна күйүнет* 'Ее соседка всегда завидует пальто Сынару'. Внутренняя структура второго предложения существенно сложнее: здесь перед нами свернутая вторая предикация: *Ее соседка завидует тому, что у Сынару такое*

*пальто* (строго говоря, завидовать предмету нельзя, – только лицу, и это лицо – *Сынару*; но фразы такого типа вполне допустимы, только они предполагают более сложный путь к пониманию).

Глаголы движения требуют указания на субъект и направление (*куда* и / или *откуда*). В алтайском языке направление движения (*куда?*) выражается, во-первых, дательным падежом: *Тверской бульвар=га једип келдибис. Јаан эмес үч этаж тура=га кирдибис* (АА, JTJ, 25) 'Мы пришли на Тверской бульвар. Вошли в небольшой трехэтажный дом'. Форма дательного падежа указывает на направление движение и достижение цели движения. Наряду с этой формой используется гармонирующий послелог *дөөн / төөн*, обнаруживающий тенденцию к слиянию с основой имени: *Тура=ден кир* 'Заходи в дом'. Наконец, послелог *дөөн / төөн* передает самое общее направление, которое в хакасском языке выражается специальным направительным падежом с показателем *=зар / =зер / =сар / =сер*. Например, хака. *Акайах иб=зер тарландырган* 'Акайах (быстро) бежал домой (к дому)'.

В естественной речи люди редко строят предложения в точном соответствии с такими минимальными схемами. Обычно ЭПП выступают как основа предложения, которая распространяется за счет необязательных (факультативных) компонентов. В конкретных ситуациях речи может быть важно, когда произошло событие, где, с какой целью, какое орудие действия было использовано и т.д. Например: *В начале урока учитель раздал отстающим ученикам (ср. ученикам раздали) их тетради с многочисленными исправлениями*. Жирным курсивом выделены обязательные компоненты ЭПП; все остальные факультативны.

В произносимых фразах часто исключаются структурно необходимые компоненты, если они и без слов ясны собесед-

нику из речевого контекста или из жизненной ситуации. Например, на вопрос *Где моя книга?* полный ответ мог бы быть – *Твоя книга у Вити. В шкафу* или *Я ее потерял*. Но коммуникативно главные слова здесь – *где* и *книга*; остальные слова избыточны. Вполне вероятен другой ответ: *Я дал Вите*. В этой реплике устранены «избыточные» компоненты, в том числе опущен и структурно необходимый компонент, словоформа *книгу* (*ее*). Без объекта само данное действие невозможно, но его отсутствие во фразе-ответе не мешает пониманию фразы, поскольку это слово было названо (и акцентировано) в предыдущей реплике.

В процессе построения фраз говорящий автоматически выбирает и коммуникативно-целевые варианты предложений: схему простого сообщения, или схему вопроса, или схему побуждения адресата к действию и т.п., например: *Завтра учитель вернет нам проверенные тетради. Учитель вернул вам тетради с сочинением? Кому учитель передал проверенные тетради? После урока сдайте тетради учителю. Вы еще не сдали тетрадь?*

С выбором коммуникативно-целевого варианта бывает связана и частичная формальная перестройка схемы: в побудительной фразе устраняется подлежащее (замещаясь обращением), или один из членов предложения замещается вопросительным местоимением, или местоимение занимает факультативную позицию, появляются частицы и многое другое. Это речевые явления. Но элементарная основа предложения при этом сохраняется, и мы легко осознаем, когда перед нами перестройка, трансформация «первичного» синтаксического объекта, четко представляющая одну, именно данную единицу языка, одно ЭПП. Адресат речи, собеседник, легко «реконструирует» эту первичную форму, с опорой на которую становится понятной и более сложная конструкция.

Определенные изменения схемы могут быть связаны и с выбором таких характеристик высказывания, как модальность и экспрессивность. Если предложение строится как повествовательное, в изъявительном наклонении, говорящий должен выбирать между множеством форм временных, аспектуальных и модальных значений. В каждом случае возможно простейшее, нейтральное решение – формы, вписанные в грамматическую парадигму глагола: прошедшее, настоящее, будущее время, основные аспектуальные формы глагола. Но нередко говорящему требуется решение более сложное. Тогда он использует перифрастические, описательные формы, аналитические конструкции, которые позволяют точно передать субъективно важную дополнительную информацию о событии.

В ряду обязательных грамматических категорий, «грамматических переменных» предложения как единицы языка, стоит и категория аффирмативности, представленная двумя базовыми значениями: утверждения и отрицания. Чаще всего отрицается признак, т. е. наличие данного признака у данного предмета (например, названного подлежащим). Любое предложение, и повествовательное с разными темпоральными, аспектуальными и модальными характеристиками, и вопросительное, и побудительное, может строиться как утвердительное или как отрицательное.

Например: *Учитель вернул тетради ученикам. Он не вернул нам тетради. Сдавайте свои тетради учителю. Вы сдали тетради учителю? Разве вы еще не сдали тетради?*

По-русски отрицание всегда выражается аналитически. В тюркских языках основной способ выражения глагольного отрицания грамматичен и прост – это аффикс =ба, линейно предшествующий всем остальным грамматическим показателям. Однако наряду с ним нередко используются и другие схемы, более экспрессивные, выразительные, например, гла-

гольные конструкции с отрицанием *чок / жок* 'нет', *эмес / эвес / эбес* 'не': алт. *Ол келген эмес* 'Он ведь не пришел'; *Ижин эткен жок, јана берген* 'Не успев сделать работу, он уехал'.

Экспрессивная окраска – это как раз то, что говорящий вносит в сообщение «от себя», выражая уже не само событие объективной действительности, а свое отношение к нему. В тюркских языках в выражении экспрессивной окраски главная нагрузка обычно ложится на сказуемое, но могут затрагиваться и другие члены предложения.

Средства выражения экспрессии очень разнообразны. Так, утверждение может экспрессивно подчеркиваться использованием отрицания и наоборот: ср. тув. *бар эвес* 'нету же', *чок эвес* 'есть же': *Менде акша бар эвес* 'У меня нету же денег'; *Менде акша чок эвес* 'У меня есть же деньги' (букв. отсутствия нет; в первом случае отрицается наличие, а во втором – отсутствие какого-то объекта). Сочетание отрицательной формы с вопросительным словом или частицей тоже передает подчеркнутое утверждение. В русском это фразы типа *Неужели ты не знал* (= Ты же знал); *Разве это неверно!* (= Ты же знаешь, что верно!) и т.д., в алтайском языке – сказуемые в форме отрицательного деепричастия с частицами – =бай а, =бай база. Например: *Јакшы улуска болушпай база* 'Конечно, надо помочь (как не помочь) хорошим людям'.

Таким образом, все фразы, которые мы читаем в текстах и пишем сами, являются результатом сложных, разноплановых интеллектуальных «грамматических действий». Каждая произнесенная фраза, которая рождается в определенной ситуации, даже такая простая, как тув. *Мен студент мен* 'Я студент' или алт. *Акам кижји алган* 'Мой брат женился', есть неповторимый продукт индивидуального творчества. Как уже говорилось, задача всякой науки состоит в том, чтобы за разнообразием, пестротой наблюдаемых фактов действительно-

сти увидеть общую сущность многих явлений. Поэтому и перед синтаксисом стоит задача – свести бесконечное множество фраз, которые уже созданы, создаются сейчас и будут созданы в будущем на некотором языке, к относительно малому числу образцов, – единиц, принадлежащих языку и являющихся нам в речи. И именно такими единицами являются ЭПШ.

### 1.3. Моделирование как способ представления структурно-семантических типов простого предложения

Когда мы говорим о таких единицах языка, как фонемы, морфемы и лексемы, вопрос о способах их отображения в научном описании как будто не возникает или во всяком случае решается «просто», в соответствии с «обычаем», со сложившейся традицией. Мы используем для этого обычные буквы. Но сама буква и есть как раз тот символ, который тысячелетия назад был специально создан для отображения звуков речи, за которыми стояли звуковые единицы языка, фонемы.

При помощи цепочек букв мы представляем и слова, и морфемы: алт. *кел* = корень с семантикой 'идти (по направлению к говорящему)', =*галак* – в алтайском глагольный аффикс еще не совершившегося действия, в тувинском – аффикс ближайшего, непосредственного будущего времени. В принципе так же мы представляем и слово: алт. *терек* 'тополь', хак. *чыда* 'копье'.

Обобщенно представлять слово, лексему-существительное, принято в именительном (неопределенном) падеже. Глагол во многих языках принято представлять инфинитивом. Например: русск. *брать / взять, дать / давать*, хак. *ал=арга, тир=ерге*. Но в тувинском глагол принято представлять формой причастия будущего времени на =ар, например, *ал=ар*,

*бер=ер* (те же глаголы). В «Ойротско-русском словаре» [1947] алтайские глаголы предстают в форме основы: *ал=*, *бер=*, а в более позднем «Русско-алтайском словаре» [1964] – уже в форме инфинитива на *=арга*. Мы привыкаем видеть за этими условно выбранными формами всю парадигму этих частей речи, а в языках агглютинативного строя парадигма глагольного слова насчитывает несколько сотен форм.

Представление же синтаксических единиц, и прежде всего – ЭПП в грамматических описаниях связано с очень существенной трудностью. Дело в том, что с помощью привычной буквенной записи словоформ, составляющих предложение, представить ЭПП невозможно. Такой опыт был предпринят Т. П. Ломтевым, который попытался представлять предложения как единицы языка с помощью простой буквенной записи «простейших», минимальных конкретных фраз. Но этот опыт как раз очень убедительно показал, что фразы в своей естественной, конкретной лексико-грамматической реализации всегда остаются очень прочно привязанными к конкретным ситуациям. Их обобщающая сила меркнет перед образом конкретной жизненной ситуации, описанной данной фразой.

Даже в тех случаях, когда лексический состав таких эталонных фраз ограничен строго необходимым минимумом компонентов, и в предложениях нет ничего избыточного и ничего недостающего, фраза все равно представляет только себя и остается единицей речи. Она слишком конкретна, чтобы служить адекватным знаком определенного типа ЭПП как единиц языка. Например, фразы *Мороз крепчал. Ворона каркнула. Ребенок плачет. Мама проснулась. Стул развалился. Газета упала* имеют одинаковую структуру (подлежащее + сказуемое). Казалось бы, любая из них может представлять данный тип предложения. Но именно это и мешает использованию таких фраз в качестве представителя типа. Они слиш-

ком конкретны, слишком связаны со своими индивидуальными смыслами.

Поэтому, чтобы представить ЭПП в научном описании (а тем самым и «увидеть» этот объект умственным взором, почувствовать его), мы должны обращаться к более сложным, специальным приемам. Для представления сущностей языковых знаков синтаксического уровня оказываются необходимы специальные символы. Пока еще фонд таких символов окончательно не сложился, но он уже существует и довольно прост в обращении. Пользоваться им не только можно, но и необходимо.

Отображение ЭПП с помощью специальных символов называется моделированием ЭПП. Под моделью в науке подразумевается некоторое искусственное «устройство», которое может быть (и обычно бывает) совершенно иноприродным моделируемому объекту, однако воспроизводит, или отражает, именно те свойства данного объекта, для постижения, познания которых эта модель создается.

Яркий пример такой модели, широчайше используемой не только в науке о языке, но и повседневно в практической жизни, – это буква по отношению к своему объекту, фонеме. Графический знак А (а) в русском, тюркских, бурятском и многих других языках символизирует гласный звук средненижнего подъема, центрального ряда, не носовой. Все буквы всех алфавитов суть символы, и за одним и тем же значком в разных языках могут стоять разные «смыслы», то есть звучания. Символ β в древнегреческом обозначал звук «б», а в византийский период уже «в» (Базилевс < Василий). В русском символ Ъ до реформы 1918 г. чаще всего обозначал отсутствие гласного в конце слова, например, *домъ*. Сейчас за ним «скрывается» звук [й (j)] – *подъезд* [*подйезт*], [*сйест*] (= *сьезд* или *сьест*). Символами являются все цифры; свой набор символов имеют

логика, физика, химия и другие области знания. Каждый символ предполагает четкие, строго соблюдаемые «правила чтения», то есть скрытый за ним смысл. Поэтому, говоря о моделях ЭПП, нужно четко осознать, какие свойства ЭПП языка-объекта (фраз) для нас существенны и должны отображаться моделями ЭПП. Главным с этой точки зрения представляется то, что ЭПП – знак синтаксического уровня языка. Как всякий знак, он представляет собою неразрывное единство двух сторон, содержания и выражения. Значит, и в модели ЭПП должны быть воспроизведены обе его стороны. Рассмотрим, что же они собой представляют.

### 1.3.1. План выражения элементарного простого предложения – его структурная схема

Структурная схема ЭПП в нашем понимании – это графическое отображение определенного типа предложений с помощью набора заранее оговоренных символов. Символы должны обозначать все структурные компоненты, которые необходимы и достаточны, чтобы отождествить все фразы, представляющие именно данный структурный тип предложений. Конкретнее – структурная схема должна содержать все компоненты, символы словоформ в составе предложения, необходимые и достаточные для выражения данного типового смысла. Никаких компонентов, кроме необходимых, модель содержать не должна.

В современной лингвистике уже сложилось и утвердилось определенное понимание того, что такое, в принципе, структурная схема предложения. Однако в процессе формирования этого понятия разные исследователи вкладывали в этот термин существенно разный конкретный смысл. Совсем не оди-

наково понимали структурную схему Н. Ю. Шведова и В. А. Белошапкина.

Н. Ю. Шведова ограничивает ее теми компонентами, которые грамматически абсолютно необходимы. Поэтому структурные схемы русских предложений оказываются у нее схемами предикативных узлов – или грамматических структур, подобных структурам предикативных узлов, хотя природа этого подобия не оговаривается. Такое понимание структурной схемы существенно затрудняет (если не исключает) возможность соотнесения этих схем с синтаксическими смыслами (обобщенными пропозициями): ведь структурная схема  $N_1V_f$  «не видит» и не позволяет увидеть разницу между предложениями типа *Дети спят. Дождь идет. Поезд остановился. Самолет разбился* и предложениями типов *Ольга занимается спортом. Алексей преподает физику. Дети любят мороженое. Отец отправил Мишу к бабушке. Семья переехала в Киев. Даша сидела на скамейке.*

В. А. Белошапкина делает следующий шаг. Она раздвигает границы структурных схем в той мере, в какой это необходимо, чтобы они стали осмысленными. В структурную схему вводятся актанты – необходимые «предметные участники» ситуаций. Однако и В. А. Белошапкина еще не поставила задачи системного описания минимальных синтаксических единиц русского языка с опорой на структурные схемы, соотнесенные с обобщенными пропозициями.

Возможно, на материале флективного русского языка с присущей ему грамматической идиоматикой эта задача действительно представляет очень серьезные трудности. Но материал последовательно агглютинативных, «алгебраичных» по своей природе, «конструктивных» языков, какими являются тюркские, а также монгольские и тунгусские, открывает такую возможность.

Важная особенность этих языков состоит в том, что в них даже словоформа не столько воспроизводится, сколько конструируются говорящими в процессе речи. В этих языках существуют достаточно четкие правила, касающиеся порядка следования аффиксальных морфем за начинающим слово корнем. Опираясь на них, носители тюркских языков конструируют требуемую словоформу. В синтаксисе еще более последовательно и четко прослеживается связь между грамматическим и семантическим типом предиката с одной стороны, и с другой – с лексико-семантическими типами подчиненных ему актантов, грамматическая форма и семантика которых достаточно строго задается предикатом.

Вероятно, это и позволило тюркологам более последовательно, чем это сделали русисты, поставить и попытаться решить задачу моделирования простого предложения. А это сразу повлекло за собой опыты разработки специального формализованного, а затем и специального формального «языка» для фиксации структурных схем, соответствующих отдельным моделям ЭПП, а также семантического языка для фиксации обобщенных пропозиций. В настоящее время в тюркологии определен опыт модельного представления предложений уже накоплен.

В новосибирской научной школе первый опыт моделирования предложений и представления типов предложений с помощью структурных схем накапливался в процессе исследования полипредикативных (сложных и не вполне сложных) предложений в пяти, а позже семи языках Сибири. Он отражен в двух коллективных монографиях [Предикативное склонение причастий... 1984 и Структурные типы... 1986], а также в ряде монографий: Л. А. Шаминой на материале тувинского [1987], Е. К. Скрибник – бурятского [1988], Т. П. Филистович – алтайского [1991], и в многочисленных статьях в сборниках,

которые издавались Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР и Новосибирским госуниверситетом.

Позже этот накопленный опыт был использован при разработке проблематики простого предложения. Но, конечно, здесь потребовалась существенно новая система формализованной записи. Сложность была не в том, чтобы ввести и использовать какие-то другие, новые, дополнительные символы для представления компонентов структурных и семантических схем. Необходимо было разработать систему дескрипторов, уточняющих базовые символы и в грамматическом, и в семантическом аспектах. Главные трудности были и остаются связанными с необходимостью отображать в формулах также и план содержания моделей ЭПП, т.е. как-то формализовать обобщенные пропозиции.

Структурные схемы моделей фиксируются структурными формулами, построенными из заранее известных, заданных символов, смысл которых четко оговорен. В основу используемой нами символики положены символы морфологических классов слов, как это широко практикуется в специальной литературе. Но в синтаксическом исследовании этим символам должна даваться не морфологическая, а синтаксическая интерпретация.

Так, символ N (nomen 'имя') приобретает значение не имени существительного, а любого именного названия предметного участника пропозиции – в частности, он подразумевает и лично-предметные местоимения, и субстантивированные числительные и прилагательные. Символ V (verbum 'глагол') – глагольное сказуемое, символ Adj (adjectiv) – прилагательное, но в сочетании с символом (cop) – copula 'связка' – адъективное сказуемое. Прилагательное в роли определения не бывает необходимым компонентом модели, поэтому в структурную формулу ЭПП в таком непредикативном употреблении этот

символ не проникает. Символ N в сочетании с символом (сор) подразумевает субстантивное сказуемое.

По мере потребности и возможности функционально-синтаксические характеристики базовых символов уточняются и фиксируются с помощью различных дескрипторов, прежде всего дескрипторов падежей существительных.

В структурных формулах, фиксирующих план выражения моделей ЭПП, падежи выступают как маркеры ролей предметных участников пропозиций, описываемых данной структурной схемой. Поэтому символ N всегда должен употребляться с падежным дескриптором, без которого он оказывается лишенным смысла. Но и дескриптор перестает быть символом падежа как морфологической категории и становится символом синтаксическим: он маркирует не только форму, но и роль данного именного компонента в данной модели.

Поэтому очень существенным оказывается тот факт, что большинство падежей многозначны. Это позволяет одной падежной форме имени в составе разных пропозиций играть разные роли. Например, форма творительного падежа может играть роль орудия в составе модели действия (*ударил палкой*), роль средства (*лечился пилюлями*), роль пассивного объекта эмоции в предложениях типа *Я тобой доволен*, ср. в алт. кроме того: *Сен=ле не болгон?* (в русском падежной форме *сен=ле* в этом случае соответствует предложно-падежная форма: *С тобой что было (произошло, случилось?)*). Поэтому при описании семантики ЭПП постоянно возникает проблема фиксации ролей актантов и тех оттенков, которые требуют или не требуют особого отражения в символической записи. Многозначность падежей вызывает потребность в дополнительных семантических дескрипторах, указывающих на роль данного падежа именно в данной модели. Это уже довольно давно осознано лингвистами, и они работают над созданием

списков семантических ролей, выполняемых именными формами в составе предложения. Но система таких символов окончательно еще не сложилась; разные авторы подходят к этой задаче с разных позиций и используют разные термины для разных наборов семантических ролей, уточняющих конкретные функции актантов в составе той или иной модели. Мы опираемся на классификацию актантных и сирконстантных ролей, разработанную М. В. Всеволодовой [2000], привлекая также работы Т. В. Шмелевой [1988].

Другая трудность связана с тем, что одну и ту же – или «почти одну и ту же» роль в составе модели могут играть разные падежные и падежно-последовательные формы; точнее, каждая роль может быть представлена несколькими вариантами, что мы постараемся показать ниже. Нам представляется разумным отождествить эти оттенки грамматических значений – как, например, в уже сложившемся понятии о роли «прямого объекта». Мы говорим, что он выражается винительным падежом, называем винительный падеж прямого объекта. Но, как уже говорилось, в тюркских языках Южной Сибири роль прямого объекта играют три падежа, между которыми говорящий всякий раз делает выбор: это винительный, неопределенный и исходный. И выбор между ними определяется сложной системой факторов. В тюркских языках Сибири он обусловлен не столько грамматикой, сколько прагматикой и семантикой – тем, как говорящий видит ту ситуацию, которую описывает. Поэтому вариативность формы прямого объекта укладывается в рамки одной модели. В русском, наоборот, выбор формы носит чисто формальный характер, кроме «частичного» падежа, который выходит из употребления. Модель предложения с прямым объектом, при вариативности его падежного оформления, в этих языках остается одна и та же.

Еще шире выбор форм в предложениях, описывающих движение и местонахождение. Например, направление движения – ‘куда?’ – в разных языках передается по-разному. В алтайском широко используется дательный: *Далаа... түрген чадыр=га барды* (ЭП,А,10) ‘Дьалаа быстро пошла в летний дом’, но нередко и падежно-последеложная форма  $N + töön$  или  $N + jaap$ : *Демзе эмди тайга jaap көчө берген болбой кайтсын* (ЭП,А,5) ‘Дьемзе, наверное, теперь переехал в тайгу’. Послелог *töön* имеет сильную тенденцию к превращению в падежный аффикс, что проявляется в том, что он на письме сливается с именем существительным. В хакасском в этой функции тоже возможен дательный, но чаще употребляется направительный падеж на =*зар*. В тувинском значение направления движения передается преимущественно направительными падежами (их в тувинском два), но иногда и дательным. В тувинском дательный падеж используется также для выражения местонахождения (где), противопоставляясь местному падежу чисто грамматически: местный – если время в предложении настоящее, дательный – если время прошедшее или будущее [Серээдар 1995]. Кроме того, это отношение передается сочетанием форм родительного / неопределенного падежей со служебными именами, оформленными аффиксами дательного или направительного падежей.

Возникает вопрос, как представлять такое множество вариативных форм в записи структурных формул моделей. Мы используем два решения: при ограниченном характере варьирования каждую роль со всеми ее конкретными вариантами мы представляем одной самой частотной маркированной формой; например, прямое дополнение представляем формой винительного падежа, роль орудия – творительным (или орудным).

В случае массивного варьирования удобнее обозначать саму роль с семантической точки зрения. Так, роли ориентиров местонахождения и направления движения мы называем актантами-локализаторами и записываем не символом  $N$  с дескриптором падежа, а символами  $Loc$  (где),  $Adloc$  (куда) и  $Deloc$  (откуда). Все остальные возможности должны указываться в развернутом описании модели как альтернативные варианты в рамках данной модели.

Во избежание омонимии структурных формул, описывающих разные модели, используются семантические дескрипторы предикатов, отражающие их релевантные лексико-семантические и грамматические характеристики. Например, символ  $N_{Instr}$  (инструментальный падеж) в предложениях типа алт. *Мен карындаж=ым=ла куучындаштым* ‘Я разговаривал с братом’ и *Карындыж=ым=ла түбек боло берди* ‘С моим братом случилось несчастье’ выражает разные роли. Без указания на лексико-семантический и грамматический типы предикатов формулы выглядят омонимичными. Поэтому в первом случае символ предиката должен получить дескриптор, например, *взм* (взаимодействие), во втором *быт* (бытие):  $V^{взм}$ ,  $V^{быт}$ , или их латинские аналоги. К сожалению, единой, общепринятой номенклатуры пока нет.

План содержания моделей ЭПП – обобщенные пропозиции – можно представить цепочками местоименных форм в сочетании с лексемой, представляющей класс предикатов данной модели. Например, структурной формуле  $N_{Nom} N_{Dat} V^{em}$  соответствует пропозиция, которую представляем записью: «кто кому / чему радуется» (*Я радуюсь весне. Я завидую брату*).

Модель безличного предложения с семантикой состояния лица записывается структурной формулой  $N_{Dat} A$  (cop) «кому каково (cop)»: алт. *Меге соок (болгон)* ‘Мне холодно (было)’. Сравним близкую к ней модель с первым актантам простран-

ственной семантики: Лос А(сор) «где какво (сор)» *Мында сүүнчилү* 'Здесь весело'.

Структурные схемы помогают нам увидеть стоящие за ними абстрактные смысловые структуры, с помощью которых мы ориентируемся в окружающем нас мире. Эти грамматические формулы, число которых очень невелико в сопоставлении с тем морем информации, которым мы оперируем ежедневно, состоят из очень ограниченного числа символов. Это делает их множество обозримым и поддающимся систематизации. Через абстрактные смысловые структуры, через грамматические формы и семантические роли актантов мы классифицируем пропозиции предложений, а значит, и те типовые события реальной жизни, которые ими описываются. Конечно, в системе языка не могут отображаться никакие конкретные события. В тех концептах, которые соответствуют содержательной стороне отдельных ЭПП, отражаются и фиксируются лишь абстрактные минимальные схемы разных типов событий. Но за общим множеством этих абстракций стоят — уже должным образом обобщенные и схематизированные — все жизненные ситуации, которые могут быть описаны предложениями, построенными по этим схемам.

### 1.3.2. План содержания элементарного простого предложения — обобщенная пропозиция

Термин «пропозиция» в ЛЭС определяется как «семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций» [1990: 401]. Иначе говоря, это то содержание, которое объединяет фразы следующих типов: *Я болею. Ты болеешь. Володя заболел. Маша болеет. Малыши уже переболели. Я не болею. Не болейте. Пусть дети не*

*болеют. Только бы ты не заболел. Нина еще не переболела корью. Миша еще не заболел. Поболей! Не болей! Пусть поболает. Пусть бы поболел. Поболей-ка тут! Заболел бы ты! Хоть бы он заболел! Только бы Миша не заболел. Можешь и заболеть. Мог бы заболеть и т.д.*

Все эти фразы (и многие другие, которые здесь не приведены) представляют одно типовое событие, одну конкретную пропозицию, которую можно условно представить простейшей формой предложения — *кто-то болеет*, или «именем события», номинализованной формой, — *чья-то болезнь*. Все эти фразы являются результатом грамматических преобразований одной и той же «исходной», простейшей конструкции по правилам, которые с детства всем носителям языка хорошо известны.

В конкретной фразе отображается обычно какое-то одно событие, происшедшее в определенное время с кем-то или чем-то.

Объектом отображения модели предложения является открытое (т. е. неограниченное, бесконечное) множество жизненных ситуаций определенного типа, которое описывается фразами определенной структуры. Конечно, эти фразы могут иметь совершенно разные конкретные смыслы, но должны иметь один и тот же абстрактный инвариантный синтаксический смысл.

Термин «пропозиция» может употребляться применительно к конкретным фразам, и тогда он подразумевает семантическую абстракцию, обобщающую все потенциальные грамматические модификации именно этого конкретного предложения (фразы), освобожденного от факультативных распространителей и от конкретных грамматических характеристик сказуемого. Но когда мы говорим о предложении как о синтаксической единице языка, мы должны абстрагироваться и от лексических значений всех составляющих его слов, и от всех пе-

ременных лексико-грамматических характеристик. Таковую абстракцию мы называем обобщенной пропозицией. Она соответствует не фразе, а структурной схеме, описывающей множество конкретных предложений разной конкретной семантики (во всех их грамматических поворотах – или лучше сказать, в отвлечении от какого-то конкретного грамматического поворота).

Таким образом, модель отображает определенный тип событий, который определяется заданным числом участников и типом отношений, связывающих участников события между собой.

Мы используем термин «пропозиция» в более широком значении, чем, то, которое сформулировано в ЛЭС. В ЛЭС это понятие соотносится с семантикой конкретного предложения, абстрагированной от грамматических характеристик. Наше же понятие «обобщенной пропозиции» соотносится не с отдельной фразой, а с определенной структурной схемой, лежащей в основании открытого множества предложений, построенных по этой структурной схеме и выражающих общий абстрактный смысл. Каждому из таких предложений потенциально соответствует огромная грамматическая парадигма (предусмотренная формулировкой ЛЭС).

Это значит, что от конкретной фразы, сказанной или написанной кем-то и описывающей вполне определенную единичную ситуацию, мы постепенно переходим ко все более и более абстрактному представлению о типах ситуаций действительности – или, точнее, к той абстракции, которую предлагает нам конкретный язык.

Модель предложения – это наша попытка представить минимальную языковую форму, способную выражать обобщенный пропозитивный смысл. И мы полагаем, что есть определенные основания оценивать количество таких единиц в языках как относительно небольшое: вряд ли оно существенно превышает две-три сотни.

Итак, модель – это наше представление языкового ЗНАКА, в виде определенного набора символов фиксирующее недоступную прямому наблюдению языковую сущность. Знак – двусторонняя сущность, обе его стороны (структура выражения и соответствующая ей структура смысла) неразрывно связаны одна с другой. Это значит, что единство смысловой стороны модели, тождество обобщенной пропозиции самой себе, может обеспечиваться только единством второй стороны – плана выражения, – одинаковостью формальной организации, структуры предложения.

#### 1.4. Элементарное простое предложение как единица системы

На основании всего изложенного выше можно сделать определенные выводы. Было показано, что общее множество предложений каждого языка объективно представляет собой не беспорядочное, а строго упорядоченное множество форм. За пестрым множеством речевых построений, разнообразие которых можно считать не ограниченным, мы видим четко организованную систему абстрактных минимальных единиц, обладающих всеми важнейшими свойствами предложения, – ЭПП.

Следующая задача – опираясь на это базовое представление, выявлять и описывать общие множества таких единиц в каждой конкретной языковой системе. Эту ситуацию в современном синтаксисе правомерно сопоставить в историческом плане с тем, как в первой четверти XX в. в сфере фонологии была выделена фонетическая единица языка – фонема, и вслед за этим теоретическим открытием стали выявляться и описываться системные множества фонем каждого языка.

ЭПП соотносится с реальными предложениями в звучащей речи и тексте. В принципе это отношение подобно отношению фонемы к реальным звукам. Однако между ЭПП и фонемой есть существенное различие. Оно состоит в том, что оболочки слов в системе языка состоят из фонем, которые в речи проявляются в звуках, на письме отражаются буквами, и кроме этих звуков в слове нет ничего. А предложения (фразы), звучащие в нашей речи или написанные буквами, кроме ЭПП, определяющих их сущность, содержат обычно много других относительно случайных элементов, которые усложняют синтаксическую структуру и мешают увидеть существенное ядро фразы. Поэтому первая задача исследования и научного осмысления ЭПП состоит в выделении этих ядер из фраз и в представлении этих единиц каждого языка в виде списка.

Установленного, проверенного и обоснованного, «доказательного» списка ЭПП пока нет ни для одного языка. Составление такого списка требует многолетней исследовательской работы большого коллектива. Однако значительная часть необходимой предварительной работы на материале тюркских языков, в частности, сибирских, уже проведена. Построены основные понятия, в которых осмысливаются и описываются предложения как единицы языка. Выявлены основные дифференциальные признаки (категории), которые могут считаться грамматическими категориями предложения. Эти категории определяют собою те рамки, в которых предложение как эмическая сущность, меняясь, остается тождественным самому себе. Выявлены типы форм (позиций), которые определяют собою состав ЭПП как единиц языка. Иначе говоря, эта подготовительная работа уже позволяет увидеть основные контуры общей системы ЭПП изучаемых языков.

Системой называется такое множество объектов, в составе которого все объекты (элементы системы) настолько тесно

связаны друг с другом, что изменение одного из них прямо или косвенно влечет за собою изменение всех остальных.

Всякая система в каждый момент своего существования представляет собою одно замкнутое в себе целое, и в этом качестве система может развиваться и совершенствоваться (или, наоборот, «сжиться», деградировать и погибать). Всякая система состоит из подсистем, которые, в свою очередь, тоже являются системами. При этом система, объединяющая в себе несколько подсистем, не является простой их суммой, но в ней появляется новое качество, которое не было присуще нижележащим подсистемам. Изменения же обычно происходят на относительно низких уровнях подсистем и в системе как в целом могут долго оставаться незамеченными.

Нематериальная система «язык» принадлежит к числу сложнейших систем. Она состоит из нескольких взаимосвязанных, но не входящих друг в друга разноуровневых подсистем. Одной из таких подсистем является синтаксис. В речи к этому уровню относится открытое множество фраз, но в системе языка этому множеству соответствует закрытое, конечное множество ЭПП, отображаемых моделями. Каждая модель ЭПП предстает здесь как единичная абстрактная сущность, противопоставленная всем остальным таким же сущностям по определенным признакам содержания и выражения. Говорить о системе моделей ЭПП дают нам право два несомненные обстоятельства.

Первое из них – это сама сводимость всех возможных фраз к ограниченному набору образцов. Фразы могут содержать в себе элементы, распространяющие тот или другой компонент модели; каждый из компонентов может быть удвоен и утроен за счет однофункциональных лексем (однородных членов). Структурно необходимые, но контекстуально избыточные компоненты могут быть опущены (например, личное подде-

жащее, если субъект выражен личной формой сказуемого) и т. п. Но тем не менее за каждой фразой, которую произносят или пишут носители языка, всегда стоит (и может быть показана, реконструирована) определенная языковая модель ЭПП.

Второй аргумент – это то, что с помощью ограниченного (даже очень ограниченного по сравнению, например, со словарным составом) числа моделей ЭПП носители каждого языка могут описывать и описывают весь свой жизненный опыт. Этот опыт составляют все наши представления о мире, об окружающей нас природе, о нас самих как о физических, психических и социальных субъектах, о наших чувствах и мыслях, об устройстве общества и вселенной. И даже (что труднее всего) о самом языке. Никто пока не сталкивался с такой ситуацией, которую было бы невозможно описать предложениями родного языка, а в их основании лежат минимальные структурные схемы.

Таким образом, в любом языке полная совокупность моделей ЭПП в каждый данный момент представляет собой закрытое и относительно небольшое, обозримое множество, обеспечивающее, однако, полноценное общение в меру познанный мира обществом – носителем данного языка.

Когда говорится о том, что совокупность моделей ЭПП ограничена и системна, первый вопрос, который может и должен возникнуть в этом контексте: «Как же весь огромный накопленный народом опыт укладывается, размещается в таком ограниченном и небольшом «пространстве», как какая-то сотня моделей?» Но на этот вопрос мы отчасти уже ответили: модели довольно широко варьируют за счет широкого лексико-семантического варьирования лексического состава моделей, за счет распространения их «основ» внемоделными лексическими распространителями.

Модель фиксирует лишь абстрактную схему отношений между участниками пропозиции, поэтому оказывается возможным, меняя ее типовое лексическое наполнение, выразить с помощью той же структурной схемы существенно другой тип жизненных ситуаций.

Например, модель  $N_{\text{Nom}}V_f$  «кто (как) действует» описывает ситуации: а) физического состояния субъекта: *Я болею. Девочка простудилась. Кошка спит*; б) психического, эмоционального состояния: *Она страдает*; в) проявления состояния: *Ребенок плачет*; г) занятия: *Лера музицирует. Сергей рисует*; д) звучания: *Паровоз свистит*.

Пока мы рассматривали лишь вопрос, касающийся в основном внешней стороны предложений, плана выражения. Второй вопрос, возникающий вслед за первым, обращен к содержательной стороне. Как соотносятся между собой и как структурируются внутри себя «обобщенные пропозиции», смыслы предложений как «единиц языка», эмических сущностей? Ведь именно их совокупность закрывает собою все пространство нашего земного опыта.

Внутренняя сторона этих знаков связана с внешней структурой отношения отображения и соответствия. Пропозиция должна объединять в себе столько же компонентов, сколько их дано в плане выражения знака. Структурные отношения между именами в составе предложения определяются (или «задаются») предикатом, главенствующая роль которого состоит в том, что он требует от своих актантов определенной синтаксической формы, т. е. определенного падежа или сочетания падежа с послелогом или предлогом. В плане содержания эти же отношения отображаются как роли лично-предметных участников пропозиции, предопределенные предикатом.

Все грамматические формы имен в составе моделей ЭПП выражают тем самым функции участников пропозиции по отношению к самой пропозиции. Наиболее отчетливо эти отношения видны в многоактантных моделях. Чем больше участников пропозиции, тем сложнее отношения между ними, а значит, и сама пропозиция. По этому признаку могут быть взаимно противопоставлены пять групп моделей: нульместная (*Светает*); одноместная (*Самолет взлетел*); двухместная (*Я люблю орехи; Я горжусь тобой*); трехместная (*Нюра продала мне косынку; Капитан послал ординарца к генералу*) и четырехместная (*Отец привез сыну из Америки несколько книг*).

В четырехместных конструкциях, как правило, один из актантов можно интерпретировать как результат контаминации двух моделей с двумя совпадающими актантами. В многокомпонентных предложениях сам набор актантов в определенных формах уже существенно предопределяет, «прогнозирует» функционально-семантический тип предиката: *Наша фирма – из Австралии – выгодный заказ – проворонила (получила)*. Выраженная «система отношений между актантами» предопределяет возможный тип предиката. Подобным же образом сама эта система актантов «диктуется» предикатом: *прислал* – тотчас вызывает вопросы: *кто – что – кому?* (Ср. Апресян 1967).

Такая взаимозависимость между предикатами и системами актантов, необходимых для их реализации, существует и в более лаконичных моделях, только там диапазон разных возможностей гораздо шире.

Система моделей простого предложения в любом языке может быть охарактеризована с нескольких точек зрения. Поэтому перед тем как рассматривать эту систему и отдельные ее звенья на материале конкретного языка, целесообразно прояснить, как она предстает в свете принятых исходных по-

ложений и на каких основаниях строится систематизация форм простого предложения в целом.

Общая система ЭПП, вся совокупность моделей этих конструкций, представлена двумя «блоками». Один из них составляют глагольные модели, конструктивной вершиной которых служит сказуемое, выраженное лексически полноценным глаголом. Второй блок составляют именные, т. е. неглагольные модели. Их конструктивной вершиной является именное сказуемое, представляющее собой сочетание «именного» знаменательного компонента со связкой. Знаменательный компонент может быть выражен существительным, прилагательным или формами «наречного типа», в число которых входят многие косвенно-падежные формы имен и сочетания имен с послелогом. Природа связок может быть разной, но в большинстве случаев это в разной степени десемантизированные глаголы бытия, становления, владения (обладания), кажимости и некоторые другие, выступающие в абстрактных значениях (например, в тюркских языках Сибири глагол *тур* = 'стоять'). Есть языки, в которых возможно и непосредственное оформление имен предикативными показателями лица (например, бурятский, хакасский, тувинский) и даже времени (ненецкий). Деление всего множества моделей ЭПП на глагольные и именные можно считать первым шагом систематизации ЭПП.

Эти типы конструкций предложения существенно различаются не только закономерностями внутренней организации, но и семантикой, типом пропозиции: как уже говорилось, именные модели обеспечивают выражение логических отношений, таких как классификация или характеристика, тогда как глагольные представляют событийные пропозиции, такие как состояние, действие, движение или местонахождение. Однако задаче семантической систематизации моделей ЭПП

необходимо должно предшествовать их структурное описание.

Рассмотрим теперь структурную организацию глагольных ЭПП более подробно.

### 1.5. Структурная организация глагольных элементарных простых предложений

Следующим шагом анализа глагольной подсистемы является формальное теоретическое «исчисление возможностей» построения структурных схем, которое затем должно быть проверено сравнением «системы ожидания» с реальной картиной.

Решая эту задачу, мы должны выяснить, сколько обязательных именных позиций ожидается в моделях ЭПП. Существуют предложения, вообще не предполагающие никаких предметно-именных позиций. Такие предложения следует признать «подлинно безличными». Это русские предложения типа *Светает. Морозит. Холодает. Смеркается. Пуржит* и др. Ср. их алтайские аналоги: *Жарыйт. Соойт. Карануйлайт. Шуургандайт*.

Этот тип предложений связан в основном, и почти исключительно, с атмосферными явлениями. В каждом языке их совсем немного, а в некоторых языках вообще нет: «метеорологические предикаты» сочетаются с условными, формальными, десемантизированными подлежащими, типа немецкого *es regnet*, французского *il pleut* 'дойдет', либо тавтологическими сочетаниями типа алт. *Jaash jaayit* 'Дождь дождит'.

Однако в каждом языке, где есть такие подлинно безличные предложения, которые не предполагают и не допускают никакого «предметного участника», их считанные единицы. В тюркских языках Южной Сибири подобные предикаты обыч-

но предполагают или допускают какое-то подлежащее, которое, однако, часто и безболезненно опускается. Это позволяет предположить, что живой модели, по которой строились бы подобные предложения, в этих языковых системах не существует: они не строятся, но только воспроизводятся. Это, конечно, глубокая периферия современных языковых систем.

Глагольные предложения с одним структурно необходимым предметным участником, построенные по структурной схеме  $N_{Nom}V_f$ , несомненно, существуют во всех изучаемых языках. Но, когда мы смотрим на выборку примеров предложений; отвечающих требованиям этой схемы, неизбежно возникают вопросы: во-первых – все ли эти фразы, состоящие из подлежащего и сказуемого, действительно однотипны, т. е. строятся по единой структурной схеме? Не является ли в определенных случаях отсутствие второго участника ситуации ситуативно или контекстно обусловленным, не восстанавливается ли он адресатом из конситуации?

И второй вопрос: если мы признаем фразы с единственным актантом самодостаточными – то по одной ли модели построены они все? Возможно, что в данном случае для точного представления одной, определенной модели требуется какая-то дополнительная помета при символе глагольного предиката? Ведь модель предложения предполагает не только единство формальной структуры предложения, но и семантическую однотипность фраз, построенных по этой модели. Символ же  $V_f$  фиксирует только частеречную принадлежность предиката, ничего не говоря о специфике смысловых отношений между глагольным предикатом и единственным синтаксическим актантом. Между тем, этот актант-подлежащее семантически может быть субъектом названного глаголом состояния, например: *Старик умер. Ребенок заснул. Кошка зевает. Собака лает. Девочка плачет. Отец работает. Я удивился. Коля де-*

рется. Я наелся. Дети смеются. Но он может представлять собой и объект, например: *Солдат ранен. Я была испугана. Здание разрушено. Женщина была удивлена (чем-то).*

Сказуемые в этих предложениях выражены разными залоговыми формами глагола. В русском языке пассивная форма глагола считается причастием (что, на наш взгляд, неправомерно), а причастие – именной формой глагола. Тюркские же залоговые формы не теряют своего глагольного характера, они спрягаются, предложение остается глагольным, но представление об отношениях между действием и единственным актантом существенно меняются по сравнению с формой действительного залога.

Предикативные формы русских глаголов, маркированных возвратным аффиксом, дают еще более сложную картину. Часть возвратных глаголов представляет действие (процесс) как замкнутый в субъекте, направленный «на себя»: *Я наелся. Я выспался, ты не высыпаешься.* В других субъект предстает как испытывающий действие извне: *Книжка порвалась* (кто-то ее порвал). *Я удивился.*

Эта проблема применительно к тюркским языкам стоит иначе, чем в русском, но положение не проще. Функциональные отношения между тремя залоговыми формами – на =л страдательного залога, на =н возвратного и на =т / =тыр каузативного – очень непрозрачны.

Структурная схема  $N_{Nom}V_f$  минимальна, она не может гарантировать полноту описания ситуации. По ней строятся содержательно разнородные предложения. Их описание на материале алтайского языка было сделано Н. Р. Байжановой [1999; 2004]. По ее данным, одноактантные предложения со структурной схемой  $N_{Nom}V_f$  формируют 18 моделей ЭПП, которые на следующем уровне сводятся к четырем блокам моделей: бытия, состояния, действия и движения [Байжанова

1999: 3]. Аналогичные, в принципе, выводы были получены и на материале русского языка [Кулятина 2006].

Таким образом, очевидно, что одноместные модели не проще, но внутренне значительно сложнее, чем многоместные. Они, безусловно, должны занять должное место в общей системе, но не следует думать, что это место «простейших» моделей. Наоборот: их выявление, исследование и описание станет, по-видимому, возможным лишь после того, как будет рассмотрено и осмыслено множество многоместных моделей.

Что касается максимального числа предметных участников обобщенных пропозиций, то Ю. Д. Апресян и С. Д. Кацнельсон сконструировали русские предложения, содержащие по 7 предметных участников (актантов) – с предикатами *командировать* (кто – кого – куда – на какой срок – с какого времени – по какое время – с какой целью) и *снять* (что – у кого – где – на какой срок – с какого времени – по какое время – за какую цену). Однако оба исследователя признают, что фразы, в которых были бы реализованы все эти позиции, оказываются ненормативными, они противостественны в русской речи, хотя и не исключены, скажем, в документах.

В текстах на тюркских языках Южной Сибири подобных предложений мы не встречали. Максимальное число валентностей и открываемых глаголами позиций – четыре. Такой набор валентностей видим у глаголов перемещения объекта: «кто кого / что откуда куда перемещает». В принципе глаголы направленного движения и перемещения объекта имеют еще валентности трассы и транспортного средства – отправился куда-либо по шоссе, на корабле, поездом. Но при построении фраз эти валентности оказываются относительно независимыми. Каждая из них может организовать самостоятельное предложение, а если какие-то из них мы видим одновременно при

одном глаголе (например: *Мы тогда должны были отправиться на корабле «Абхазия» из Евпатории в Новороссийск*), то, возможно, такие фразы удобнее рассматривать именно как объединение трех разных пропозиций. Такое решение приняла в своей докторской диссертации И. А. Невская, исследовавшая этот тип предложений на материале тюркских языков Южной Сибири [1997].

В предложениях, подлежащих включению в объект лингвистического исследования, число актантов следует ограничить четырьмя. И хотя в таких развитых литературных языках, как русский, предложения с пятью структурно необходимыми участниками не такая редкость, мы все-таки полагаем, что в ядерной подсистеме нужно ограничиться моделями, содержащими как максимум четыре актанта. И только эмпирическое исследование покажет, не будет ли правильное ограничение ядерную подсистему как объект исследования моделями с тремя актантами.

\*\*\*

Подведём итоги. ЭПП – это синтаксическая единица языка на уровне простого предложения. Элементарным мы называем простое предложение минимального состава, содержащего предикат и все его актанты. Актантом (актантами) называются те – и только те – именные компоненты предложения, которые непосредственно отвечают валентностям предиката и потому строго необходимы для адекватного описания пропозиций данного типа (вне контекста).

Под (элементарной) обобщенной пропозицией мы понимаем языковое отображение определенного типа событий, ситуаций, «положений дел», составляющих содержательную сторону (элементарного) простого предложения.

В состав ЭПП могут входить предикат, глагольный или именной, и актанты. Актанты делятся на собственно актанты – слова, представляющие непосредственных участников события, без которых невозможно само событие, и актанты-локализаторы. Это пространственно-временные характеристики предиката, составляющие суть актуальной информации, выраженной предложением, описывающим местонахождение (локализацию) и движение объекта или субъекта.

ЭПП записываются в виде формул, в которых при помощи оговорённых символов представлены и план выражения соответствующей модели, и план содержания (пропозиция). План содержания предстает в виде цепочки местоименных форм, которые воспроизводят структуру пропозиции. Эта цепочка завершается конкретным глаголом широкой семантики, который представляет функционально-семантический тип предикатов данной модели. Содержательная сторона моделей должна дополнительно раскрываться (описываться) при помощи семантических (функциональных) дескрипторов при базовых символах.

Общие контуры этой системы в настоящее время уже достаточно прояснились. Опирируя краткими формулами моделей, мы получаем возможность обозреть систему в целом, рассматривать и описывать системные отношения как между целыми блоками моделей, так и между моделями внутри этих блоков. Появляется возможность обсуждать структуру содержания моделей и функциональные отношения между ними, а также ставить вопросы к семантике моделей и их вариантов.

## ГЛАВА II. БЕЗАКТАНТНЫЕ И ОДНОАКТАНТНЫЕ МОДЕЛИ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С НЕПЕРЕХОДНЫМИ ГЛАГОЛЬНЫМИ ПРЕДИКАТАМИ

В этой и последующих главах мы перейдем к анализу материала тюркских языков Южной Сибири и описанию выявленных основных моделей ЭПП в соответствии с числом актантов, представленных в модели. Соответственно, вначале будут рассмотрены непереходные глаголы, допускающие минимальное число актантов; переходным глаголам будет посвящена последняя глава.

### 2.1. Безактантные модели

В сибирских тюркских языках предложений, в составе которых отсутствуют актантные позиции, не так много. Это безличные, точнее собственно-безличные, «безлично-бессубъектные» предложения, описывающие атмосферные явления и состоящие из одного глагола, не допускающие при себе никаких актантов; ср. рус. *рассветает, темнеет, стемнело, холодает, похолодало* и др.

В тюркских языках Южной Сибири они употребляются редко, в текстах почти не встречаются, но модель образования и самих глаголов и автоматически предложений есть. Глаголы образуются от существительных, называющих погодные, атмосферные явления, — например, от существительного алт. *салкын* ‘ветер’ с помощью глаголообразующего аффикса =*да* образуется глагол *салкын=да* ‘ветрить’.

Мы выделяем одну безактантную модель описания природных явлений.

### 2.1.1. Модель описания природных явлений

Данная модель имеет два семантических варианта: 1) семантический вариант со значением «изменения состояния окружающей среды»; 2) семантический вариант со значением «описания атмосферных явлений».

#### 2.1.1.1. Семантический вариант со значением «изменения состояния окружающей среды»

Предикатами данного варианта выступают глаголы: алт. *карануйла=* / тув. *караңгыла=* / хак. *харасхыла=* ‘темнеть’, алт. *јары=* / тув. *чыры=* / хак. *чары=* ‘светать’, алт., тув. *соо=* / хак. *соохта=* ‘похолодать’; алт. *јылы=* / тув., хак. *чылы=* ‘теплеть’.

Алт. *Арайдан карануйлайт* ‘Понемногу темнеет’; *Јарыйт* ‘Светает’; *Соойт* ‘Холодает’.

Тув. *Караңгылап тур*; ‘Темнеет’; *Чылып тур* ‘Теплеет’; *Чырып олур* ‘Светает’.

Хак. *Чылыпча* ‘Теплеет’; *Соохтапча* ‘Холодает’; *Харасхылапча* ‘Темнеет’.

#### 2.1.1.2. Семантический вариант со значением «описания атмосферных явлений»

Предикатами этого варианта выступают глаголы, называющие погодные и атмосферные явления: алт. *салкында=* / тув. *салгына=* ‘ветрить’, алт. *шуурганда=* / хак. *пораана=* ‘пуржить’; хак. *чилли=* ‘ветрить’; *чаа=* ‘дождить’.

Алт. *Салкындайт* ‘Ветрит’; *Бүгүн коркышту шуургандайт* ‘Сегодня сильно пуржит’; хак. *Пораанача* ‘Пуржит’; *Ўбірче* ‘Метет’.

## 2.2. Одноактантные модели

По структурной схеме  $N_{Nom} \leftrightarrow V_f$  строятся одноактантные предложения с непереходными глаголами, а также с переходными глаголами в абсолютном значении. В состав этой структурной схемы входят:  $N_{Nom}$  – субъект, выраженный именем в неопределенном падеже,  $V_f$  – предикат, выраженный финитным глаголом. Модели, построенные по этой структурной схеме, на материале алтайского языка описаны Н. Р. Байжановой [1999, 2004], на материале русского языка – Т. С. Кулятиной [2006]. При описании одноактантных моделей мы опирались на работы этих исследователей. Кроме того, алтайские примеры взяты из монографии Н. Р. Байжановой.

Эта структурная схема является планом выражения четырех основных моделей: 1) модель состояния одушевленного субъекта; 2) модель состояния неодушевленного субъекта; 3) модель занятия / деятельности; 4) модель ненаправленного движения.

Последняя модель входит в блок бытийно-пространственных моделей, поэтому они на данном этапе нами не рассматриваются.

### 2.2.1. Модель состояния одушевленного субъекта

#### $N_{Nom} \leftrightarrow V_f$ «кто пребывает в некотором состоянии»

Типовая семантика модели состояния: «субъект находится, пребывает в некотором состоянии». Компоненты этой модели:  $N_{Nom}$  – экспириенцер, субъект испытывающий какое-либо состояние;  $V_f$  – предикат состояния.

Данная модель имеет два семантических варианта:

- 1) «пребывание субъекта в физическом состоянии»;
- 2) «пребывание субъекта в эмоциональном состоянии».

### 2.2.1.1. Семантический вариант со значением «пребывание субъекта в физическом состоянии»

Предикатами этого варианта выступают глаголы жизнедеятельности организма. В роли экспириенцера в этом семантическом варианте выступают живые существа: человек, животные и растения, они могут быть также представлены метонимически (подлежащее – название части тела).

В алтайском языке это глаголы типа: *ары* = ‘устать’, ‘утомляться’, *чыла* = ‘устать’, ‘обессилеть (о части тела)’, *уйукта* = ‘спать’, *kozyрыкта* = ‘храпеть’, *ойгон* = ‘проснуться’, *тал* = ‘падать в обморок’, *тындан* = ‘прийти в себя’, *ооры* = ‘болеть’, *сыста* = ‘ныть, щемить’, *тиш* = ‘опухать’, *тон* = ‘мерзнуть’ и др.

Алт. *Колы-буды чылап калган* ‘Его руки-ноги устали’; *Канча ла кире көрзө, көс талбас* (ЖК,ОJ,53) ‘Сколько ни смотри, глаза не устанут’; *Бойы козырыктап жатты* (ЛК,АК,201) ‘Сам он храпел’; *Арина үч конок оорыган* (ЛК,АК,24) ‘Арина болела три ночи’; *Бажым коркуш кычып жат* (ЭП,А,202) ‘Голова моя сильно зудит’.

В тувинском и хакасском языках в данной модели выступают глаголы этой же группы: тув. *шыла* = ‘устать, утомляться’, *уду* = ‘спать’, *хаарыкта* = ‘храпеть’, *дал* = и *моора* = ‘падать в обморок’, *одун* = ‘проснуться’, *курул* = ‘корчиться (от судороги)’, *ыш* = ‘опухать’, *мин* = ‘прийти в себя’, ‘очнуться’ и др.; хак. *майых* = ‘устать’, ‘утомляться’, *узу* = ‘спать’, *хорлар* = ‘храпеть’, *усхун пар* = ‘проснуться’, *агыр* = ‘хворать’, ‘болеть’, *сыста* = ‘ныть, щемить’, *хычы* = ‘зудеть’, *тоң* = ‘мерзнуть’ и др.

Тув. *Кызыл дьт дөзүнде чыткан кижинин миннип келген* (АД,ЧК,47) ‘Человек, лежавший под красной лиственницей, очнулся’; *Ол човуртый капкан* (АД,ЧК,76) ‘Он застонал’.

Хак. *Алтын Крис үс күнниң пазында усхун килген* (ХМЛ,101) ‘Алтын Крис через три дня проснулся’; *Ол туста*

*инчизи халын уйгунаң узупчатхан* (ИТ,6) 'В это время его жена крепко спала'; *Пу күннең сыгара Акайах тың агырыбысхан* (АХ,А,9) 'С этого дня Акайах сильно заболел'.

### 2.2.1.2. Семантический вариант со значением

#### «пребывание субъекта в эмоциональном состоянии»

Предикатами этого варианта выступают глаголы эмоций и их проявления в поведении: алт. *сүүн* = 'радоваться', *кунук* = 'грустить', 'печалиться', 'унывать', *эрик* = 'тосковать', *карык* = 'горевать', 'тосковать'; *санаарка* = 'переживать', 'волноваться', *јүрексире* = 'волноваться', *токуна* = 'успокаиваться'; *алааты* = 'растеряться', *уйал* = 'стыдиться', *эпюксын* = 'смущаться', *күлүмзирен* = 'улыбаться', *ыйламзыра* = 'хотеть плакать', *каткыр* = 'смеяться'; тув. *өөр* = 'радоваться', *эрик* = 'скучать', *мөгүде* = 'волноваться', *хүлүмзүрү* = 'улыбаться'; хак. *чобал* = 'печалиться', 'горевать', 'мучиться', 'унывать', *өрін* = 'радоваться', *күлімзіре* = 'улыбаться', *уят* = 'стыдиться', *тарых* = 'расстраиваться', *ылга* = 'плакать' и др.

Алт. *Кызычак сүüne берди* (ЛК,А,118) 'Девочка обрадовалась'; *Валя, сен чала кунугып турган ошкожын* (АА,УБТ,118) 'Валя, ты, кажется, грустишь'; *Кижки тойында эрикпейтен, ол јаман ыра* (АА,ӨЧК,260) 'Человек не должен грустить на своей свадьбе – это плохая примета'; *Арина эмиш токунай берди* (ЛК,А,120) 'Арина немного успокоилась'.

Тув. *Демги киживис мөгүдеп олур боор* (АД,ЧК,79) 'Тот самый наш человек, наверное, волнуется'; *Лейтенант билдиртир-билтирбес кылдыр хүлүмзүрүп каан* (АД,ЧК,79) 'Лейтенант незаметно улыбнулся'; *Артында-ла каттырыпкан* (КК,ЧЧ,397) 'Она даже засмеялась'; *Эрикпес-даа, чалгааравас-даа* (КК,ЧЧ,394) 'Она ни скучает, ни ленится'; *Баштек-оол Борбокевич Куулар ээлдеп хүлүмзүрүп каан* (МКЛ,ТС,6) 'Баштек-оол Борбакевич Куулар мило улыбнулся'; *Ийи оол хояп бөдеп каттыржы бергеннер* (МКЛ,ТС,7) 'Два мальчика

ради шутки рассмеялись'; *Кырган шевер албаарай берген* 'Старый мастер растерялся'.

Хак. *Тың чобалба!* (НТ,Т,7) 'Сильно не печалься!'; *Пөкечекті тик хучахнаң хучахтап алып, ылгабысхан* (НТ,Т,13) 'Крепко обняв Покезека, он заплакал'; *Ол чоо уят парган...* (НД,ЫА,203) 'Он сильно застыдился...'; *Пөке часкалыг күлінібіскен* (ТВ,АТ,120) 'Пёке счастливо улыбнулся'; *Прай туразы көй парганда, Паскир чобал чөрген* 'Когда его дом целиком сгорел, Паскир горевал'.

### 2.2.2. Модель состояния неодушевленного субъекта

#### $N_{\text{Nom}} \leftrightarrow V_f$ «что пребывает в некотором состоянии»

В модели состояния неодушевленного субъекта позицию субъекта занимают неодушевленные имена существительные в неопределенном падеже, позицию предиката – глаголы, обозначающие физическое состояние артефактов и натурфактов и обуславливающие это состояние естественные процессы.

Это следующие глаголы: алт. *күй* = / тув. *өрттен* = / хак. *көй* = 'гореть', алт. *өч* = / тув. *өш* = / хак. *јус* = 'гаснуть', алт. *кайыл* = 'таять', алт. *јыды* = / тув. *чыды* = / хак. *чызы* = 'гнить', 'разлагаться', 'глеть', 'тухнуть', алт., хак. *татта* = / тув. *тада* = 'ржаветь'; алт., хак. *ачы* = / тув. *ажы* = 'киснуть' и др.

Сюда же входят глаголы, обозначающие состояние натурфактов: алт. *тий* = / тув. *чыры* = / хак. *сагыл* = 'сиять (о солнце)', алт. *кыскар* = 'становиться короче (о днях)', алт. *айас* = / тув. *аяс* = / хак. *айас* = 'яснеть (о погоде)' и др.

Алт. *Јалбырактар курган калган* 'Листья засохли'; *Чай сооп калган* 'Чай остыл'; *Көчө сооп барат* (АА,УБТ,94) 'Перловка остывает'; *Балдардын ончо кийими ээлеп калган* (ТЩ,ЫЭИ,210) 'Вся одежда детей изнасилась'; *Кар анаар ла јаап турган* (КТ,КЈ,85) 'Снег шел безостановочно'; *Кыру*

түйшкен (ЖК,АЛÖ,132) 'Выпал иней'; *Күн кыскарып ла јат* (ТШ,ЫЭИ,270) 'День становится все короче'.

Тув. *Аңаа ооң бүгү сөөгү эстип хайныр ужурлуг* (АД,ЧК,57) 'Там должны, испаряясь, вариться все его кости'; *Карааның кирбиктери хыраалангаши* (СС,СС,76) 'Ее брови заиндевели'; *Хумуң тадары берген* (И6) 'Ведро заржавело'; *Сыпта тараа шагда бышкан болгай* (И5) 'Давно поспели хлеба (букв. пшеница на стебле)'; *Хат улам күштелип эгелээн* (АД,ЧК,85) 'Ветер начал становиться все сильнее'; *Арга шимээрген эгелээн, ыяштар баштары хатка чайганып, ...бүрүлөр шиңейиндир дагжасп эгелээн* (АД,ЧК,83) 'Лес начал шуметь, верхушки деревьев качались из-за ветра, листья...начали шелестеть'; *Хүннуң эртенги херелдери чайнай берген* (И4) 'Заиграли утренние лучи солнца'.

Хак. *Очыхта от үс парза – үс парар чуртас* (ИТ,100) 'Если погаснет огонь в очаге – погаснет жизнь'; *Чайгада чазылар көйгеннер* 'Летом горели поля'; *Ой, сөрөн тан сапчаң полза!* (НД,ЫА,9) 'Ой, подул бы прохладный ветерок!'; *Тан саап килче, че ол нүлес күрең хузурухтаң на тибірет салча* (НД,ЫА,9) 'Ветерок дует, но он (ветер) только шевелит темно-коричневый хвост (коня)'; *Иледе күннер аяс турып алып, пір хараа чил көдіріліп, наңмыр, көнектең не урган чили, чаап сыххан* (ИТ,64) 'Простояло много жарких дней (букв. простояв), в одну ночь поднялся ветер и пошел дождь как из ведра'.

### 2.2.3. Модель занятия / деятельности $N_{Nom} \leftrightarrow V_f$

#### «кто осуществляет деятельность»

Типовое значение модели – «субъект осуществляет какую-либо деятельность, занимается чем-л.». Компоненты модели:  $N_{Nom}$  – субъект деятельности,  $V_f$  – предикат со значением деятельности.

В зависимости от семантики предиката мы выделяем следующие семантические варианты: 1) «занятие / деятельность»; 2) «речевая деятельность»; 3) «поведение субъекта».

#### 2.2.3.1. Семантический вариант «занятие / деятельность»

Позицию предиката в этом семантическом варианте занимают глаголы с семантикой деятельности, обычно непереходные. Это глаголы типа алт. *шште= / шштен=* 'трудиться', *јуран=* 'рисовать', *бијеле=* 'танцевать', алт. *кайла= / тув. каргыраала=* или *хөмегле= / хак. хайла=* 'петь горловым пением'; тув. *ажылда=* 'работать', *чуру=* 'рисовать', хак. *хооста=* 'рисовать', *тогын=* 'трудиться', *плесет=* 'танцевать' и др.

Алт. *Огош балдары јайым ойногылап јүрди* (ИШ,КЈ,149) 'Его маленькие дети играли сами по себе'; *Бир күн энгирде Арина көктөһнип отурадда...* (ЛК,АК,32) 'Однажды вечером, когда Арина сидела и шила...'

Тув. *Чудек-оол деп кижилер аажок ажылдаар-даа болгулаарын амыдырал бадыткап турар болгай* (ӨЧ,БИ,67) 'Люди по имени Чудек-оол работают очень хорошо, так ведь подтверждает жизнь'; *Уруглар садта чаа-чылга чуруттунуп турлар* 'Дети рисуют в саду к новому году'.

Хак. *Апсах нымагын тоозып, хайлап сыххан* (И1) 'Старик, закончив свою сказку, начал петь горловым пением'; *Читтер плесет салчатханнар* (И2) 'Молодежь танцевала'; *Іцең хоостапча* (И1) 'Мама рисует'.

В тюркских языках Южной Сибири большую группу составляют одновалентные глаголы занятия, которые в русском языке являются двухвалентными. Они содержат в себе по две семы: «совершать действие» + «объект-результат действия». Лексическое значение этих глаголов инкорпорирует сему объекта действия. Это глаголы,

относящиеся к ЛСГ охоты, образованные от именных основ, включающих названия животных, рыб и птиц как объектов охоты: алт. *агда*= / тув., хак. *агна*= 'охотиться, ездить на охоту' (от *ан* 'зверь'), алт., тув. *балыкта*= / хак. *палыкта*= 'рыбачить', 'ловить рыбу' (от *балык* / *палых* 'рыба'), алт. *кузукта*= / тув. *тоорукта*= 'шишковать', 'собирать орехи' (от *кузук* / *тоорук* 'орех'), алт. *тийинде*= 'белковать' (от *тийин*= 'белка').

Алт. *Быжыл улус кузуктабас, кузук бүйтеген* 'В этом году люди не будут шишковать, ореха нет'; тув. *Черле чааскан аңнаксаар кижси мен* (СС,СС,163) 'Я вообще люблю охотиться один'; *Бичиг оолдар балыктай бергеннер* 'Маленькие мальчики ушли ловить рыбу'; хак. *Кичее чииттер аңнап парыбысханнар* (И) 'Вчера молодежь поехала на охоту'; *Пис ачамнаң хада таңда палыхтирбыс* (И2) 'Мы завтра с братом будем рыбачить'.

### 2.2.3.2. Семантический вариант «речевая деятельность»

Предикатами этого семантического варианта выступают глаголы с семантикой речи, акцентирующие не содержание речи, а ее внешний характер, темп, громкость и т.д.

Алт. *Карганак куучындап ла јат* (АА,УБТ,4) 'Старушка все продолжает рассказывать'; *Јааназы колында чыбыкту арбанып турды* (ЛК,АК,16) 'Его бабушка с плеткой в руке ругалась'; *Је мен кокурлап јадым, ачынба* (ТШ,КСК,57) 'Я шучу, не обижайся'.

Тув. *Хомудаан ирей хая көрүп алгаи, химиренит олурган* (И6) 'Обиженный старец, отвернувшись, сидел и ворчал'.

Хак. *Син ахтанма, харындас* (ТН,ТКÖ,185) 'Ты не оправдывайся, брат'.

### 2.2.3.3. Семантический вариант «поведение субъекта»

Предикатами этого семантического варианта выступают глаголы с семантикой оценочно охарактеризованного поведения. Это следующие глаголы: алт. *опсырка*= 'манерничать', 'жеманничать', *тынзын*= 'высокомерничать', 'вести себя надменно, гордо', *укаарка*= 'важничать, умничать', *өчөш*= 'упрямиться', *кылын*= 'самовольничать', *тудун*= 'сдерживаться', *баштактан*= 'баловаться', *чөрчөктө*= 'капризничать', *тенеер*= 'дурачиться', 'забавляться', 'резвиться'; тув. *тенектен*= 'дурачиться', *могаттын*= 'капризничать', *кажарла*= 'хитрить', 'притворяться'; хак. *өчес*= 'упрямиться' и др.

Алт. *Ол чимеркеп туру деп сананар* (АА,УБТ,4) 'Он подумает, что я важничая'; *Алтынсай та не укааркайтан болбой* 'Зачем только Алтынсай умничает'.

Тув. *Че, ынчан тений бербе* (СС,СС,83) 'Ну, не дурачься так'; *Школа соонда оолдар тенектенип турганнар* (И3) 'Мальчики баловались после школы'; *Эмчи шинчилиеп көргөн соонда, уруг хыйыңайнып турган* (И6) 'После осмотра врача ребенок капризничал'.

Хак. *Хайди най ла өчесче!* (И) 'Как сильно упрямятся!'; *Аалчылар алнында угаа чаксы тудунча* (И1) 'Перед гостями очень хорошо себя ведет'.

В этой же группе относятся глаголы поведения животных: алт. *туйла*= / тув. *хой*= 'взбрыкивать (о коне)', 'резвиться', алт. *кедерле*= / тув. *хедерлен*= 'пятиться назад', 'упрямиться'.

Алт. *Бого та төө туйлаган, та эзирик чалчыган* (ЈК,АЈÖ,48) 'Здесь то ли верблюд взбрыкивал, то ли пьяный бушевал'; тув.: *Бирээзи дедир тепкен* (СС,СС,205) 'Другой [конь] заупрямился'.

Таким образом, структурная схема  $N_{Nom} \leftrightarrow V_f$  описывает одновременно и предикативный узел любого двусоставного глагольного предложения, и структурно простейшее элементарное простое предложение, необходимый состав которого ограничен только подлежащим и сказуемым. Этой простейшей структурной схеме двусоставного предложения с единственным актантом соответствует совсем не простейшее содержание: за нею скрывается несколько взаимно противопоставленных пропозициональных смыслов, т. е. несколько разных моделей: состояния, занятия / деятельности.

## ГЛАВА III. ДВУХАКТАНТНЫЕ МОДЕЛИ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С НЕПЕРЕХОДНЫМИ ГЛАГОЛЬНЫМИ ПРЕДИКАТАМИ

### 3.1. Системное место и семантика двухактантных моделей элементарных простых предложений с непереходными глагольными предикатами

Предложения со сказуемым – непереходным (интранзитивным) глаголом описывают физические, психические или социальные состояния лица или предмета, названного подлежащим, т. е. существительным или местоимением в неопределенном падеже. Состояние может быть выражено глаголом-сказуемым с одним актантом-подлежащим, например: *Кошка мурлычет; Машина остановилась; Все уже спят* (см. главу 2) – или двухактантными с подлежащим и косвенным дополнением: *Люди радуются весне; Все боятся войны; Дети играют с собакой; Ты не забыл о своем обещании?; Он борется за справедливость; Я буду голосовать за Сергея.*

Модели состояния – это один из трех функциональных типов простых глагольных предложений. Они противостоят и моделям действия, и пространственным моделям движения и местонахождения. Они отличаются от моделей действия отсутствием в их составе формы винительного падежа, а от моделей, описывающих движение и местонахождение, – семантикой предиката и характером актантов.

Специфика предложений с двумя актантами, формируемыми непереходными глаголами, состоит именно в отсутствии прямого объекта при наличии двух актантов, один из которых подлежащее. Актант, названный подлежащим, не активен, но и не пассивен; второй же актант может выступать в разнообразных формах и выполнять разные роли.

Первый актант, подлежащее, связан со сказуемым отношениями координации. Этот главный именной член предложения в составе разных предложений выполняет разнотипные семантические функции. В предложениях, формируемых переходными глаголами, подлежащее называет активно действующее лицо (эта роль называется агенсом) или «природную силу»: *Река затопила берега; Ветер унес мою шляпу*; реже – «предметы», которым приписывается способность к действию (роль инструмента): *Это лекарство мне не помогло; Твой нож режет даже картон*. В пассивных конструкциях личное подлежащее называет пациенса – лицо или субъект, испытывающий на себе действие со стороны агенса, который может оставаться не названным: *Дерево срублено (дворником)*.

Типология предложений этого типа определяется, прежде всего, грамматическими требованиями сказуемого – и отвечающими этому требованию формами вторых актантов.

Общий структурный тип этих предложений можно представить формулой:  $N_{Nom}N_iV_f$ . Символ  $V_f$  – представляет сказуемое, финитную форму глагола, символ  $N_{Nom}$  – подлежащее. Ниже будут рассматриваться «первичные» предложения со сказуемыми в форме действительного залога, где подлежащее называет субъект состояния. Специфика этой модели связана прежде всего с компонентом  $N_i$  – дополнением в каком-то из косвенных падежей (кроме винительного), называющим второй предметный участник пропозиции. Их падежные формы выражают те роли, участие которых «запрограммировано» данным семантическим типом сказуемого.

Отношения между ролью актанта-дополнения в пропозиции и его грамматической, падежной формой, как уже говорилось, не однозначны: одна и та же падежная форма второго актанта в сочетании с разными типами предикатов может представлять разные роли (а разные варианты единой «роли» могут представляться разными падежами, ср. *Выпил воду/воды*).

Много неясностей связано с общей системой тюркских падежей и с составом форм, приравниваемых к падежам в каждом конкретном языке. Предположительно общее число падежей около десяти, включая пространственные. Но многие падежи уже сформировались (или сейчас формируются) на базе сочетаний с послелогом. При этом некоторые послелогические сочетания становятся падежными аффиксами, как алтайский показатель орудного падежа =*ле* (из *биле / билен* ‘вместе с’), тогда как другие сохраняют свой статус служебных слов. Эти процессы в разных языках могут протекать по-разному. Например, делиберативные отношения, выражаемые в русском языке предложным падежом (*о чем?*), в алтайском передаются с помощью служебного слова *керегинде* (алт. *керек* ‘дело’, *керег=ин=де* ‘в его деле’), в хакасском – синтезированной формой с «молодым» показателем =*таңар / даңар*, в тувинском же – послелогом *дугайында*.

Собственно падежными в тюркских литературных языках Южной Сибири можно считать безаффиксальную форму неопределенного падежа и семь постфигированных, собственно падежных форм. Это притяжательный (родительный), дательный, винительный, местный, исходный, орудный (инструментальный), направительный (в хакасском и тувинском). Но кроме «морфологических падежей» в тюркских языках есть целый ряд форм «падежного типа», и синтетических, и, в основном, аналитических. Это формы типа «существительное в беспадежной форме + послелог, частица или служебное имя», как уже показано на примере делиберативного падежа «темы высказывания», соответствующего русскому предложному. Такие формы, функции которых сопоставимы с падежными, также заслуживают внимания и описания.

Нужно учитывать и то, что число моделей предложения, в составе которых сказуемое управляет определенным набором актантов, значительно превышает не только число падежей, но

и число структурных формул моделей. За одной структурной схемой иногда может быть скрыто две модели (или больше), потому что так называемые «косвенные падежи» неоднозначны. Это и позволяет очень небольшим набором грамматических форм передавать (а значит, и осознавать) разнообразные отношения между процессами и включенными в них объектами.

Вначале мы рассмотрим модели со вторым актантом в формах дательного и исходного падежей. Эти два падежа связаны друг с другом как микросистема в рамках более общей системы. Они противостоят друг другу в аспекте направленности процессов, называемых этими глаголами. Эти отношения наиболее очевидны, когда названные формы реализуются в составе предложений с семантикой направленного движения: *куда* и *откуда*, *внутри* и *изнутри*, *пришел* и *ушел*. Но пропозиции движения сейчас не рассматриваются. Проекция же этих отношений в эмоциональную сферу, и далее в сферу других отношений, связанных той же базовой оппозицией, «от себя» и «к себе», от центра и к центру, отчетливо проявляется в центре этой микросистемы, а на периферии размывается, теряя четкость.

Выражение объекта эмоционального отношения ни в современных, ни в древних языках не было основным, «базовым» значением дательного и исходного падежей. Есть основания считать, что и в тюркских, и в монгольских, и в русском ранним, первичным назначением дательного и исходного (иначе аблатива или отложительного падежа, русским языком давно утраченного) было выражение пространственных отношений: приближение к ориентиру и удаление от него. В тюркских языках эти пространственные значения живы и сейчас, в русском их следы присутствуют лишь в древнерусских памятниках (*князь поиде Киеву*, где датив передает направленность движения без предлога «к»).

Беспредложных падежных форм для выражения пространственных отношений русский язык сейчас не использует. Основной, самой типичной и яркой функцией этих форм в модели с двумя актантами стало значение, в прошлом «вторичное», – он выражает отношения, окрашенные эмоциями.

В тюркских языках названные падежи сохраняют способность выражать и пространственные, и не пространственные отношения, в частности, эмоциональные. Но современное «распределение» разных эмоций между названными падежами ярко свидетельствует о былой их связи с движением, направленным к ориентиру или от него. Сохранение обеих функций у названных падежей делает систему достаточно устойчивой.

Дательный падеж оформляет имена объектов, к которым (на которые) направлена эмоция субъекта (протогониста). При этом сама эмоция может быть как положительной, так и нейтральной или негативной. Негативные эмоции – неприязнь, обида, злость, раздражение, возмущение – не выводят объект, вызывающий эту эмоцию, за рамки «личной сферы» субъекта. Они предстают как направленные к объекту, а не от него.

Оформление же имен объектов исходным падежом, напротив, представляет эмоцию субъекта как направленную от них. Это такие эмоции, как страх, стыд, смущение, разочарование (список их индивидуален в каждом языке).

### 3.2. Структурная схема $N_{Nom}N_{Dat}V_f$ и ее смыслы

Структурная схема  $N_{Nom}N_{Dat}V_f$  представляет общий план выражения шести основных моделей: модели с семантикой касания, модели эмотивного состояния, модели эмотивного отношения, модели с семантикой обращения к кому-либо с речью, модели с семантикой обучения, модели с семантикой социальных отношений. Все они различаются типом пропозиции, семантикой предиката, характером субъекта и объекта.

Большинство моделей имеет свои семантические, структурные и структурно-семантические варианты.

### 3.2.1. Модель с семантикой касания

$N_{\text{Nom}}N_{\text{Dat}}V_f$  «кто к кому / чему прислоняется»

Предикатами этой модели выступают глаголы с общей семантикой касания: алт. *јӧлӧн*= / тув. *чӧлен*= / хак. *чӧлен*= ‘прислоняться, опираться’, алт. *тайан*= / тув. *даян*= / хак. *таян*= ‘опираться’, алт. *јатишын*= / тув. *чытшын*= / хак. *чапсын*= ‘приклеиваться’, алт. *тий*= / тув. *дег*= / хак. *тег*= / *тең* ‘трогать, прикасаться’, тув. *дээр*= ‘касаться’, ‘трогать’.

Алт. *Мен неге тайанатам?* ‘На что мне опираться’; *Кызычак адазына јатишына берди* ‘Девочка прижалась (букв. приклеилась) к отцу’; *Кижиге јӧлӧнбӧзӧн* ‘Не прислоняйся ко мне’; *Аданнын мылтыгына тийбе* ‘Не прикасайся к папиному ружью’.

Тув. *Уруг чагыга чӧленип алган* ‘Девочка прислонилась к столбу’; *Бүрүлөр ооң эдээнге чытшына берген* ‘Листья прилипли к ее подолу’; *Байлак ылишка дээпкен* ‘Байлак коснулась дерева’; *А Мария Ивановна столга чӧлей турупкаш, алдынсарыг чажсын чара туткаш, ийи эгинни куду хӧрӧэнче салыпкан, баарында биччи көр* ‘А Мария Ивановна, прислонившись к столу, разделив золотистые волосы на две части, опустив их по плечам на грудь и причесываясь, глядела в зеркало перед собой’; *Хеймерек костюмунуң өөгүн чешкеш, ийи чартыынче аткаар чыыра иткеш, холдарың быктынга даянгаш, боду бугу дурт-сыны-биле аткаар хертейгеш, каттырган* (СС,СС,1991) ‘Хеймерек, расстегнув пуговицы костюма, откинув назад (пиджак), подбоченившись, всем телом откинувшись назад, засмеялся’.

Хак. *Сен агасха чӧлен* ‘Ты к дереву прислонись’; *...апсах аның холына чапсыныбысхан* (НД,ЫА,29) ‘...старик вцепился

в его руку’; *Ол ады суга читкелектӧк, халыхтан парып, iki айазына суғ түбіне таян салган* (НД,ЫА,17) ‘Его лошадь даже еще не успела дойти до воды, (а) он (уже) помчался (букв. помчавшись) и уперся обеими руками о дно реки’; *Он үс частыг Сироң туңмачагы агырыг пабазының азаанда, орнах назына чӧленіп, амыр узупчатхан* (ВШ,ЖЭЛ,295) ‘Тринадцатилетний братишка Сирона спокойно спал, опершись об изголовье кровати, возле ног больного отца.’

### 3.2.2. Модель эмотивного состояния

$N_{\text{Nom}}N_{\text{Dat}}V_f$

«кто кому / чему радуется / сердится / удивляется»

Модель  $N_{\text{Nom}}N_{\text{Dat}}V_f$  «кто кому / чему радуется / сердится / удивляется» описывает эмоциональное состояние субъекта, вызванное предшествующим событием.

Первый актанта этой модели, субъект-экспериментер, представлен именем в неопределенном падеже, обозначающим человека (редко животных), поскольку эмоции свойственны одушевленным существам. Второй актанта – объект-стимул – выражен именем в дательном падеже. Предикатами выступают эмотивные глаголы, обозначающие положительные (типа ‘радоваться’, ‘любить’) и отрицательные эмоции (типа ‘сердиться’, ‘злиться’, ‘гневаться’, ‘завидовать’), а также глаголы со значением ‘верить’ / ‘надеяться’ и ‘подозревать’ и глаголы, обозначающие мимико-физиологическое проявление эмоций (типа ‘улыбаться’, ‘плакать’).

В зависимости от лексического значения предиката мы выделяем четыре семантических варианта модели эмотивного состояния, которые различаются семантическими оттенками: 1) положительного эмоционального состояния; 2) отрицательного эмоционального состояния; 3) ‘верить’ / ‘подозревать’ и 4) мимико-физиологического проявления эмоции.

### 3.2.2.1. Семантический вариант со значением положительного эмоционального состояния

$N_{\text{Nom}}N_{\text{Dat}}V_f$  «кто кому / чему радуется / любит / гордится»

Предикатами семантического варианта модели со значением положительного эмоционального состояния выступают эмотивные глаголы с семантикой: а) радости; б) любви; в) гордости.

#### А. Глаголы с семантикой радости.

К предикатам, обозначающим эмоциональное состояние радости относятся следующие глаголы: алт. *сүүн* = 'радоваться', *көки* = 'радоваться, веселиться', *якшызын* = 'радоваться, наслаждаться, находить что-либо хорошим, добрым, приятным', *маказыра* = 'злорадствовать'; тув. *өөрү* = 'радоваться', *амыра* = 'радоваться'; хак. *өрін* = 'радоваться' и др.

В алтайском языке центральным глаголом этой группы является глагол *сүүн* = 'радоваться'.

*Бөкүш Чоктоннын экелген сыйына сүүнип отурды* (СС, АКС, 62) 'Бокуш радовался подарку, который принес Чоктон'; *Мен кажсы ла письмого коркышту сүүнгем* (СС, АКС, 114) 'Я каждому письму сильно радовался'.

Объектом-стимулом положительной эмоции могут быть как материальные объекты, так и нематериальные – сообщение, поведение и эмоции другого человека и т.д.

*Мындый солунга Майну коркышту сүүнген* (БУ, Т, 308) 'Такой новости Майну очень обрадовался'; *Келининг бу сөстөрине Маадай сүүне берди* (ТШ, ЫЭИ, 71) 'Маадай обрадовался этим словам женщины'; *А кыстарда не болзын, көп аяруга олор сүүнгилеп жадылар* (АА, ЈТЈ, 69) 'А что девушкам, они радуются большому вниманию'; *Бис базардын жанында чайныйдан ажанып алала, суунын жарадына барып, алтын күстинг жаражына, тенгеринин чанкырына, айазына сүүнип, ары-бери телчит базын жүредис* (АА, ЈТЈ, 142) 'Мы, поев в кафе,

находившемся рядом с базаром, приходили к берегу реки, радовались красоте золотой осени, голубизне, ясности неба, бродили туда-сюда'.

Позицию второго актанга – объекта-стимула (каузатора эмоций) – может занимать имя пропозитивной семантики или номинализованная предикативная единица, которые обозначают некоторое явление действительности или событие:

*Маадайдын келгенине Жазу ла Базым сүүне берди* (ТШ, ЫЭИ, 50) 'Дязу и Базым обрадовались приходу Маадая'.

Иногда номинализаторами могут выступать и имена собственные, например: *Кару Арчынга сүүнди* 'Кару обрадовался Арчыну'. Однако и в таком случае причиной эмоционального состояния является все же не сам человек, а какие-то его действия.

Следующий глагол этой группы – *якшызын* = 'радоваться': 'испытывать чувство удовлетворения от чего-либо приятного', 'считать, признавать что-нибудь добрым, хорошим, приятным'. В семантике глагола *якшызын* = помимо значения 'радоваться' содержится значение 'наслаждаться, довольствоваться', которое в русском языке управляет творительным падежом.

*Якшы күнге якшызынып турум* 'Я радуюсь хорошей погоде' (Мне хорошо, что на улице хорошая погода, я наслаждаюсь такой погодой).

При этом глагол *якшызын* = 'радоваться' допускает некоторую вариативность. Вместо формы дательного падежа второго актанга возможно употребление этого актанга в форме винительного падежа, например: *Городтын жаказында парктарды якшызынадым* (ЈМ, ЈЈ, 120) 'Я радуюсь паркам (нахожу приятными, хорошими), которые находятся на окраине города'. В этом случае реализуется значение 'считать, признавать что-нибудь добрым, хорошим, приятным'.

В этой группе своим оттенком значения выделяется глагол

*маказыра* = ‘злорадствовать’: ‘испытывать (испытать) чувство недоброй радости, удовлетворения, наблюдая горе, неудачу, несчастье и т.п. кого-л.’ [ТСРГ 1999: 520]:

*Сен неге маказырап турун?* ‘Ты чему злорадствуешь?’; *Надяга кебис жетпегенине маказырап отурды* ‘Она злорадствовала тому, что Наде ковер не достался’.

Алтайский глагол *маказыра* = имеет также второе значение: ‘радоваться чему-либо в душе, внутри себя, не проявляя внешне эмоций радости’, ‘наслаждаться чем-л.’

*Јаш ла Ботпош јайдың јылу ла тымык энгирине маказырап, тышкары узак базып јүрүп куучындашкан* ‘Дьаш и Ботпош, наслаждаясь летним спокойным вечером, на улице долго прогуливаясь, разговаривали’; *Терлеп калган буттарын јаш өлгөнниң ортозына сугуп, онын серүјүн кычкайына маказырап отурды* ‘Сунув вспотевшие ноги в молодую траву, получала удовольствие от ее прохладной щекотки...’

В тувинском языке для выражения радости активно используются два глагола – *амыра* = ‘радоваться, веселиться’ и *өөрү* = ‘радоваться, ликовать’. Глагол *өөрү* = выражает радость с оттенком возвышенности, а глагол *амыра* = – радость с внешними проявлениями [Козырев 1999: 90–91].

Тув. *Бндыг аас-кежикке өөрүп тур мен* ‘Я радуюсь такому счастью’; *Чагаа бүрүзүнге дыка амыраар турган мен* ‘Я каждому письму сильно радовался’; *Мал-маган суксап өлүп туруп берген, ооң сек-сегизинге амырап тур мен* (ТНС, 278) ‘Скот от жажды стал гибнуть, я и рад этой падали’.

В хакасском языке выделяется один глагол с семантикой радости – *өрін* = ‘радоваться, веселиться’:

Хак. *Аголонның чиңизине прай аал өрінген* ‘Победе Аголона радовалось все село; *Мин агаа угаа өрін паргам: мин зе андаг кит-азахты хақан даа киспееп полгам* (НТ, ТКÖ, 8) ‘Я ей очень обрадовался: я ведь такой одежды никогда не носил’; *Оларның*

*тогыстарына Оркон Петрович өрінчеткен* (ВТ, АТ, 145) ‘Оркон Петрович радовался их работе’.

### Б. Глаголы с семантикой любви.

Тувинские и хакасские глаголы с семантикой любви – тув. *ынак бол* = ‘любить’, *ынакшы* = ‘любить, влюбиться’; *хак хын* = ‘любить’, *көдден* = ‘любить, влюбиться’ – требуют объекта в дательном падеже:

Тув. *Севил бичии уруунга аажок ынак* ‘Севил очень любит свою маленькую дочку’; *Чоорту эскерип турарымга, өгнүң ээзи, хөглүг кижси, ытка дыка ынак* ‘По ходу, как я потом заметила, хозяин дома оказался веселым человеком, очень любит собаку’; *Алдын-кыска чаңгыс хем чурттуг Байыр деп оол ханы ынакшаан* ‘В Алдын-кыс безумно влюбился парень по имени Байыр, который был родом с той же реки’.

Хак. *Че ол сыбыхтасха пір дее хынмаан* ‘Но он никогда не любил скрытные разговоры’; *Эх, іңең, улуг тураа тикке ле хынмин салдың* (НТ, ТКÖ, 79) ‘Эх, мама, зря ты не полюбила большой дом’; *Мин сірерниң чонга хыныбысхам* (НТ, ТКÖ, 84) ‘Я полюбил ваш народ’; *Хыспинчаа прай чүреенең хынча полар* (НТ, ТКÖ, 85) ‘Хыспинчу (он), наверное, от всего сердца любит’; *Ол пабатына тың хынчаң* (НТ, ТКÖ, 104) ‘Он сильно любил своего отца’; *Сынны чоохтаза, ол, аны Кировха төбй көрп, уламох, прай чүреенең агаа хынчаң* (НТ, ТКÖ, 132) ‘Если правду сказать, то он, видя в нем Кирова, еще больше, от всего сердца его любил’; *Ол агаа прай істінең көдденчен* (НТ, ТКÖ, 116) ‘Он ее всей душой любил’; *Опан за аның хызына Макрейге көдденчен...* (НТ, ТКÖ, 114) ‘Опан ведь был влюблен в его дочь Макрей...’

Алтайский глагол *сүү* = ‘любить’ управляет винительным падежом: *Мен сени сүүп јадым* ‘Я люблю тебя.’ Однако в алтайском имеются глаголы с семантикой ‘испытывать нежность, любовь к кому-л.’: *каруузы* = ‘испытывать нежность к

кому-л.', *буурза* = 'испытывать нежность, родственные чувства к кому-л.', которые требуют актанта в дательном падеже:

*Мен карындажыма каруузып жадым* 'Я нежно отношусь к своему брату'; *Айу жангы чыккан балазына каруузып туру* 'Медведица испытывает нежность к только что родившемуся медвежонку'.

Отыменной глагол алт. *буурза* = / хак. *паарса* = 'испытывать нежность, родственные чувства к кому-л.' восходит к имени *буур / паар* 'печень'. Печень у многих тюркских народов считается своего рода «органом родства»; так, про родных братьев и сестер говорят *бууры жангыс* 'печень одна', при сильных переживаниях и беспокойствах по поводу родных, при тоске, грусти о ком-л. близком говорят *бууры тугенер* 'печень истощается (заканчивается)'. Семантика глагола *буурза* = предполагает очень нежные, теплые, родственные чувства, которые человек испытывает прежде всего к родному человеку.

Алт. *Балдардын адазы божогон кийинде, карганак ологорго коркышту буурзаар болгон* 'После того как умер отец детей, старик к ним очень тепло относился'.

То же самое можно наблюдать и в хакасском языке, где используется отыменной глагол *паарса* = / *марса* = (диалек.) от существительного *паар* 'печень': *Хайди паарсацаң туңмазына Пёке* (ВТ, АТ, 121) 'Какую она испытывала нежность к братику Пеке'; *Арсис Клашага марсатча* 'Арсис любит Глашу'.

Еще один тувинский глагол этой семантики – *таарзын* = 'нравиться' – по модели управления входит в группу 'любить', т. е. субъект-экспериментер выступает при нём в форме не дательного, как в алтайском и хакасском языках, а неопределенного падежа, а каузатор эмоции, напротив, в дательном:

*Бо оолга мен таарзынар мен* 'Этот молодой человек мне нравится'; *Мен ооң бодун алдынып чоруурунга таарзынмастыр мен* 'Мне не нравится, как он себя ведет'.

### В. Глаголы с семантикой гордости.

Хакасские глаголы *погдарха* = 'гордиться', *матырлан* = 'гордиться' требуют дательного падежа, а тувинский глагол *чоргаарлан* = 'гордиться', как правило, управляет дательным, но может и орудным. Возможно, вариативное управление орудным падежом связано с влиянием русского языка.

Хак. *Уламох погдархацаңмын Павелге* (НТ, ТКÖ, 85) 'Я еще больше гордился Павлом'; *Ада-чиримниң силиине погдархан, иллюминаторнаң на көрпү одырарга сыдабадым – летчиктернең хада кабинада учузарга сурандым* (ВТ, АТ, 15) 'Гордясь красотой моей Родины, я не выдержала только смотреть через иллюминатор – попросилась лететь вместе с летчиками в кабине'; ... *Улуг ичең дее парыбысты. Сеgee ле матырлан чөрчөң* (АХ, А, 52) 'И бабушка твоя умерла. Только тобой (она) гордилась'.

Тув. *Чон ачамның ындыг мергежилинге чоргаарланыр* (ТМА, 201) 'Люди гордятся таким мастерством моего отца'; *Ачамга чоргаарланыр мен / Ачам-биле чоргаарланыр мен* 'Я горжусь своим отцом'; *Оглумнуң демдектеринге чоргааланыр мен / Оглумнуң демдектери-биле чоргааланыр мен* 'Я горжусь оценками своего сына'; *Чон Путинге чоргаарланыр / Чон Путин-биле чоргаарланыр* 'Люди гордятся Путиным'.

Алтайский глагол *оморко* = 'гордиться' управляет орудным падежом:

*Татьяна Товаровна јенгил эмес ижиле оморкоп туратан* 'Татьяна Товаровна гордилась своей нелегкой работой'.

#### 3.2.2.2. Семантический вариант со значением отрицательного эмоционального состояния $N_{\text{Nom}}N_{\text{Dat}}V_f$ «кто кому / чему сердится / завидует / печалится»

Предикатами семантического варианта со значением отрицательного эмоционального состояния выступают глаголы с семантикой: а) гнева и обиды; б) зависти; в) горя и печали.

#### А. Глаголы с семантикой гнева и обиды.

В южносибирских тюркских языках группа глаголов с отрицательной семантикой гнева и обиды представлена большим количеством глаголов, чем группа с положительной семантикой радости. В этой группе выделяется глагол самой общей семантики, который, как правило, в зависимости от контекста может выражать значение и гнева, и обиды. Остальные глаголы этой группы имеют дополнительные семантические оттенки, различаются по глубине (силе) и длительности чувства, наличием / отсутствием внешних проявлений, характером субъекта эмоции и т.д.

В алтайском языке к глаголам с семантикой гнева и обиды относятся: *ачын* = 'сердиться, злиться, обижаться', *ачуркан* = 'сердиться, гневаться', *кыртыштан* = 'сердиться, раздражаться', *тарын* = 'обидеться', *jarбын* = 'обижаться' (по незначительному поводу), *дөркө* = 'обидеться' (о детях, о девушках, о супругах).

Ядерным в группе алтайских глаголов с семантикой гнева является глагол *ачын* = 'сердиться, злиться, обидеться', который в зависимости от контекста может обозначать и обиду, и гнев.

*А мен кичинек тужымда энемниг коркушту катузына тынг-тынг ачынып туратан эдим* (КТ, КЖ, 129) 'А я в детстве очень сильно обижалась на то, что мама была очень строгой (букв. обижалась твердости мамы)'; *Татьяна Товаровна эмегенге тынг ачынып, токуналу эрмектенерге албаданып турды* (ЛК, АК, 177) 'Татьяна Товаровна, очень сильно сердясь на старушку, старалась говорить спокойно'; *Jaантайын унчукпай жүретен jobош Марал кенетийин Каракайдын сөзине сан башка ачынып чыгала, кыйгырды...* (ЛК, А, 77) 'Всегда молчаливый, смиренный Марал, внезапно странно рассердившись на слова Каракай, крикнул...'

Глагол *ачуркан* = 'сердиться, гневаться' передает сильное

чувство гнева, негодования, сопровождаемое внешними проявлениями. Например:

*Сергей Сергеевич биске коркышту ачурканган эди* 'Сергей Сергеевич очень рассердился на нас'.

Глагол *кыртыштан* = 'сердиться, раздражаться' выражает раздражение по какому-либо поводу. Например:

*Эзирик Эркинге кыртыштана бердим* 'Я стала раздражаться на пьяного Эркина'.

Глаголы *тарын* = 'обидеться', *jarбын* = 'обижаться' (по незначительному поводу), *дөркө* = 'обидеться' (о детях, о девушках, о супругах) выражают общее значение: «испытывать чувство несправедливости, незаслуженного оскорбления, принимать (принять) что-либо за несправедливость, оскорбление» [ТСРГ 1999: 521].

Глагол *тарын* = 'обидеться' выражает сильную и долгую обиду:

*Сен ол Аланга дткүре тарынба* (ЭП, А, 224) 'Ты сильно не обижайся на Алана'; *Куйка онын бу сөстөрине тарына берген* (ТШ, ЫЭИ, 58) 'Куйка обиделась на эти ее слова'.

Глагол *jarбын* = 'обижаться' выражает менее глубокую обиду по незначительному поводу. Эта обида имеет внешние проявления в виде отказа что-либо делать (например, с кем-либо разговаривать):

*Жамануул Таиталовага jarбынып, кандый да ишке чыкпай, жалбагынан жадар болды* (ЛК, АК, 279) 'Дьямануул, обижаясь на Ташталову, не выходил ни на какую работу, лежал'.

Глагол *дөркө* = 'обидеться', как правило, выражает обиду детей, супругов, пожилых людей:

*Санаа ого jaан дөркөдөйтөн* (БУ, Т, 262) 'Санаа на него не сильно обижался'; *Бу jaан кижинеге де тынг дөркөгөн эмтир* 'Этот пожилой человек на что-то сильно обиделся, оказывается'.

В тувинском языке в эту группу входят следующие глаголы: *ажын*= ‘сердиться, злиться’, *хорада*= ‘сердиться, злиться’, *кылыктан*= ‘разозлиться, вспылить’, *килеңне*= ‘гневаться, возмущаться’, *хомуда*= ‘жалеть, обидеться’, *могат*= ‘обидеться (о детях, о девушках)’. Центральным в этой группе является самый употребительный и семантически нейтральный глагол *хорада*= ‘сердиться, злиться’ [Козырев 1999: 209].

В тувинском языке часть глаголов с семантикой гнева и обиды имеют вариативное управление дательным и направительным падежами, а другие управляют только дательным или только направительным падежом. Это специфика тувинского языка; хакасский направительный падеж имеет только пространственное значение. Так, глаголы *ажын*= ‘сердиться, злиться’, *хорада*= ‘сердиться, злиться’, *хомуда*= ‘жалеть, обидеться’, *могат*= ‘обидеться (о детях, о девушках)’ требуют форму дательного падежа (=га / =ге, =ка / =ке), реже – направительного (=че / =же):

Тув. *Сен меңээ хөлүн эртир хорадава* (ИЗ) ‘Ты сильно на меня не сердись’; *Лена кырган авазынга хомудай берген* (И4) ‘Лена обиделась на свою бабушку’; *Дарина эжинге могаттына берген* (И6) ‘Дарина обиделась на подружку’; *Мен бо чурукту чидирип каар болзумза, авам менче хорадаар* (И5) ‘Если я потеряю эту фотографию, мама на меня рассердится’; *Угбаңче могаттынба* (ИЗ) ‘Не обижайся на сестру’; *Мен дайымче шала хорадап турган мен* ‘Я немного сердился на своего дядю’.

Тувинские глаголы *килеңне*= ‘гневаться, возмущаться’, *хүрте*= ‘гневаться’, *бужурган*= ‘раздражаться’ управляют направительным падежом:

*Ыт-куш хилинчектээр болзуңза, Бурган башкы сенче килеңней бээр* ‘Если будешь мучить животных, бурхан на тебя разгневается’.

В хакасском языке к глаголам с семантикой гнева и обиды относятся *тарын*= ‘раздражаться, сердиться, злиться, обидеться’, *өкпелен*= ‘сердиться, гневаться, обидеться’, *пурдай*= ‘сердиться, дуться’, *тыртыстан*= ‘раздражаться, злиться’, *хыртыстан*= ‘злиться, раздражаться’.

Центральным в этой группе является глагол *тарын*= ‘раздражаться, сердиться, злиться, обидеться’:

Хак. *Нога агаа полыс полбассың? Ам ол сагаа тарынар* (НТ,110) ‘Почему ты не сможешь ему помочь? Теперь он на тебя обидится’; *Парако уучаңа амгаа теере тарын чөрчезиң* (ИТ,60) ‘Ты до сих пор обижаешься на свою бабушку Парако’; *Амды Сарап ниске матап тарынчатхан полар* (И2) ‘Теперь, наверное, Сарап на нас сильно сердится’.

Глагол *өкпелен*= ‘сердиться, гневаться, обидеться’ выражает сильный гнев, а глагол *пурдай*= ‘сердиться, дуться’ – обиду.

Хак. *Син иди тееңиме өкпеленме* (И2) ‘Не обижайся на то, что я так сказал’; *Нимее иди пурдайказың?* (И1) ‘Что (букв. чему) ты так дуешься?’; *Хызычах ичезине пурдай парды* (АТ,73) ‘Девочка обиделась на маму’; *Алексей Айдоллович, тизең, анзын даа пилінмин, алгыстир орнына агаа пурдай чөрче* (ИТ,65) ‘А Алексей Айдоллович, даже не сознавая этого (что его выгородили перед военным начальством), вместо того чтобы благодарить, дуется на него’.

Хакасские глаголы *тыртыстан*= ‘раздражаться, злиться’, *хыртыстан*= ‘злиться, раздражаться’ выражают раздражение по какому-либо поводу:

*Че нигеңим нога-да магаа хыртыстанмаан осхасчых* (НТ,ТКÖ,48) ‘Но моя невестка почему-то будто бы не злилась на меня’; *Син пабаңа хыртыстанма, чарабас иди* (ВТ,АТ,186) ‘Ты на отца не злись, так нельзя’.

### Б. Глаголы с семантикой зависти.

В рассматриваемых языках в группу глаголов с семантикой зависти относятся: алт. *күйүн* = 'завидовать', алт. *адарка* = / тув. *адаарга* = / хак. *атарха* = 'завидовать'.

В алтайском языке самую общую семантику зависти выражает глагол *күйүн* = 'завидовать'.

Алт. *Олордын жайымына күйүнип тургам* 'Я завидовала их свободе'; *Ада деп немени билбезис те, адалу балдарга эмеш күйүнип те жүрөтөнис* 'Слова «отец» мы ведь не знали, детям, которые имели отца, мы даже немножко завидовали'; *Он беиш жашту нөкөрлөрине күйүнип те турган* (ЛК, АК, 192) 'Он даже завидовал своим пятнадцатилетним друзьям'.

Алтайский глагол *адарка* = 'завидовать', как правило, используется, когда речь идет о зависти детей между собой, в то время как его хакасский и тувинский аналоги передают самую широкую семантику зависти.

Алт. *Сыйным меге адаркап жат* 'Моя младшая сестра завидует мне'; *Кызым, эјезине кижси адаркабас* 'Дочка моя, нельзя завидовать старшей сестре'.

Тув. *Суурнуң чамдык оолдары биске адааргаар-даа турдулар* (Х.Ойдан-оол, 58) 'Некоторые сельские мальчишки даже нам завидовали'; *Ындыг сеткил-биле чоруу чогуңгур, ааскежиктиг, ат-алдарлыг улуска адаарган эгелээн* (АХ, 43) 'Он начал завидовать везучим, счастливым, известным людям с подобной душой'; *Сен меңээ адаарган турар сен* 'Ты мне просто завидуешь'; *Мин силерге эң чаагай, эки адааргал-биле адааргаар-дыр мен* (БИУ, 219) 'Я завидую вам самой доброй, хорошей завистью'.

Хак. *Петро аның чидіглеріне атархан чөрче* (АХ, А, 75) 'Петро завидует его успехам'; *Мин аның сіліг састарынга атархаам* (И2) 'Я завидовала ее прекрасным волосам'; *Кізі нимезіне атарханчам* (И1) 'Я завидую чужому добру'; *Мин өбрөмнің өрінізіне атархаам* (И2) 'Я завидовала счастьем моей

подруги'; *Мин агаа атархаңмын, хақан пірее нимее күзім читпинчетсе* (НТ, 92) 'Я ему завидовал, когда у меня не хватало сил на что-либо'.

В алтайском языке и в некоторых диалектах хакасского языка (например, в качинском) активно употребляется фразеологизированное сочетание алт. *ичи күй* = / хак. (кач.) *істі күй* = 'завидовать' (букв. 'нутро=его горит'), которое также управляет дательным падежом.

Алт. *Самырдын биске ичи күйип турган* 'Самыр завидует нам (букв. у Самыра нутро горит)'; хак. (кач.): *Мағат чуртан чатханнарына аның істі күйча* 'Он завидует их хорошей жизни'.

### В. Глаголы со значением горя и печали.

В рассматриваемых языках группа глаголов с семантикой тоски и печали является также одной из многочисленных. В алтайском языке она представлена глаголами: *санаарка* = 'переживать, тревожиться, беспокоиться; грустить, тосковать', *эрик* = 'скучать, тосковать', *кунук* = 'печалиться, тосковать, унывать', *сүрнү* = 'печалиться, тосковать', *карык* = 'грустить, печалиться, скорбеть, соболеznовать', *кородо* = 'горевать, страдать'.

Ядерным в этой группе является глагол *санаарка* = 'переживать, тревожиться, беспокоиться; грустить, тосковать':

*Мен ого санааркап жадым* 'Я переживаю по этому поводу'; *Меге санааркабазын, одын-суулу, жакшы жадыры деп айт* (ЭЯ, А, 85) 'Пусть обо мне не беспокоится, скажи, мол, живет с дровами, с водой, хорошо живет'.

В группу 'тоска' входят глаголы *кунук* = 'печалиться, тосковать, унывать', *эрик* = 'скучать, тосковать' и *сүрнүк* = 'печалиться, тосковать'. Причиной грусти и уныния у глагола *кунук* = может быть длительная разлука с родными, родиной, а у глагола *эрик* = – безделье, депрессия, отсутствие интереса к окружающему:

*Байла, өскөн јерине кунугып калган болбой кайтсын...* (ЛК,АК,39) 'Наверное, истосковался по родной земле...'; *Билези учун ол тынг коркып, балдарына кунугып, калганчы ойлордө билези санаазынан чыкпай турган* (ЛК,АК,143) 'Он сильно боялся за свою семью, тосковал по детям, в последнее время семья не выходила у него из головы'; *Калганчы ойдо ол јаантайын сананып ла отурар, байла, айлына кунугып турган* 'В последнее время он все время раздумывает, наверное, скучает по дому'; *Көпти билер, неге де эригип јүрген јиит аристократ кижги болуп ойноп јадым* (АА,ЈТЈ,8) 'Играю много знающего молодого аристократа, который скучает по чему-то'.

Глагол *сүрнүк* = 'тосковать' встречается чаще в художественной литературе и выделяется глубиной чувства:

*Калмык неге де сүрекей сүрнүгип турган* (ИШ,КЈ,52) 'Калмык по чему-то очень тосковал'.

Глагол *карык* = 'грустить, печалиться, скорбеть, соболезновать' передает эмоции по поводу отсутствия чего-л., ухода из жизни кого-либо родного, близкого, из-за упущенной возможности сделать что-либо:

*Ол бойынын ырыс јок салымына карыгып, узакка санааркап, чөкөп калган болгодый* (ЭЯ,АТ,81) 'Он, печалясь о своей несчастной судьбе, долго страдая, должно быть, потерял надежду'; *Онын јеен уулын, сүрекей јарап Ратмир деп уулды, горсадта өлтүргилеп салган. Јаанак ого коркышту карыгып јат* (АА,ЈТЈ,143) 'Ее племянника, очень красивого парня Ратмира, убили в горсаду. Бабушка очень сильно грустит по нему'.

Глагол *кородо* = 'горевать, страдать' выражает сильную тоску, боль, страдание, вызванные трагическими событиями:

*Ийнизиниг өлүмине Аржа коркышту кородоп јат* (ИШ,КЈ,66) 'Аржа очень страдает по поводу смерти младшего брата'.

В тувинском языке к глаголам с семантикой тоски и печали относятся *муңгара* = 'огорчаться, печалиться', *хорада* = 'печалиться', *кудара* = 'грустить, скучать, тосковать (из-за чего-л.)', *кажыыда* = 'переживать, скорбеть, соболезновать', *качыгда* = 'страдать' (горевать по умершему), *ажы* = 'горевать, скорбеть':

Тув. *Эзи чирткенинге хомудаар, бөрү артканынга хорадаар* 'Хозяин печалится по съеденному, волк огорчается остатку'; *Ол авазынга кажыыдап тур* (И5) 'Она горюет по матери'.

Сюда же относятся глаголы *ажы* = 'горевать, скорбеть', *качыгда* = 'страдать (горевать по умершему)':

*Серенмаа угбай ашаанга ажып чоруур* 'Тетя Серенма горюет по мужу' (Козырев 1999: 214).

В хакасском языке в данной группе центральным является глагол *сагын* = 'скучать, грустить, тосковать по кому-чему-л.':

Хак. *Арина пархазына сагынча* 'Арина скучает по внуку'; *Харындазына сагынп, ол сыхтабысхан* 'Скучая по брату, она стала плакать'; *Хызыцах ічезіне сагынча* (И2) 'Девочка скучает по матери'; *Пабызына ол най сагын парыбысча* (ФБ,ПТН,34) 'Он начинает сильно скучать по отцу'; *Паскир Галня улам сагын сыххан* (ИК,ЧХ,80) 'Паскир стал еще сильнее тосковать по Гале'.

### 3.2.2.3. Семантический вариант модели со значением 'веры и подозрения'

$N_{Nom} N_{Dat} V_f$  «кто кому / чему верит / надеется / подозревает»

Предикатами этого семантического варианта выступают глаголы следующей семантики: веры и надежды, сомнения и подозрения.

Группу глаголов с семантикой веры и надежды составляют следующие глаголы: алт. *бүт* = 'верить, доверять', *ижен* = 'надеяться, полагаться'; хак. *киртін* = 'надеяться, верить', *ізен* =

‘надеяться, верить, полагаться’:

Алт. *Комсомол кудайга бүтней жат* ‘Комсомол Богу не верит’; *Слердин одуга бүдерге ле болбос* (ЖК,КТ,222) ‘На ваш род нельзя полагаться’; *Меге бүтсен, Айсулу, бүтсен* (ЖМ,КМУ,15) ‘Верь мне, Айсулу, верь’; *Биске ижсен, жаантайын бисти сагы* ‘Надейся на нас, всегда нас жди’.

Хак. *Хан, тізең, пасха кізее киртінмин* ‘Хан, другим людям не веря...’; *Мин Күгдүр оолларына киртінчем* (МТ,ПТ,10) ‘Я верю сыновьям Кюгдюра’; *Ол худайга ла киртінче, аннаң на хорыхча* (НД,ЫА,85) ‘Он только в Бога верит, только его боится’; *Пычонга ол ізенген* (НД,ЫА,64) ‘Пычону он доверял’; *Ол поэзың күзіне ізенген* ‘Он надеялся на свои силы’.

В отличие от алтайской и хакасской, тувинская группа глаголов с семантикой веры и надежды более многочисленна: *бүзуре* = ‘верить, доверять, надеяться’, *идеге* = ‘надеяться, полагаться, верить’, *ынан* = ‘надеяться, возлагать надежды, полагаться’, *корда* = ‘надеяться, рассчитывать (корыстно)’, *шынзык* = ‘верить, доверять’.

Глагол *бүзуре* = ‘верить, доверять, надеяться’ выражает веру, основанную на конкретных, практических основаниях, а глагол *ынан* = ‘надеяться, возлагать надежды, полагаться’ – на личных хороших отношениях [Козырев 1999: 200].

Тув.: *Силер меңээ бүзүревейн, мээң сеткилим хомудадып тур силер* (Ю. Ермолов,72) ‘Вы, не доверяя мне, тем самым огорчаете мою душу’; *Бис сеңээ бүзүрээр бис* (Ю. Ермолов,72) ‘Мы тебе верим’; *Салбак-оол кулактарыңга бүзүревейн орган* (СС,ТК,200) ‘Салбак-оол не верил своим ушам’.

Следующий глагол *идеге* = ‘надеяться’ выражает надежду, не имеющую достаточных оснований на это, вопреки объективным обстоятельствам, а глагол *шынзык* = ‘верить, доверять’ – веру после какого-то периода недоверия [Козырев 1999: 201].

*Силер бугага идеген турар-дыр силер* (О.Сувакпит,166) ‘Вы, значит, надеетесь на быка’; *Мен чүгле ол баганага идегээр мен* (О.Сувакпит,167) ‘Я доверяю только этой опоре’; *Чүңге идегээн сен, бодуң шоруң!* (А. Ховалыг,26) ‘На что ты понадеялся, сам виноват!’

Глагол *корда* = ‘надеяться, рассчитывать (корыстно)’ передает надежду, основанную на определенном расчете, выгоде. Этот глагол требует направительного падежа.

*Мээң акшамче кордап тур сен бе?* (Козырев 1999: 201) ‘На мои деньги рассчитываешь (надеешься)?’

В группу глаголов с семантикой и подозрения, требующих акстанта в форме дательного падежа, относятся следующие глаголы: алт. *серен* = ‘подозревать’, тув. *каразы* = ‘подозревать’, ‘обвинять’, чигзин = ‘сомневаться’; хак. *чиглен* = ‘подозревать’.

Алт. *Курачы Порфирушка өбөгөңгө чала серенип, токунабай чыккан* (ЛК,АК,208) ‘Курачы, подозревая Порфирушку, стал беспокоиться’.

Тув. *Ол ашак ооң мырнында база оорланып турган болгаш, мен аңаа каразып тур мен* (ИЗ) ‘Этот мужчина перед этим тоже воровал, поэтому я подозреваю его’; *Сен ооң харызыңга чигзинип турбайн, четкеш, таптыг чугаалаш* (И4) ‘Вместо того чтобы сомневаться в его ответе, ты сходи и поговори с ним нормально’.

Хак. *Агаа чигленчем* ‘Я его подозреваю’; ... *ол агаа ікінчілеп ала парган* (НТ,ТКÖ,9) ‘... он ушел, сомневаясь в этом’.

#### 3.2.2.4. Семантический вариант со значением мимико-физиологического проявления эмоций

$N_{\text{Nom}}N_{\text{Dat}}V_f$  «кто кому / чему улыбается / смеется / плачет»

Предикатами этого варианта выступают глаголы типа алт. *күлүмзирен* = / тув. *хүлүмзүр* = / хак. *күлімзірен* = ‘улыбаться’, алт. *каткыр* = / тув. *каттыр* = / хатхыр = ‘смеяться’, алт. *ый-*

ла= 'плакать', алт. *сыкта*= / хак. *сыхта*= 'плакать, рыдать'. Субъект действия здесь обычно одушевлен (либо персонифицирован), объект может быть как одушевленным, так и неодушевленным:

Алт. *Өбгөннинг мындый кылык-жангына Ижген бойы да күлүмзиренди* (ЭП,А,203) 'Такому поведению мужа и сама Ижген улыбнулась'; *Ол бисти ончобысты ширтеп ајыктап, кажыбыска ла јалакай күлүмзиренип салат* (АА,ЈТЈ,56) 'Он, всех нас внимательно рассматривая, каждому ласково улыбается'; *Јенү Павловко күлүмзиренип турган* (ЛК,АК,140) 'Победа улыбалась Павлову'; *Арина эчкиниг балазына каткырып...* (ЛК,АК,24) 'Арина, смеясь над козленком...'; *Эбире јажыл карагайлардын бүрлеринен оошкы тамчылар суркуражып төгүлет. Олор неге де ыйлажып тургандый* (АА,ЈТЈ,74) 'С веток вокруг стоящих зеленых сосен блестя падают розовые капли. Они как будто по чему-то плачут'.

Хак. *Пала ічезіне күлімзіреен* (И1) 'Ребенок улыбался матери'; *Ипчі палазына сыхтабысхан* (И2) 'Женщина заплакала о сыне (сыну)'.

Тувинские глаголы *каттыр*= 'смеяться', *хүлүмзүр*= 'улыбаться' имеют вариативное управление дательным и направительным падежами:

Тув. *Уруг аңаа хүлүмзүрдү* (И5) 'Девушка ему улыбнулась'; *Орлан уткуй чоруп орган Байлакче хүлүмзүрээш...* (И3) 'Орлан, улыбаясь идущей навстречу Байлак...'.

### 3.2.3. Модель с семантикой эмотивного отношения

$N_{\text{Nom}}N_{\text{Dat}}V_f$  «кто / что кому нравится»

В моделях с семантикой эмотивного отношения, в отличие от моделей эмотивного состояния, субъект-экспериенсер является вторым актантом и оформляется дательным падежом (тогда как в моделях эмотивного состояния он является пер-

вым актантом и выступает в форме неопределенного падежа). Позицию первого актанта занимает стимул эмоции, каузатор, называющий то, «что соответствует чьим-либо желаниям, вкусам и доставляет тем самым удовольствие или неудовольствие кому-либо» [Кошкарева 2004: 44].

В качестве предиката данной модели употребляются глаголы типа 'нравиться / не нравится': алт. *јара*= / хак. *чара*= 'нравиться':

Алт. *Мындый јадын меге јарап јат* 'Такая жизнь мне нравится'; *Андый сана-шүүлте ойто бойына јарабай барды* (ТШ,ЫЭИ,67) 'Такая мысль самому перестала нравиться'.

Хак. *Магаа андаг кирек чарабинча* 'Мне не нравится такое дело'; *Пу сіліг тон магаа чаратча* 'Это красивая шуба мне нравится'.

Тувинский глагол *тааржыр*= 'подходить, нравиться' употребляется по отношению к неодушевленным предметам, когда же речь идет об одушевленных предметах, то подчеркивается их внешняя сторона (например, рост, внешний вид человека, его состоятельность и т.д.), сравним:

*Мындыг тон меңээ тааржыр* (И4) 'Такое пальто мне подходит'; *По оол меңээ тааржыр* (И5) 'Этот мальчик мне нравится (по росту или по внешнему виду)'.

### 3.2.4. Модель с семантикой обращения с речью

$N_{\text{Nom}}N_{\text{Dat}}V_f$  «кто к кому обращается с речью»

По структурной схеме  $N_{\text{Nom}}N_{\text{Dat}}V_f$  строится модель с семантикой речевой коммуникации: «кто к кому обращается с речью».

Эта модель состоит из двух обязательных актантов: субъекта в неопределенном падеже и объекта-адресата в дательном падеже. Позиции  $N_{\text{Nom}}$  и  $N_{\text{Dat}}$  почти всегда занимают одушевленные лица.

Семантика предикатов этой модели не предполагает наличие объекта речи, поскольку уже включает характеристику или оценку его содержания. Это глаголы типа алт. *комыда*= ‘жаловаться’; алт. *коптон*= / тув., хак. *хоптан*= ‘ябедничать, жаловаться’, алт. *мүргү*= / тув. *мөөргү*= ‘молиться; обратиться со словами, устной речью к кому-чему-л.’; алт. *баштан*= ‘обратиться с речью’, алт. *жалын*= ‘умолять’.

Алт. *Онон солун кижиге баштанды* (ЛК,АК,127) ‘Потом обратился (с речью) к новому человеку’; *Ол уулына жангыс катан комыдаган эмес* (БУ,Т,20) ‘Она не раз жаловалась сыну’; *Керик Күүлейге комыдаган* (ТШ,БЭИ,231) ‘Керик жаловался Куулею’; *Владимир Бугуевич эмегинине жалынат*. (БУ,Т,149) ‘Владимир Бугуевич умоляет жену’; *Эркелей ойто ло энезине коптоньят* ‘Эркелей опять ябедничает матери’.

Хак. *Көр, Пасконың алты оох пала халган. Кемге ол хоптанча, кемнең пользызы сурча?* (СС,35) ‘Смотри, у Паско остались шесть маленьких детей. Кому она жалуется, у кого просит помощи?’ (Чертыкова 2005: 41); *Нога сураг чох кизи адына мүнчезиң? Күдетке хоптирбын* (ПТН,18) ‘Ты почему без спроса садишься на чужую лошадь? Пожалуюсь Кудету.’ (Чертыкова 2005: 42).

Тув. ...*аваңар школа директорунга хомудан чорун турган болчук...* ‘Ваша мать, оказалось, жаловалась директору школы; *Ачазынга хоптанып өөренип калган* (И5) ‘Он привык ябедничать своему отцу’; *Шагаа бүдүүзүнде ламалар бурганга улустуң аас-кежи дээш мөргүүр чүве* (И5) ‘Накануне праздника Шагаа ламы молятся богу за счастье народа’.

По данным информантов, тувинский глагол *өриээ*= ‘умолять’ требует винительного падежа, в отличие от алтайского и хакасского глагола: *Өриээн тур мен сени, дүнеге чедир халывайн көр, оглум* (И5) ‘Умоляю тебя, сынок, не бегай ты до поздней ночи’.

### 3.2.5. Модель с семантикой социальных отношений

$N_{Nom}N_{Dat}V_f$  «кто кому помогает / мешает / привыкает / подчиняется / обучается»

Субъект этой модели всегда одушевленный; объект может быть одушевленным и неодушевленным.

Круг глаголов с семантикой социальной деятельности, участвующих в образовании этой модели, обширен. Мы выделяем несколько таких групп: 1) глаголы социальных и межличностных отношений и взаимодействий (алт. *болуш*= / тув. *болуш*= / хак. *польыс*= ‘помогать’, алт. *чаптык эт*= ‘мешать’, тув. *дузала*= ‘помогать’, *шаптыкта*= ‘мешать’, алт. *базжыр*= ‘преклоняться’, алт. *бак*= ‘подчиняться’, тув. *чагырт*= ‘подчиняться’, хак. *паф*= ‘подчиняться’, ‘преклоняться’ и др.); 2) глаголы социальной адаптации (алт. *темик*= ‘привыкать’, алт. *үрен*= (*үрениш*=) ‘привыкать’; тув. *өөрен*= ‘привыкать’, *ижик*= ‘привыкать’, *хөнүк*= ‘привыкать’; хак. *үгрен*= ‘учиться; приучаться, приобщаться, привыкать’, *тилик*= ‘привыкать’; алт. *үрен*= / тув. *өөрен*= / хак. *үгрен*= ‘учиться чему-л.; приучаться, приобщаться, привыкнуть’, алт. *белетен*= / тув. *белеткен*= ‘готовиться’. Объект в этой модели всегда неодушевленный; 3) глаголы социального поведения (алт. *јарамзы*= ‘подхалимничать, льстить’, алт. *тынзын*= ‘вести, держать себя высокомерно’; тув. *адыырга*= ‘важничать’, *менээрге*= ‘завидовать, возгордиться’, *сайыырга*= ‘кичиться’, *чаппаала*= ‘подхалимствовать, заискивать’, *чапты*= ‘подхалимствовать, заискивать’, *чылбаңна*= ‘подхалимствовать’; хак. *чойырха*= ‘льстить, угождать; заискивать, подлизываться’ и др.

В зависимости от семантики предиката различается несколько семантических вариантов.

### 3.2.5.1. Семантический вариант модели со значением содействия / противодействия

$N_{\text{Nom}}N_{\text{Dat}}V_f$  «кто кому помогает / мешает»

Предикаты этого семантического варианта представлены глаголами алт. *болуш*= / тув. *болуш*= / хак. *полыс*= ‘помогать’, алт. *чаптык эт*= ‘мешать’, тув. *дузала*= ‘помогать’, *шаптыкта*= ‘мешать’:

Алт. *Мен бойымнын билеме болужар учурлу* (БУ,Т,85) ‘Я должен помогать своей семье’; *Айдарда, слер Чөдөйкө качан да болушкан тураар не?* (КТ,КJ2,111) ‘Значит, вы Чоочойоку когда-то помогли, оказывается’; *Кем сеге болужатан?* ‘Кто тебе должен помогать?’; *Мен слерге чаптык этпезим* ‘Я вам не буду мешать’; тув. *А сен чүге дунмаңга болушадың?* (И6) ‘А ты почему не помог сестренке?’; *Бис хөөкүй уругга дыка-ла дузалажып келдивие* (И4) ‘Мы бедной девушке очень помогли’; *Мен силерге шаптыктавас мен* (СС,ТК,199) ‘Я вам не буду мешать’; хак. *Арина агаа полыхан* (И2) ‘Арина помогала ему’.

### 3.2.5.2. Семантический вариант модели

$N_{\text{Nom}}N_{\text{Dat}}V_f$  «кто кому льстит / высокомерничает»

Предикатами этого варианта являются глаголы, обозначающие социальное поведение людей с оценочным компонентом: алт. *тынзын*= ‘вести, держать себя высокомерно’, *жарамзы*= ‘подхалимничать, льстить’, *жалканчы*= ‘подлизываться’. Субъект и объект одушевленный.

Алт. *Евгений Юрьевич меге жагыс катап тынзынган эмес* (БУ,Т,131) ‘Евгений Юрьевич не раз держался со мной высокомерно’; *Олор Кеденовко жарамзы...* (БУ,Т,76) ‘Они льстили Кеденову...’, *Ол тужсында мен кемди де төгүндөбегем, кемге де жалканчыбагам, чын немени жартап айдып албай тургамда, улустар болужатан эди* (КТ,КJ,64) ‘В то время я никого не

обманывал, ни к кому не подлизывался, если правду не мог объяснить, люди помогали’.

Тув. *адыырга*= ‘важничать’, *менээрге*= ‘зазнаваться, возгордиться’, *сайыырга*= ‘кичиться’, *чапшаала*= ‘подхалимствовать, заискивать’, *чапты*= ‘подхалимствовать, заискивать’, *чылбаңна*= ‘подхалимствовать’:

Тув. *Алдын-оолдан онаалга дужурун бижип алыр дээш, эжи аңаа аажок чапшаалаан* (И5) ‘Чтобы списать домашнюю работу у Алдын-оола, друг очень к нему подлизывался’; *Кижин мурнунга адыырган турба, бажың сирбектеп кааптар мен* (И5) ‘Не важничай передо мной, я тебя за волосы отгаскаю’; *Улуска чапшаалап, бар чок акшаң үлөп кааптың бе?* (И5) ‘Подлизываясь людям, ты, наверное, все свои деньги раздал, да?’

Хак. *чойырха*= ‘льстить, угождать; заискивать, подлизываться’:

*Хайзына үн көдирібізерге, хайзына чойырхабызарга, а хайзына пос сала тудынарга пілче* (ИТ,158) ‘Знает на кого голос поднять, кому льстить, а с кем свободно держаться’.

### 3.2.5.3. Семантический вариант модели со значением адаптации $N_{\text{Nom}}N_{\text{Dat}}V_f$ «кто кому / чему привыкает / обучается»

Субъект здесь всегда одушевленный; объект может быть одушевленным и неодушевленным.

Предикатами являются глаголы с семантикой социальной адаптации: алт. *темик*= ‘привыкать’, *үрен*= ‘привыкать’, *үрениш*= ‘привыкать’; тув. *өөрен*= ‘привыкать’, *ижик*= ‘привыкать’, *хөнук*= ‘привыкать’; хак. *үгрен*= ‘учиться; приучаться, приобщаться, привыкать’, *тилік*= ‘привыкать’.

Алтайские глаголы *үрен* = 'привыкать', *үрениши* = 'привыкать' являются абсолютными синонимами, но наиболее употребительным является глагол *үрениши* = 'привыкать':

Алт. *Эки неделениг бажында Алан балдардын табыжына үрениже берди* 'Через две недели Алан привык к шуму детей'; *Јүрүм өскөлдөнүп јат. Културнай улустын курсагына үренер керек* (ЭП, А, 243) 'Жизнь меняется. Надо привыкать к еде культурных людей'; *Маадай Эртеге удабай ла үрениже берген* (ТШ, БЭИ, 10) 'Маадай вскоре же привык к Эрте'; *Арина солун айалгаларга, солун улустын ортозына түрген үрене берген* (ЛК, АК, 40) 'Арина быстро привыкла к новым обстоятельствам, к среде новых людей'.

Тув. *Ол дээрге биче эвес хуусаа-дыр, камыг-даа ыт чай ээзинге өөрени берип болур* (СС, СС, 97) 'Это ведь не маленький срок, любая собака привыкает к новому хозяину'; *Ак-тош бо Оолакка ам-даа ижикпээн* (СС, СС, 98) 'Ак-Тош до сих пор не привык к Оолаку'.

Хак. *Кизи прай нимее үрген парча. Өлимге дее* (ХРС, 617) 'Человек ко всему привыкает. Даже к смерти'; *Пала магаа тилик парган* (И2) 'Ребенок привык ко мне'.

Глагол *темик* = предполагает привыкание к чему-либо вследствие приобретения каких-либо новых знаний, навыков. В отличие от предыдущих двух глаголов объект привыкания глагола *темик* = может быть только неодушевленным:

Алт. *Мен ишке темиге бердим* 'Я привык к работе (в результате приобретения определенных навыков, умений)'.

Сюда же относятся глаголы с семантикой обучения и подготовки: алт. *үрен* = / тув. *өөрен* = / хак. *үрген* = 'учиться чему-л.; приучаться, приобщаться, привыкнуть', алт. *белетен* = / тув. *белеткен* = 'готовиться'. Объект в этой модели всегда неодушевленный.

Алт. *Григорий Иванович Јаш-Турада (эмди Бийск) садучылардын үредүзине үренип алала, Улаган аймакка келип, кооперация јанынан бир эмеш иштеген* (ИШ, КК, 21) 'Григорий Иванович после учебы на продавца в Бийске, приехал в Улаганский район, работал немного в области кооперации'; *Је танцага үренип аларыс* (АА, ЈТЈ, 70) 'Но танцу мы научимся'; *Бис јайгы сессияга белетенип турганыс* (АА, ЈТЈ, 81) 'Мы готовились к летней сессии'.

Тув. *Бо каш хонуктарда Дангына конкурзунга белеткенир мен* (И5) 'За последние несколько дней я буду готовиться к конкурсу красоты Дангына'.

Хак. *Че ол пир дее килебинче, аар чүккө үрген парган кизи* (АХ, Т, 52) 'Но он вообще не заботится о себе, он человек, привыкший к тяжелой работе'.

#### 3.2.5.4. Семантический вариант модели

со значением подчинения  $N_{Nom} N_{Dat} V_f$

«кто кому / чему подчиняется / преклоняется»

Предикатами этого семантического варианта выступают глаголы социальных иерархических отношений подчинения и преклонения: алт. *бак* = 'подчиняться', *бажыр* = 'преклоняться'; тув. *чагырт* = 'подчиняться', хак. *пас* = 'подчиняться', 'преклоняться'. Дательным падежом оформляется адресат подчинения, преклонения.

Алт. *Партийный јанга бакпас аргам јок* (АА, УБТ, 40) 'Не могу не подчиниться партийной власти'; *Кемигерге де бажырбазым* 'Никому из вас не буду кланяться'; тув. *Мен ээмге чагыртып турар мен* (И3) 'Я подчиняюсь своему хозяину'; хак. *Аның үчүн агаа пазырарга даа уядыстыг нимес* (ИТ, 143) 'За это ей (земле) и поклоняться не стыдно'.

Основное значение глагола *бажыр* = – 'преклоняться перед Богом':

Алт. *Јолой јааназы Кудайга бажырып, кӧрӱнген ле куштарды алкап* 'По дороге его бабушка, преклоняясь перед Богом, благословляла каждую показавшуюся птицу...'

### 3.3. Структурная схема $N_{Nom}N_{Abl}V_f$ и ее смыслы

Мы выделили четыре основных модели, построенных по структурной схеме с вторым именованным компонентом в исходном падеже. Это модель эмоционального отчуждения, модели с семантикой избегания физического контакта, с семантикой отказа, с семантикой прикосновения. Все они объединены общим значением контакта. В первых трех моделях представлено стремление избежать (эмоционального, физического) контакта с объектом, а в последней, – наоборот, стремление к контакту. В модели эмоционального отчуждения субъект стремится избежать контакта из-за чувства страха или робости. В следующих двух моделях (избегания контакта и отказа) стремление субъекта избежать контакта представлено уже как активное. В модели с семантикой прикосновения представлено достижение физического контакта с объектом.

#### 3.3.1. Модель эмоционального состояния отчуждения

$N_{Nom}N_{Abl}V_f$  «кто кого / чего боится / стыдится / брезгует / разочаровывается»

Модель  $N_{Nom}N_{Abl}V_f$  «кто кого / чего боится / стыдится / брезгует / разочаровывается» описывает эмоциональное состояние субъекта, вызванное предшествующим событием.

Первый актант, субъект-экспериментер, представлен именем в неопределенном падеже, обозначающим человека (редко животных). Второй актант – это объект-стимул, имя в исходном падеже. Предикатами выступают эмотивные глаголы,

обозначающие эмоции типа 'стыдиться', 'стесняться', 'смущаться', 'разочаровываться'. Все эти глаголы выражают эмоциональную реакцию избегания контакта с объектом, отталкивания от объекта.

#### А. Глаголы со значением страха.

Самая четко выделяющаяся группа глаголов, требующих исходного падежа, – это, прежде всего, эмотивные глаголы, выражающие разные виды страха: алт. *коркы* = 'бояться, пугаться', *јалтан* = 'побаиваться, опасаться', *чочы* = 'пугаться', *јркү* = 'пугаться, вздрогнуть (о животных; о людях – в переносном смысле)'; тув. *корт* = (*коргар*=) 'бояться', *хой* = 'пугаться, вздрогнуть (о животных)', *чалдан* = 'побаиваться, опасаться', *чожу* = 'пугаться', *сезин* = 'опасаться, побаиваться'; хак. *хорых* = 'бояться, пугаться', *чочы* = 'пугаться', *чалтан* = 'робеть, смущаться, стесняться; побаиваться, опасаться', *хуй* = 'пугаться, вздрогнуть (о лошади)'.

Во всех трех рассматриваемых языках основным, семантически нейтральным глаголом с семантикой страха является общетюркский глагол алт. *коркы* = / тув. *корт* = (*коргар*=) / хак. *хорых* = 'бояться, пугаться':

Алт. *Онын кийинде энемнен алдызындагызы чылап корккыбайтам* 'После этого случая я перестала так бояться матери, как раньше'; тув. *Бир эвес бөрүләрдең корган болзуңа, аалга артык кал* 'Если боишься волков, останься в юрте'; хак. *Абанаң хорыхты* 'Медведя испугался'; *Оолах адайдаң угаа тың хорых партыр* 'Мальчик очень сильно испугался собаки'; *Ол мылтых табызынаң чочын парган* 'Он испугался выстрела'.

Глагол алт. *јалтан* = / тув. *чалдан* = / хак. *чалтан* = 'опасаться, побаиваться' выражает опасение, предчувствие опасности, неприятности. В отличие от алтайского глагола *јалтан* =, хакасский *чалтан* = имеет также значение 'робеть, смущаться,

стесняться' и по этому значению он входит также в группу глаголов с семантикой стыда, смущения (см. ниже).

Алт. *Владимир Бугуевич неден де жалтана берди* (БУ,Т,148) 'Владимир Бугуевич чего-то испугался'; тув. *Кижжи холундан чалданып турар кижжи шеригге канчаар сен* (И4) 'Если ты пугаешься руки человека, то, что ты будешь делать в армии'; хак. *Тайгадагы аар тогыстаң Карамас чалтанган* 'Карамас боялся тяжелой работы в тайге'; *Иң чоон хантарынаң ол чалтанмаан* 'Он не боялся самых огромных мешков'; *Тиин, тізең, пүүрдең хорыгып, агаста чуртапча* (ХП,4) 'А белка, боясь волка, живет на дереве'.

Общeturкский глагол алт. *чочы*= / тув. *чожу*= / хак. *чочы*= 'пугаться' выражает испуг, страх от чего-то неожиданного, внезапного:

Алт. *Келиндер Курачының бүдүжинен чочыган* (ЛК,АК,111) 'Женщины испугались вида Курачы'; *Бала ийттенг чочый берди* 'Ребенок испугался собаки'; *Өгөйни, Маадай, бу билбес сурактаң чочып манзара берди* 'Ее муж, Маадай, испугавшись этого незнакомого вопроса, растерялся'; хак. *Кизгичек мылтых табызынаң чочыган* 'Косуля испугалась выстрела ружья'.

В рассматриваемых языках выделяются глаголы, передающие испуг только животного, причем не любого, а чаще всего лошади, реже овцы, козы. Это глаголы алт. *үркү*= 'пугаться', 'вздрагнуть (о животных; о людях – в переносном смысле)', тув. *хой*= 'пугаться (о животных)' / хак. *хуй*= 'пугаться (о лошади)'.

Алт. *Адым жыланнаң үркүди* 'Моя лошадь испугалась змеи'; хак. *Пістің чабас тораадыбыс, пасхачыл трактордаң хулоп, сала ла ойлабыспаан* (НТ,ТКÖ,26) 'Наш смиренный гнедой конь, испугавшись необычного [для него] трактора, чуть не убежал'.

### Б. Глаголы со значением стыда, смущения, робости.

К группе глаголов с семантикой стыда, смущения, стеснения относятся алт. *уйал*= 'стыдиться, смущаться, стесняться', *кемзин*= 'смущаться, стесняться', *эпјоксын*= 'смущаться, чувствовать неловкость'; тув. *ыят*= 'стыдиться, смущаться, стесняться', *эпчоксун*= 'смущаться, чувствовать неловкость', *эген*= 'робеть, смущаться', *пөрүктен*= 'робеть, смущаться; дичиться', *чова*= 'утомляться', 'стыдиться'; хак. *уйат*= 'стыдиться, смущаться, стесняться', *арын*= 'стесняться, смущаться', *кидейлен*= 'скупиться'; 'стесняться' и др.

Основным в этой группе во всех рассматриваемых языках является общeturкский глагол алт. *уйал*= / тув. *ыят*= / хак. *уйат*= 'стыдиться, смущаться, стесняться', который имеет семантику как стыда, так и смущения:

Алт. *Ол бойының кийиминен уйалып јат* 'Он стыдится своей одежды'; *Эркеиттин эткен керектеринен кижжи уйала берер* 'Я стыжусь того, что натворил Эркеш'; *Качук энемнен уйалып јат* (ИШ,К,3) 'Качук стесняется моей мамы'; тув. *Улустан ыяткаш, үнмейн тур ирги бе?* 'Возможно, он не выходит из-за того, что стесняется людей?'; хак. *Оолах паска кизилердең уйатча* 'Мальчик всегда чужих людей стесняется'; *Ооллар, Таистең уйат парып, сым на турглабысханнар* 'Парни, застенчившись Таис, молча встали'; *Адай чили улуп тур, хоосха чили мяңнап тур! Кизинең дее уйаттинча* (НТ,51) 'Воет как собака, мяукает как кошка. Даже людей не стесняется!'

Глаголы алт. *кемзин*= 'смущаться, стесняться', алт. *эпјоксын*= / тув. *эпчоксун*= 'смущаться, чувствовать неловкость', тув. *эген*= 'робеть, смущаться', *пөрүктен*= 'робеть, смущаться; дичиться'; хак. *арын*= 'смущаться, чувствовать неловкость', *кидейлен*= 'скупиться'; 'стесняться', *чалтан*= 'робеть, смущаться, стесняться'; 'бояться, опасаться' передают семантику 'испытывать страх от неуверенности в себе' и 'испытывать неловкость, застенчивость, замешательство':

Алт. *Арина качан да оноң кемзинбейтен* (ЛК,АК,20) 'Арина никогда его не стеснялась'; *Эзенайдын ондый кылыгынаң коркышту эпјоксындым* (СМ,АК,55) 'От такого поведения Эзенай я очень засмушалась' (Мне было очень неудобно за такое поведение Эзенай); хак. *Олар сірердең арынчалар* 'Они вас стесняются'; *Хақан мин орыс тіліне иледе үгреніп алғанда, тракторист оолнаң чалтанминыбысхам* 'Когда я еще лучше выучила русский язык, я перестала стесняться парня-тракториста'; *Аның үчүн орыс садыгчыдаң мин дее арын турғам* (НТ,33) 'Поэтому я тоже стеснялся русского купца'; *Акай, нога миннең кидейленчезің?* (АХ,70) 'Акай, почему ты меня стесняешься?'

Тувинский глагол *пөрүктен* = 'робеть, смущаться'; 'дичиться' выражает, как правило, смущение ребенка или девушки: *Алина адызындаң пөрүктенип шаг болған* 'Алина смущалась своего отца'.

#### **В. Глаголы со значением отвращения, брезгливости.**

В эту группу входят общетюркский глагол алт. *јескин* = / тув. *ческин* = / хак. *чискін* = 'брезговать, чувствовать отвращение', тув. *чүдексин* = / *чииртимне* = 'брезговать', хак. *чиркен* = 'брезговать, чувствовать отвращение, брезгливость; гнушаться, пренебрегать'.

Во всех рассматриваемых языках объектом отвращения, брезгливости выступают, прежде всего, пресмыкающиеся (змеи, ящерицы), а также лягушки, мыши и черви:

Алт. *Јыланнаң, чычканнаң јескинип јадым* 'Я брезгую змеями, мышами (букв. *от змей, от мышей*)'.

Хак. *Мин кічигден сығара чыланнардаң чискінчем* 'Я с детства брезгую змеями (букв. *от змей*)'; *Мин пағанаң чиркенчем* 'Я брезгую лягушками'.

Тув. *Мен чылдан чииртимнээр мен* 'Я брезгую змеями, (букв. *от змей*)'; *Мен хирден ческинер-дир мен* 'Я брезгую грязью (букв. *от грязи*)'.

Чувство брезгливости, отвращения может быть вызвано и отрицательными качествами людей и объектов (например, нечистоплотностью кого-либо):

Алт. *Ол неден де јескинбей јат* 'Он ничем не брезгует'; *Ол олардын курсагынаң јескинип, куру конды* 'Он, брезгуя их едой, ночевал голодный'; хак. *Ас-тамахтаң чиркеніп, азырын мин хонды* 'Пищей гнушаясь, ночевал голодный'.

#### **Г. Глаголы со значением разочарования / потери надежды.**

В алтайском языке к глаголам со значением разочарования относятся синонимичные глаголы *чөкө* = 'отчаиваться, разочароваться', *чөкөн* = 'отчаиваться, разочаровываться'.

*Бу кижји мындый јүрүмнен чөкөнип калған ошкош* 'Этот человек, кажется, разочаровался в такой жизни'; *Удабай ла Эркелей өбөгөнінен чөкөп калды* 'Вскоре же Эркелей разочаровалась в муже'.

По происхождению глагол *чөкөн* = представляет собой форму возвратного залога глагола *чөкө* = (=н – показатель возвратного залога). Но в современном алтайском языке он уже лексикализовался и используется как синоним к глаголу *чөкө* =.

В тувинском языке со значением разочарования употребляется глагол *хомуда* =:

*Ашаамның сөгленип чугаалаан сөстериңден хомудай бердим* 'Я разочаровалась в словах, сказанных мне моим мужем'; *Башкым менден хомудай берген боор* 'Мой преподаватель, наверное, разочаровался во мне'.

В хакасском языке в данном значении употребляется глагол *түүл* = 'разочароваться'. Хакасско-русский словарь выделяет два значения у этого глагола: 1) 'стать противным, опроти-

вель'; 2) 'разочароваться' [ХРС 1953: 244]:

Ахча алчатхан *пастыхтарнаң пабам түүлче* (И1) 'Мой отец испытывает отвращение к начальникам, берущим взятки'; *Пу изіріктернең мен түүл паргам* 'Я разочаровался в этих пьяницах'.

### 3.3.2. Модель с семантикой избегания контакта

$N_{Nom}N_{Abl}V_f$  «кто кого / чего избегает / сторонится»

Типовая семантика этой модели: «субъект избегает (физического) контакта с объектом отношения (лицом, предметом, событием)».

Первый актант модели представлен одушевленным именем в неопределенном падеже, второй актант – как одушевленным, так и неодушевленным именем в исходном падеже:

Алт. *Бу уур санаадаг канай айрылар?* (ИШ,КJ,94) 'Как избавиться от этой тяжелой мысли?'

Предикатами этой модели выступают глаголы, содержащие сему избегания: алт. *јажын*= 'прятаться, скрываться', *тура-ла*= 'сторониться', *айрыл*= 'разводиться', 'отделяться', 'избавляться', *кыйыш*= 'избежать, миновать', *ыра*= 'отдаляться, сторониться'; тув. *чаштын*= 'прятаться, скрываться', *дес*= 'избегать, сторониться', *оактал*= 'сторониться', 'уединяться'; хак. *чазын*= 'прятаться, скрываться', *кидейлен*= 'сторониться, чуждаться', *хыйыс*= 'избежать, миновать'; 'отстраниться':

Алт. *Ол эзирик Карданнаг капшай ла јажына берди* 'Она быстро спряталась от пьяного Кардана'; *Каанныг кызы түбегиннен түнгей ле айрылып болбос* 'Дочь царя все равно не избежит от своей беды'; *Аркаш үйинег айрылып калган* 'Аркаш развелся со своей женой'; *Байару улустан чала туралап турар болды* 'Байару стала сторониться людей', *Балам јеткерден, карын, кыйыжа берген* 'Мой сын, к счастью, избежал трагедии'; *Шинге ле Алан эмди менен база ырагылай*

*берген* (ЭП,А,325) 'Шине и Алан теперь тоже от меня отделились'.

Тув. *Ам канчаар, машинадан үнмейн, хартыгадан хораан торлаа дег, чондан чаштынны олурар сен ыйнаан* (СС,СС,69) 'Что поделаешь, ты будешь сидеть, не выходя из машины, будешь прятаться от народа, как притаившаяся куропатка от сокола'; *Хеймерек олардан хоорлуксаан* (СС,СС,77) 'Хеймерек хотел от них отделиться'; *Ыдым мурнунда, ынчалза-даа менден шоолуг ыравайн чораан* (СС,СС,169) 'Моя собака шла впереди, но от меня она не отдалялась'.

Хак. *Кемнең син чазынгазың?* 'От кого ты прятался?'; *Постың јүлүзінең хыйыс полбассың* (ХРС,884) 'Своей судьбы не избежишь'.

### 3.3.3. Модель с семантикой отказа

$N_{Nom}N_{Abl}V_f$  «кто от кого / от чего отказывается»

Типовая семантика модели: «совершить действие или речевой акт, демонстрирующие несогласие на что-либо, неприятие чего-либо». Первый актант модели представлен одушевленным именем в неопределенном падеже, второй актант – как одушевленным, так и неодушевленным именем в исходном падеже. Предикатами этой модели выступают глаголы с семантикой отказа: алт. *мойно*= 'отказываться', *мойнош*= 'отказываться'; тув. *ойтала*= 'отказываться', *чажамайла*= 'отказываться'; хак. *хыя идибіс*= 'отказываться', *ынабныбыс*= 'отказываться'.

Алт. *Неме билер кижки мындыг керектен мойнор аргазы јок* (ТШ,Ы,39) 'Знающий человек не может отказаться от такого дела'; *Каргаа колхозто уур иштү јерден јыга мойноп ийди* 'Каргаа наотрез отказалась от трудной работы в колхозе'; *Арина онын болужынан мойноп ийген* (ЛК,АК,47) 'Арина отказалась от его помощи'; *Партия ийит турган иштен мой-*

*ножор аргам жок* (ТШ,ЫЭИ,223) 'Я не могу отказаться от работы, на которую отправляет меня партия'; *Мен өбөгөнниң күндүзинен мойношподым* 'От гостеприимства деда я не отказался'.

Тув. *Севил куткан арагадан баштай ойталаан* (И5) 'Севил сначала отказалась от налитого вина'; *Ол хамаанчок, Мария Ивановна өөрөнчикилерниң шуудай бергенин барымдаалаш, хелемечиден ойталаан* (СС,СС,29) 'Несмотря на это, Мария Ивановна, сославшись на то, что они с учениками уже продвинулись, отказалась от переводчика'; *Ынчангаи авазының ол бажсыңдан көжүп кел деп негелдезинден ойталаан* (СС,СС,143) 'Поэтому она отказалась от требования матери переехать из этой квартиры'.

Хак. *Мин аның сурынганынаң чараспаам* (И2) 'Я отказала в его просьбе'; *Мин аннаң ынабинчатханда, Тимур тарыныбысхан* (И1) 'Когда я с ним не согласилась, Тимур разозлился'.

### 3.3.4. Модель с семантикой прикосновения

$N_{Nom}N_{Abi}V_f$  «кто кого / чего касается»

Материал тюркских языков Южной Сибири дает основания говорить о модели с исходным падежом второго аканта, формируемой глаголами касания (прикосновения). Объектом прикосновения чаще всего являются части тела человека. Формальная (и содержательная) особенность этой модели – использование в роли дополнения изафетной конструкции, выражающей принадлежность части целому: *дотронуться до руки=моей* (в русском здесь притяжательное местоимение или родительный падеж: *коснуться моей руки / плеча солдата*).

В роли предикатов этой модели выступают глаголы касания, физического прикосновения. Они управляют существительным – названием какой-либо части тела человека или животного, которое выступает в форме исходного падежа.

В русском языке предложениям этого типа соответствует конструкция с тремя актантами. Ее структурная схема –  $N_{Nom}N_{Acc}за N_{Acc}$  «взять кого (что) (потянуть, тронуть) за что (за руку, под руку, тронуть за плечо)». В тюркских языках ей соответствует конструкция с двумя «явными» актантами  $N_{Nom}N_{Abi}V_f$  (прикосновение). Прямого объекта здесь нет, но в позиции  $N_{Abi}$  выступает не слово, а изафетная конструкция [ $N_{Gen} \leftrightarrow N_{Abi}$  – «чье – за что»]. Таким образом, актантная структура внешне минимизирована, но осложнена внутренне: русскому прямому объекту соответствует субъект принадлежности  $N_{Gen}$  (родительный падеж), а третьему актанту – второй, в форме исходного падежа.

Эту конструкцию формируют глаголы прикосновения: алт. *тут* = 'держаться, схватиться за что-кого-л.', *тарт* = 'схватить, дернуть', *кучакта* = 'обнимать'; тув. *туттун* = 'держаться, хвататься', *сегир* = 'схватить', *хербектен* = 'хвататься', *халбактан* = 'хвататься', *илбекте* = 'зацеплять', *тырт* = 'тянуть', 'тащить', *дырбакта* = 'цепляться'; хак. *хат* = / *харба* = 'схватить, дернуть', *чидин* = 'вести под руку', *хучахта* = 'обнимать'.

Алт. *Маадай Торкочының колынан тудуп...* (ТШ,ЫЭИ,61) 'Маадай, взяв за руку Торкочы,...'; *Ол Нёкёштин мойнынан кучактай тутты* 'Она обняла Нёкёша за шею'; *Ол онын мойнынан кучактай алып сөс жоктон ыйлайт* 'Она, обняв его за шею, молча плачет'; *Одой нёкөрининг изү, кату жаактарынан окшоп салды* (ЛК,АК,103) 'Одой поцеловал друга в горячую, твердую щеку'; *Өмөлик келинниң жылу эриндеринен тарый-тарый окшойт* (СМ,АК,129) 'Омолик неотрывно целует теплые губы женщины'; *Ол уулдын жардынан сыймады* (СМ,АК,168) 'Она погладила парня по плечу'.

Тув. *Чогдур карбаи дээш, Күдерниң оң талакы билээндэн сегирип алган* 'Чогдур, размахнувшись, схватился за правое предплечье Кюдера'; *Эки кадайның эдээнден-даа туттунуп*

*болгай* (КК,УЧУ, 166) 'Если хорошая женщина, то ведь и за ее подол можно хвататься'; *Сандайның ооргазынга холун хере салгаши, дүште чок хөлерлеп чыткан эжиниң холундан сегирип алган* (СС,СС,45) 'Схватил за руку друга, сидевшего, раскинув руки на спину стула и ни о чем не подозревавшего'.

Хак. *Ираның мойнынаң хучахтапчам* 'Я обнимаю Иру за шею'; *Адай аның азаанаң хапты* 'Собака схватила его за ногу'.

\*\*\*

Таким образом, первичное назначение форм дательного и исходного падежей реализуется в двухактантных моделях, описывающих физическое перемещение, движение объекта к некоторой точке или от нее. При эмотивных предикатах эти представление о физическом перемещении трансформируется в представление об эмоционально окрашенном отношении. Дательный падеж несет в себе сему контакта, который может быть как позитивным, например, радость, так и негативным: возмущение, злость. Исходный падеж включает в себе сему разрыва контакта, отторжения, вытеснения объекта или представления о нем. Особенность тувинского языка состоит в том, что в нем стимул эмоции может выражаться и формой направительного падежа. В тюркских языках, в отличие от русского, связь названных падежей с идеей направленного движения остается живой.

### 3.4. Структурная схема $N_{Nom}N_{Instr}V_f$ и ее смыслы

#### 3.4.1. Модель жестикуляции

$N_{Nom}N_{Instr}V_f$  «кто / что чем оперирует / жестикулирует»

Основная функция орудного падежа, как известно, состоит в том, что он выражает орудие действия, а действие по опре-

делению предполагает субъект, выраженный подлежащим, и объект. Поэтому данное его значение реализуется в предложениях с тремя актантами: субъект действия (лицо или сила), объект и орудие. Тем самым в составе двухактантной модели действие как таковое описываться не может; только если выражаются действия, направленные на себя, и глагол выступает в возвратной форме: русск. *Я всегда умываюсь душистым мылом, вытираюсь мохнатым полотенцем*; алт. *Мен јакишы жытту самынла јун=ун=ад=ым* 'Я умываюсь душистым мылом'.

Основная же сфера использования двухактантной конструкции – описание жестикуляции (руками, реже знаков глазами). В русских переводах таких предложений, как правило, явно появляется третий участник пропозиции, прямой объект: *сделал жест*, поэтому пропозиция предстает как «действие». В тюркских языках предикаты таких предложений ('делать знак', 'кивать') открывают позиции субъекта и «орудия», но не прямого объекта.

Алт. *Мен колымла јангып ийеле...*(БУ,Т,207) 'Я, сделав жест рукой...'; *Он колынын јаан алаканыла мен јаар јенүлү јангып ийди...*(БУ,227) 'Он большой ладонью своей руки сделал победный жест в мою сторону'; тув. *Ийи холумда сумка тудуп алган болгаши, ол меңээ бажы-биле чайып калды* (ИС) 'Так как у него в обеих руках были сумки, он кивнул мне головой'.

Ср. *Селешов көзининг тер јел јыкпыгыла имдеп ийеле* (АА,УБТ) 'Селешов, подмигнув глазом (букв. складками глаза),...'; *Ол јалакай боро көстөриле күлүмзиренип ийди* 'Он улыбнулся своими добрыми серыми глазами'; *Ойынчы јангыс ла көстөриле каткырып јат* (АА,УБТ,10) 'Ойынчы смеется одними глазами'.

Кроме того, некоторые глаголы с «имплицитным инструментом» (ср. кусать – зубы) при определенных условиях могут быть представлены как эксплицитно «орудийные» (ср. в рус-

ском при наличии определения: *взглянуть тяжёлым взглядом, плакать горькими слезами*):

Алт. *Нёкёр, эмди мен жангыс ла терс канла, ирингле тукүрүп жадым* (АА,УБТ,62) 'Друг, теперь я только кровью и гноем плююсь'.

### 3.4.2. Модель взаимодействия

$N_{Nom}N_{Instr}V_f$  «кто / что с кем / с чем взаимодействует»

Эта модель в качестве предикатов предполагает глаголы, которые называют действия, с необходимостью требующие двух участников. Один из них назван подлежащим, его представляет форма неопределенного падежа,  $N_{Nom}$ . Другой участник, представленный в формуле как  $N_{Instr}$ , – контрагент, т. е. то другое лицо, которое необходимо для того, чтобы ситуация такого типа могла состояться. Отличие пропозиции взаимодействия от пропозиции «соучастия» состоит в том, что в последнем случае соучастника может и не быть (*Вера с подружкой пошла в магазин* – но могла пойти и одна). Взаимодействие же с необходимостью предполагает, требует второго участника-контрагента: *Таня с Сережей поцеловались* (\**Таня поцеловалась*); *Я разговаривал с твоим врачом* (\**Я разговаривал*) – подобные ситуации без второго участника невозможны.

На глубинном уровне значения взаимности (взаимодействие) и совместности (соучастие) явно родственны: не случайно такое сочетание смыслов в одной форме орудного падежа характерно для многих языков, в том числе и русского, и для тюркских. И в русском, и в тюркских языках формы, представляющие контрагента, отличаются от номинатива, представляющего равноправного соучастника пропозиции в сочинительной конструкции. Сравним: *Иван Иванович и Петр Петрович* (общее подлежащее) *дружили много лет* ↔ *Иван Иванович с Петром Петровичем дружили много лет*.

Алт. *Амат ла Айдана кичинектен ала најылашкан* ↔ *Амат Айданала кичинектен ала најылашкан* 'Амат и Айдана дружили с малых лет ↔ Амат с Айданой дружили с малых лет'.

Тув. *Белек биле Аян кады үш чыл иштинде чурттаан* ↔ *Белек Аян-биле кады үш чыл иштинде чурттаан* 'Белек и Аян жили 3 года ↔ Белек с Аяном жили 3 года'.

Хак. *Азарика паза Карина хара кичигдең сыгара ынагласчалар* ↔ *Азарика Каринанаң хада хара кичигдең сыгара ынагласчалар* 'Азарика и Карина дружат с самого детства ↔ Азарика с Каринной дружат с самого детства'.

В большинстве случаев в роли контрагента (ко-субъекта) выступает другое лицо. Но в этой позиции возможны и имена абстрактных понятий, которые в этом случае метафоризируются (олицетворяются):

Алт. *Эркинниң жалкузыла канча тартыжар* 'Сколько можно бороться с ленью Эркина'.

Во многих языках, в том числе и не родственных, форма этого компонента конструкции оказывается производной именно от орудного падежа, «инструменталиса». В немецком языке оба значения передаются предложно-падежным сочетанием *mit* + дат.п., в русском в инструментальном значении используется творительный беспредложный («чем» – *метлой, бормашиной, молотком, улыбкой*), а в комитативном значении (с кем контактирует) – творительный с предлогом *с* («с кем» – *ссорился, разговаривал, спорил с Мариной*). Модель взаимодействия актора с контрагентом (*Россия воевала с Германией*) противостоит модели с орудийным компонентом (*Суп едят ложкой*), во-первых, по семантике глаголов, во-вторых, по лексическому наполнению позиций  $N_{Instr}$ . В позициях  $N_{Nom}$  и  $N_{Instr}$  должны быть личные существительные или местоимения (хотя здесь допустимы и названия стран и некоторых животных).

В тюркских языках Южной Сибири инструментальное, орудийное значение, как и в русском, передается беспредложной формой творительного:

Алт. *Бис шак ла ол сарлыктын куйругыла пол жалман жадыс* (БУ,Т,185) 'Мы хвостом того самого яка подметаем пол'.

Хак. *Геологтар үзінчі чылы мындагы палгаснаң азах-хол имнепчелер* (ВТ,АТ,168) 'Геологи третий год лечат руки-ноги здешней грязию'.

Роль соучастника часто передается так же, хотя роли эти существенно различны: алт. *Мен кече Айсулула кинога барып жүрдим* 'Я вчера с Айсулу ходила в кино'. В рассматриваемых языках оппозиция между этими двумя синтаксическими смыслами в полной мере еще не сложилась, специальные формы для каждого значения еще не обособились и не разошлись. Но в каждом языке этот процесс идет – и идет по-своему.

В качестве показателя орудного падежа в этих языках используются: в тувинском послелог *биле* 'с'; в алтайском производный от него аффикс =*ле* (из *билен / биле*); в хакасском используется аффикс =*наң / =нең* (также восходящий к *билен / биле*).

Намечается также формальное разграничение значений взаимности (взаимодействие) и совместности (соучастие). Так, в алтайском языке значение взаимности закрепляется за беспредложной формой творительного падежа, а значение совместности получает выражение с помощью аналитической формы – сочетания орудного падежа имени соучастника с послелогом, в алтайском это послелог *кожо* 'вместе'. Это разграничение отчетливо проявляется на полюсах шкалы, хотя в большинстве случаев более или менее сглаживается – говорящие и пишущие, руководствуясь разными критериями, используют для этого дополнительные средства, в частности, формы единственного и множественного числа.

В роли предикатов этой модели выступают преимущественно глаголы социального взаимодействия, оформленные аффиксом совместно-взаимного залога =*и*=: алт. *куучындаш* = 'разговаривать', *эрмектеш* = 'разговаривать', *тушташ* = 'встречаться', *наҗылаш* = 'дружить', но также и без этого аффикса, например, *јөпсин* = 'соглашаться'; ср. также предикативные фразеологические сочетания, например: *Сайму Евстигней Лукич Захарьевле көстинг-көскө артын калды* (АА,УБТ,156) 'Сайму остался с глазу на глаз с Евстигнеем Лукичем Захарьевым'.

В рамках этой модели возможны разные варианты отношений между участниками:

#### 1. Равная активность участников:

Алт. *Бис бой-бойларыла танышканыста...* (БУ,Т,100) 'Когда мы друг с другом знакомимся...'; *Улус бой-бойыла тенегинен, неме билбезинен өштөжип јат ине* (АА,УБТ,4) 'Люди друг с другом из-за своей глупости, невежества враждуют ведь'; *Эки башка деремнинен уулдары бир јерге јуулышканда, бой-бойларыла соғужа беретен* 'Когда парни двух деревень собирались в одно место, начинали драться друг с другом'.

Во всех вышеприведенных предложениях отношения симметричны, равноправные отношения подчеркивают совпадение агента с контрагентом в единственном подлежащем коллективной семантики, взаимное местоимение с основой *бой-бой* = (друг друга), а также форма множественного числа сказуемого и аффикс взаимного залога =*и*.

В следующем примере оба участника равноправны, отношения симметричны; но второй участник назван косвенной формой, формой орудного падежа; послелог *кожо* 'вместе' здесь невозможен; глагол в форме множественного числа:

Алт. *Солунай, бис Жаркын=ла чын тушта=ж=атан=ыс* (СМ,ТК,10) 'Солунай, мы с Дьаркын (т. е. я и Дьаркын) действительно встречались'.

В рассматриваемом примере личное местоимение 1 л. *бис* 'мы' не подразумевает, что с Дьаркын встречались 'я и еще кто-то'; *бис* 'мы' – это 'я и Дьаркын'. Использование этого местоимения акцентирует, что отношения между двумя участниками равноправны и оба они являются инициаторами этой встречи или, по крайней мере, одинаково активны. Ср. также:

Алт. *Сперле база ангылу ойдо лө ангылу жерде эрмектежерибис* (БУ,Т,237) 'С вами тоже в особое время и в особом месте поговорим'.

## 2. Неравноправие участников:

Использование личного местоимения 1-го л. *мен* 'я' вместо *бис* 'мы' в примере и единственное число сказуемого подчеркивает неравноправие участников:

Алт. *Солунай, мен Жаркын=ла чын тушта=ж=ата=м* 'Солунай, я с Дьаркын действительно встречался'.

Модель взаимодействия описывает различные виды контакта, в том числе и стандартизованные формы социального контакта (приветствие, прощание, встреча, знакомство, общение):

Алт. *Уулчак мениле куучындажып отурган* 'Мальчик со мной разговаривал'; *Ол жакшы келин, кижиле куучындажып ла турат, тен ачык-жарык* 'Она хорошая женщина, со мной при встрече разговаривает, такая общительная'; *Арсланбек Одойло согушкан* 'Арсланбек с Одоем подрался'; *Энези, мен Зоя Захаровна деп үй кижиле ачынышкам* (БУ,Т,149) 'Мать (обращение к жене: «мать наших детей»), я с женщиной по имени Зоя Захаровна поссорился'.

Хак. *Ол казан ханынаң чаласхан* (И1) 'Он с казанским ханом воевал'; *Школада Арсалан Колянаң марыгласхан* (И1) 'В школе Арсалан соревновался с Колей; *Пуун мин чаксы*

*хыстаң танызып алдым* (И2) 'Сегодня я с хорошей девушкой познакомился'; *Ол настыхтарнаң оой ла чоохтазып алча* (И2) 'Он с начальниками легко договаривается (обычно)'; *Керим оолгы хайдаг-да кизинең чоохтасхан* (МТ,ПТ,4) 'Его сын Керим разговаривал с каким-то человеком'.

Тув. *Ол кижси мээң-биле маргыжып эгелээн* 'Этот человек стал спорить со мной'; *Бир дугаарында Даваа-Самбуу даргазы-биле чугаа кылыр* (ЭД,ЭОКК,72) 'Во-первых Даваа-Самбуу должен поговорить со своим начальником'; *Даваа-Самбуу даргазы-биле мөндилешкеш* (ЭД,ЭОКК,77) 'Даваа-Самбуу поздоровавшись с начальником...'; *Профком-биле чуге сумелештээн сипер?* (ТМА,133) 'Почему вы не посоветовались с профкомом?'; *Бичии уруглар соңгу адазы-биле чассыг-чассыг ужурашканнар* (ТМА,155) 'Маленькие дети ласково встретились с отчимом'.

Заслуживает внимания использование орудийной формы с именами стихий:

Тув. *Хүннү бадыр бис шуурган-биле хүрежит тура хүнзедивис* (И5) 'Весь день мы боролись с пургой'.

### 3.4.3. Модель $N_{\text{Nom}}N_{\text{Instr}}V_f$

«кто кем / чем хвастается / гордится»

В южносибирских тюркских языках формы орудного падежа актанта требуют глаголы со значением 'хвастаться': алт. *мактан=* / хак. *мактан=* / тув. *мактан=* 'хвастаться':

Алт. *Эне, Майну адазыла мактанып јат* 'Мама, Майну хвастается своим отцом'; хак. *Ооллар іче-набаларынаң мактанчалар* (И1) 'Парни хвастаются своими родителями'.

Тув. *Чүзү-биле мактаныр ол, акши-төгериш чок оол шээй* (И5) 'Чем он может похвастаться, это ведь нищий парень'.

Из трех рассматриваемых языков только в алтайском глагол со значением 'гордиться' требует орудного падежа.

Алт. *Лажнай мындый уулыла оморкоп турбай* 'Конечно, Дьажнай гордится таким сыном'; *Адалардын эткен керекте-риле бис оморкоп турубыс* 'Мы гордимся делами отцов'.

Тувинский глагол *чоргаарлан* = 'гордиться' имеет вариативное управление дательным и орудным падежами:

Тув. *Төрээн чуртум-биле чоргаарланыр мен* (И5) 'Я горжусь своей родиной'; *Ачамга чоргаарланыр мен / Ачам-биле чоргаарланыр мен* (И6) 'Я горжусь своим отцом'.

Хакасский глагол *матырлан* = 'гордиться' также имеет вариативное управление дательным и орудным падежами: *Ибдегілерінең матырланча, чүрегіне ырыс толчатханга төйй* (АХ,76) '[Солдат] гордится своими домашними [родителями], сердце его как будто наполняется счастьем'.

\*\*\*

Таким образом, по структурной схеме с инструментальным падежом строятся три основных модели со значениями: жестикуляции, взаимодействия, гордости / хвастовства.

В рассматриваемых трех языках отличия наблюдаются в модели с семантикой гордости / хвастовства: в алтайском глагол со значением 'гордиться' употребляется только с орудным падежом, тогда как в тувинском и хакасском языках он имеет вариативное управление орудным и дательным падежами.

#### ГЛАВА IV.

### ДВУХАКТАНТНЫЕ И ТРЕХАКТАНТНЫЕ МОДЕЛИ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПЕРЕХОДНЫМИ ГЛАГОЛЬНЫМИ ПРЕДИКАТАМИ

#### 4.1. Общая характеристика

В тюркских языках Южной Сибири, насколько позволяет судить имеющийся у нас материал, практически не употребляются предложения, в которых было бы более четырех предметных участников. Предложения с пятью предметными именами, даже включая факультативные компоненты, в печатных текстах очень редки, а в устной речи тем более. Например, в алтайском предложении *Балдар јаңы автобуслар Куладынан Алтын-Көлгө бардылар* 'Дети на новом автобусе поехали из Кулады на Телецкое озеро' три предметных актанта и два локализатора. Такие предложения, конечно, не элементарны, в них объединены несколько пропозиций; обычно их можно развернуть в два или три элементарных предложения, но может быть и больше: *Балдар Куладынан бардылар* 'Дети поехали из Кулады'; *Балдар Алтын-Көлгө бардылар* 'Дети поехали на Телецкое озеро'; *Балдар јаңы автобуслар бардылар* 'Дети поехали на новом автобусе'.

Регулярным способом увеличения количества предметных актантов является использование побудительного залога. В тюркских языках образование таких залоговых производных – явление регулярное и закономерное. Но здесь также налицо объединение двух пропозиций, новый участник – это каузатор: *кто-то что-то сделал – кто-то заставил кого-то это сделать*. Например: алт. *Мен машинамды садып ийдим* 'Я продал свою машину'; *Адам мени машинамды саттыртып ийди* 'Отец меня заставил продать машину'. Такие конструкции мы не будем рассматривать.

В составе предложений со сказуемыми – переходными глаголами два актанта из трех – подлежащее ( $N_{Nom}$ ) и прямое дополнение ( $N_{Acc}$ ) – обязательны и неизменны. В качестве третьего актанта употребляются разные падежные и послеложные субстантивные формы, различающие эти модели.

Важнейшие из структурных схем, которые будут нами рассматриваться:

$N_{Nom}N_{Acc}V_f$  «кто / что кого / что  $V_f$ »;

$N_{Nom}N_{Acc}N_{Dat}V_f$  «кто / что кого / что кому / чему  $V_f$ »;

$N_{Nom}N_{Acc}N_{Abl}V_f$  «кто / что кого / что от кого / чего  $V_f$ ».

Существование этих моделей во всех изучаемых нами тюркских языках Сибири не вызывает сомнений, системы выражаемых ими значений в разных языках достаточно богаты и близки между собой, они широко используются и в устной, и в письменной речи.

За рамками этого основного списка, общего для всех изучаемых тюркских языков, остается еще несколько моделей, заслуживающих обсуждения под разными углами зрения.

Интересная, но редкая модель –  $N_{Nom}N_{Acc}N_{Loc}V_f$  «кто кого в чем обвиняет». В этой модели третий актант выступает в форме местного падежа, а ее предикаты связаны с понятием вины, обвинения.

Предположительно мы выделяем модель санкции со вторым актантом в аналитической форме – для алтайского языка это  $N_{Nom}N_{Acc}N_{уцун}V_f$  «кто кого за что одобряет / порицает». В хакасском языке в этой модели используется тот же послелог *уцун* ‘за что-л.’, в тувинском – послелог *дээш* ‘за что-л.’. В пользу выделения этой модели говорит, во-первых, четкая, хотя и узкая «область применения» этой модели, она ограничена семантикой санкции и небольшим числом глаголов, выступающих в функции ее предикатов; во-вторых, фразы этого типа явно противопоставлены фразам с тем же служебным словом с другими глаголами. Против признания этой конст-

рукции отдельной моделью ЭПП говорит факт многозначности, полифункциональности послелога *уцун*. Поэтому вопрос о её статусе как модели пока мы оставляем открытым.

#### 4.2. Структурная схема $N_{Nom}N_{Acc}V_f$ и ее смыслы

Структурная схема  $N_{Nom}N_{Acc}V_f$  «кто / что кого / что  $V_f$ » является планом выражения двухактантных, а не трехактантных моделей. Однако мы рассматриваем ее здесь, поскольку она является базовой для целой серии моделей, формируемых транзитивными глаголами и описывающих более сложные ситуации, предполагающие большее число участников – актантов. В этой структурной схеме представлены только два актанта, совершенно необходимые для того, чтобы выразить именно действие, а не состояние, не процесс, не «положение дел».

Структурная схема  $N_{Nom}N_{Acc}V_f$  представляет центральную модель ЭПП. Ее обобщенную пропозицию составляет действие, понимаемое как воздействие активного субъекта-агенса на объект (пациенс), одушевленный или неодушевленный. Данная модель формирует базовое, минимальное представление о действии, которое «задается» указанием на сам процесс и на двух его необходимых участников.

Алт. *Мен огурчын дар улай ла сугарып турбай* (ТШ, АК, 23) ‘Я ведь огурцы постоянно поливаю’; *Темдек житкезин тырмады* ‘Тырмак почесал затылок’; *Сен менинг кижимди не мекелединг* (СС, АК, 15) ‘Ты почему моего человека обманул?’; *Бис оны эмди ле тиргизип аларыс* (ЛК, АК, 223) ‘Мы его теперь же оживим’; *Татьяна Товаровна Шураны токтотты* ‘Татьяна Товаровна остановила Шуру’; *Тогузон Тогус ол уулдарды аргадан алган* ‘«Девяносто девять» (прозвище человека) этих парней спас».

Тув. *Чемненген соонда уруглар аяктарын чуп кааптылар* (ИЗ) 'После того как поели, девочки вымыли посуду'; *Бичии оол хуваалдага алган черин суггарып турган* (ОС,КС,16) 'Маленький мальчик поливал землю, которую взял по распределению'; *Бо хемнеп ажар орукту эки билир сен бе?* (САС,АТ,142) 'А ты хорошо знаешь эту дорогу, которая идет через реку?'; *Сарыг-оол малды кадарып чор* (И5) 'Сарыг-оол пасет скот'; *Улуг дүжүметти мен танып кагдым* (И4) 'Я узнал старшего чиновника'.

Хак. *Ол ам тракторны манат чөргөс полар* (И2) 'Он теперь трактор хорошо водить будет'; *Торгы Иней Тананы таныбады* (И2) 'Старушка Иней Тану не узнала'; *Домна пир дее сөс пилбеен орыстан* (НД,ЫА,162) 'Домна ни слова не знала по-русски'; *Прай нимені чазырбин чоохтап тир, Сабис* (И1) 'Ничего не скрывая, расскажи, Сабис'; *Син пенсия аларга кирексін* (И2) 'Ты должна получать пенсию'; *Ойынның ондайын Нина чарытча* (И1) 'Нина разъясняет правила игры'; *Аны чон ундубас* (И1) 'Народ его не забудет'.

Первый актант, производитель действия (эту семантическую роль называют актором или агенсом) занимает синтаксическую позицию подлежащего в морфологической форме неопределенного падежа. Рассматриваемая модель предъявляет довольно жесткие требования к словам в этой позиции: они должны заключать в себе сему активности, способности действовать. Естественно, что этому требованию удовлетворяют прежде всего слова, обозначающие людей или указывающие на них: лично-указательные местоимения, существительные, личные имена, термины родства и другие личные нарицательные существительные. Только человек в полной мере способен целенаправленно воздействовать на окружающий мир.

Во всех приведенных выше примерах агенс – человек. Однако «активное начало» усматривается и за стихийными силами природы:

Алт. *Күски јенгил салкын јалбырактарды араай јайкайт* 'Осенний легкий ветер тихо качает листья'; *Ээ, энези, јанмыр бу огородты сугарып койгон* 'Ээ, мать (обращение к жене), дождь этот огород полил'.

В роли агенса выступают и зоонимы: алт. *Бөрүлер кулунды јит салдылар* 'Волки съели жеребенка'; *Одуга айулар табарып, мени арай ла јигилебеди* 'На стоянку напали медведи, меня чуть не съели'.

В качестве агенса могут быть представлены и названия растений, событий, различных абстракций, идеальных сущностей, которым «приписывается» прямое воздействие на «второй актант» – объект данного действия.

Алт. *Эски өлгөнниг алдынан көк тамандар баиштарын өрө көдүрип турдылар* 'Из-под старой травы подснежники поднимали вверх свои головки'; хак. *Ол ибiре турган агастарның сiлии аның көңiнiн чазап полбааннар* (ИК,ЧХ,51) 'Красота стоявших вокруг него деревьев не могла успокоить его душу'.

Второму актанту соответствует семантическая роль пациенса – «претерпевающего», испытывающего непосредственно направленное на него действие. В позиции объекта-пациенса встречаются и местоимения, и имена существительные самой разной семантики: и имена людей, собственные и нарицательные, и названия животных, растений, неодушевленных предметов, веществ, абстрактных понятий:

Алт. *Черүге барзан, ундыба бисти, самара бичи...* (ТШ,ЫЭИ,192) 'Если пойдешь в армию, нас не забывай, пиши письмо'; *Канды агтарып койгоньыс* (ЖК,КСА,18) 'Царя мы разгромили'; *Эмди чакпыны өркө сеспезин, тобракла эмеш көмөр керек* (ТШ,АК,33) 'Теперь, чтобы суслик не учуял капкан, надо немного присыпать (его) землей'; *Ол јүрүмди менен, Эркемненг артык ондон јат* (АА,ЈТЈ,119) 'Он понимает жизнь лучше, чем я, чем Эркемен'.

Хак. *Хаңаадагылар пу чийт оолны көр сыхханнар* (НД,БИА,19) 'Сидевшие на телеге начали рассматривать этого молодого парня'; *Хакас аалларында олаңай чон андаг-мындаг сагыс туттинча* (НД,БИА,32) 'В хакасских аалах простой народ всякие такие (такие-сякие) мысли не держит'.

В тюркских языках Южной Сибири этот компонент структуры, прямой объект, в составе предложения выступает в одной из трех форм – винительного, неопределенного и, значительно реже, исходного падежа (в значении частичного прямого объекта). Каждая из этих трех форм определенным образом характеризует объект.

Винительный и неопределенный падежи противопоставлены по двум линиям.

Во-первых, в алтайском и тувинском языках форму винительного падежа обязательно принимает имя прямого объекта, если он линейно дистанцирован от глагола. Тем самым вопрос о семантической, функциональной специфике винительного по сравнению с неопределенным возникает только в той позиции, где между падежами возможен выбор. Это позиция непосредственно перед управляющим глаголом, где допустимы оба падежа.

К хакасскому языку сказанное не относится, поскольку традиционный порядок слов здесь нарушается регулярно.

Во-вторых, в той позиции, где выбор возможен, предпочтение винительного падежа связывают с определенностью объекта – с его известностью, индивидуальностью, выделенностью из среды. Форма неопределенного падежа чаще всего указывает либо на неиндивидуализированность объекта, либо же на его органическую включенность в данное действие (что тоже влечет за собой утрату индивидуальности): *суу экел* = 'принести воды', *длөн чап* = 'косить траву'. Но эти общие закономерности требуют серьезной и непредвзятой проверки и уточнения на материале каждого языка. Так, наши наблюде-

ния показывают, что форма без аффикса винительного падежа предпочитается тем последовательнее, чем менее определенным, слабее очерченным, менее выделенным из среды и «слитым с действием» представляется сам объект, чем слабее его референтное значение противостоит денотативному.

Личные местоимения, личные имена, термины родства в роли прямых дополнений всегда характеризуются четкой отнесенностью к референту-лицу и никогда не употребляются без аффиксов винительного падежа. Названия людей по профессии, по полу и возрасту также не встречены без этих аффиксов, хотя иногда так употребляются слова *кижи* 'человек' и *улус* 'люди', если идет речь о каких-то неопределенных людях:

Алт. *Аня эмген улус эмдейтен, эм белетеп жүретен* (ЛК,АК,251) 'Бабушка Аня лечила людей, готовила лекарства (разных, всяких людей, разными лекарствами)'.

Сравнительно редко, но встречаются без падежных аффиксов названия животных, птиц и конкретных предметов:

Алт. *Орой күске жетире жылкы кабыргам* 'До поздней осени я пас табун'; *Карындажым Талайка жаан өркө өлтүрген* (ТШ,АК,34) 'Мой братишка Талайка убил большого суслика'.

Чаще всего без аффиксов выступают «привычные» неиндивидуализированные объекты, которые так тесно связаны с данным действием, что в данном контексте как бы не мыслятся самостоятельными и отдельными. Они часто оказываются лишены той выделенности из среды, ограниченности в пространстве, которая в тюркских языках, как и в русском, является основой «предметности», «вещности»:

Алт. *Одын да, суу да экелер кижги жок* 'Ни дров, ни воды принести некому'; *Балдар жишлек жүйтен* 'Дети обычно едят ягоды'; *Капшай, база от экел* (ЛК,АК,253) 'Скорей, принеси еще огня!'; *Энем картошко кайнаткан* 'Мама сварила картошку' (неопределенный объект, неопределенный падеж).

Хак. *Хуруз агастар тазып сыххан* (МТ,ПТ,98) 'Начал таскать сухие ветки'; *Пүдірігчі наа нимелер пүдірче* (АТ,199,38) 'Строитель все новое строит'.

Третий падеж пациенса (прямого объекта) в тюркских языках Южной Сибири – исходный; он маркирует объекты, лишь частично охватываемые действием:

Алт. *Абый чойгөндө чайынан эмегендерге урды* 'Абый из чайника (букв.: в чайнике) чая женщинам налила'; *Эне, слер колхозтын огурчынынан не экелбедигер?* (ТШ,АК,25) 'Мама, почему вы не принесли колхозных огурцов?' (часть, а не все); *Алдыгарда јаткан аштанг амзагар!* 'Попробуйте (той) еды, которая перед вами'. Ср. *Койдонг сойыт аларые* 'Мы зарежем овец (одну-две из многих)'.

Тув. *Меңээ саазын садар каш акшадаң бер* (И6) 'Дай мне немного денег купить бумагу'; *Эрги машина-биле хитинчектиг-дир: чаа машинадаң садып алза* (И4) 'Со старой машиной трудно: купить бы новую (из новых машин какую-то)'; *Бажсың ишти чаагай чыттыг болур, чечектең чулуп эккел* 'Чтобы в доме был хороший запах, нарви цветов'.

В структурной схеме все эти три формы представляются символом N<sub>Acc</sub>; название винительного падежа выбрано нами потому, что винительный падеж является наиболее четким и частым выразителем «прямо-объектной функции», в то время как и для неопределенного, и для исходного падежей эта функция является одной из периферийных.

Таким образом, в составе структурных схем символ N<sub>Acc</sub> знаменует через ведущую морфологическую падежную форму собственно уже синтаксическую функцию прямого объекта – пациенса.

Представление о действии в лингвистике традиционно и прочно связывается с представлением о переходных глаголах [Щерба 1974; Мещанинов 1978, 1982; Апресян 1967, 1974; Грамматика 1980 и др.]. Но общее множество переходных гла-

голов не составляет одной ЛСГ, оно распределяется по разным ЛСГ, внутри которых они на основании определенных сем, общих для данной группы, соседствуют с непереходными глаголами. В том числе выделяется и обширная ЛСГ «глаголов действия», которая противопоставляется обычно глаголам состояния и глаголам движения.

Под синтаксическим углом зрения существенным представляется прежде всего сам факт участия определенных глаголов во фразах данной модели, а уже затем те ЛСГ, которым принадлежат типичные представители этого множества. Трудность состоит в том, что границы ЛСГ часто оказываются размытыми, поскольку основания выделения этих групп обычно экстралингвистичны и лексикологи их взаимно не противопоставляют. Конкретный глагол по одной своей семе может входить в одну ЛСГ, по другой – в другую. К тому же в общем множестве ЛСГ сосуществуют группы разного объема. Например, глаголы физического действия включают в себя ряд глаголов разрушительного действия: *ломать, крушить, разбить* и др.; но *отравить, зарезать, убить* составляют особую группу, эти действия оцениваются как «не вполне физические», поскольку в них явно присутствуют «моральный» и «социальный» компоненты.

Это относится и к другим группам – созидания и изменения объекта. Сюда же входят глаголы, называющие отдельные операции (*разрезать, откусить, пришить, ударить*) и комплексные трудовые действия (*построить, отремонтировать, возделывать*). Эти частные группы, если они выделяются как самостоятельные ЛСГ, включают не только глаголы физического действия (например, *написать оперу, испортить свой ответ*). С учетом сказанного, значительную часть глаголов, встреченных в предложениях этой модели, можно отнести одновременно к нескольким группам, хотя по сути поставленного вопроса это не особенно существенно.

Анализ предикатов данной модели, встреченных в наших материалах по алтайскому, хакасскому и тувинскому языкам, показал, что основная масса этих глаголов распределяется между следующими основными крупными лексико-семантическими группами и подгруппами:

1) глаголы физического действия (включая глаголы созидания и разрушения, глаголы самообслуживания, глаголы элементарных операций и более сложных «комплексных» трудовых действий);

2) глаголы потребления, в том числе принятия пищи;

3) глаголы физиологических процессов, мыслимых как действия;

4) глаголы ментальных (интеллектуальных) действий;

5) глаголы сообщения и шире оперирования знаками, включая жесты;

6) глаголы чувства;

7) глаголы социального поведения.

В зависимости от пропозиции, которую отражают глагольные предикаты разных ЛСГ, от семантических ролей актантов мы выделяем несколько моделей, общим планом выражения которых является структурная схема  $N_{\text{Nom}}N_{\text{Acc}}V_f$ .

#### 4.2.1. Модель физического воздействия на объект

$N_{\text{Nom}}N_{\text{Acc}}V_f$  «кто что делает»

В состав пропозиции этой модели входят следующие компоненты: субъект-агнс ( $N_{\text{Nom}}$ ), обозначающий одушевленного производителя действия; прямой объект ( $N_{\text{Acc}}$ ), обозначающий предмет или лицо, который подвергается воздействию со стороны агенса; предикат, обозначающий действие, которое производится агенсом по отношению к объекту-пациенсу.

Подлежащее модели выражается местоимением либо одушевленным именем существительным со значением лица

(агнс) и выступает в форме неопределенного падежа. Объект может быть выражен как одушевленными, так и неодушевленными существительными, обозначающими лицо (пациенс) или предмет (объектив). Объект оформляется формами винительного, неопределенного и исходного падежей.

В зависимости от семантики предиката мы выделяем несколько семантических и структурно-семантических вариантов этой модели: 1) семантический вариант со значением созидания объекта; 2) семантический вариант со значением разрушения объекта; 3) семантический вариант со значением трансформации объекта; 4) семантический вариант со значением воздействия на объект без изменения его свойств; 5) семантический вариант со значением социального воздействия на объект; 6) структурно-семантический вариант с позицией инструмента.

##### 4.2.1.1. Семантический вариант со значением созидания объекта

Структуру пропозиции этого семантического варианта формируют следующие компоненты: субъект-агнс, обозначающий лицо, которое осуществляет создание того или иного объекта; объект-креатив, который обозначает предмет, возникающий в результате осуществления действия субъектом; предикат креативного (или созидательного) действия.

Агнс выражается именем или местоимением в неопределенном падеже, а объект-креатив – именем или местоимением в неопределенном или реже в винительном падеже. Объект-креатив в форме исходного падежа не употребляется.

Предикатами этого семантического варианта выступают глаголы созидательного действия: алт. *эт* = 'делать', *кѳктѳ* = 'шить', *тут* = 'строить'; тув. *тут* = 'строить, делать', *кыл* = 'делать', *даара* = 'шить', *аргы* = 'вязать'; хак. *пүдир* = 'строить, сооружать, возводить', *ит* = 'делать, строить, сооружать'; гла-

голы приготовления пищи: алт. *белете*= ‘готовить’, *кайнат*= ‘варить’, алт. / тув. *быжыр*= / хак. *пызыр*= ‘печь’ и т.д.:

Алт. *Эски печкени кодороло, киртич тартып, жангы печке салды* (ЛК,АК,356) ‘Убрав старую печь, привез кирпич, сложил новую печь’; *Ол ончо курсакты тату белетеп жат* (ТШ,КК,15) ‘Она любую еду вкусно готовит’.

Тув. *Тыва дарган биззек соккан* (ИЗ) ‘Тувинский кузнец смастерил (выковал) кольцо’; *Мария Федоровнаның бригадасы фронтуже чорудар чолдак алгы тоннар, хол хантары даарап турган* (ЕТ,ДЧЧ,9) ‘Бригада Марии Федоровны сшила короткие шубы из шкур, варежки, чтобы отправить на фронт’.

Хак. *Известка тастары кӱйгенче, ол хайыргастар, точилорлар, пӱлӱлер итче* (Н. Доможаков) ‘Пока вскипает известь, он делает бруски, точила’; *Ким суз азыра улуг тахта пӱдӱрчелер* (И2) ‘Через реку Енисей сооружают большой мост’; *Ол халас пызырчатхан одыр* (НТ,КК,71) ‘Оказывается, она печет хлеб’.

#### 4.2.1.2. Семантический вариант со значением разрушения объекта

Структуру пропозиции этого семантического варианта формируют следующие компоненты: агенс – лицо, которое осуществляет разрушение того или иного объекта; объект-деструктив – предмет или лицо, который подвергается уничтожению или разрушению; предикат деструктивного действия.

Подлежащее-агенс выражается именем или местоимением в неопределенном падеже. Объект-деструктив, в отличие от объекта-креатива, чаще оформляется винительным падежом, реже – неопределенным. «Креативное воздействие направлено на созидание нового объекта, не существовавшего до начала действия, поэтому объект-креатив мыслится как неопределенный, тогда как деструктивное воздействие предполагает заранее известный предмет» [Кошкарева 2007: 170]. При предика-

тах с семантикой потребления объект-деструктив может принимать форму исходного падежа.

Предикатами этого семантического варианта выступают глаголы деструктивной семантики: алт. *ӧлтӱр*= / тув. *өлүр*= / хак. *ӧдӱр*= ‘убить’, алт., тув. *кыр*= ‘уничтожить, истребить’, алт. *ӧртӧ*= / хак. *ӧрте*= ‘сжечь, поджечь’, алт. *бус*= ‘ломать, разрушать (здание)’ / хак. *пуза*= ‘ломать, разрушать (здание), рвать’, алт. *ӱре*= ‘портить, разрушать, ломать’ / тув. *ӱре*= ‘ломать, разрушать’:

Алт. *Немецтер дворды ӧртӧбӱргӧ жат* (ТШ,ЫЭИ,17) ‘Немцы собираются двор поджечь’.

Тув. *Хемниц ол-бо талазынга турган шыргай арыгны чаппангылаштыр кыргып каапкан* (ЭД,ХД,6) ‘Густой лес, стоящий по обоим берегам реки, уничтожили, как полынь (как траву)’.

Хак. *Хан Миргенниң чуртын ол талабызар, Хан Миргенниң чирин ол пузабызар* (Алтын Арыг) ‘Дом хана Миргена он разрушит, землю хана Миргена он уничтожит’.

Предикатами здесь выступают также глаголы с семантикой потребления пищи: алт. *ји*= / тув. *чи*= / хак. *чи*= ‘кушать, есть’, алт. *ич*= / тув. *иш*= / хак. *ис*= ‘пить’, алт. *амза*= / тув. *амза*= ‘отведать, пробовать, пригубить’:

Алт. *Курсактын оодыгын тӱнде чычкандар эмезе айылдын тӱнӱгинде уя тартып алган боро кушкаштар јип салатан* (ЛК,АК,66) ‘Крошки от еды съедали ночью мыши или воробьи, которые свили гнезда у дымохода аила’; *Алтай курсакты ол чек амзабайтан* (ЭП,А,16) ‘Алтайскую еду он совсем не ел’.

Тув. *Оо! Мынча ботка чиг бе сӱдү ижип көрбээн кижиси мен* (ЭД,ЭХ,52) ‘Оо! До сих пор не приходилось мне пробовать кобыльего молока’; *Кымның малын кокай чип каапчык ирги?* (К-Л,219) ‘Чей же скот волк съел?’; *Директор биле чолаачы*

изиг **шайны** аяк эринден аартап ишкен (К-Л,164) 'Директор и водитель, прихлебывая, пили горячий чай через край чашки'.

Хак. *Ибдең агылган чиисті чип алгабыс* 'Мы поели продукты, которые привезли из дома'; *Чай оортааннар паза айахтагы вареньені тооза чееннер* (КМ,15) 'Они пили чай и съели все варенье (которое было) в чашке'; *Миргенек халас тайнап сыххан* (КМ,4) 'Миргенек начал жевать хлеб'; *Тага сыхса, талган чібес, суга инзе, суг испес* 'На гору лезет – пищу не ест, к воде спустится – воды не пьет'.

Глаголы потребления часто используются с именем в форме исходного падежа:

Алт. *Киске айагында соок суудан амзан...* (ЛК,АК,5) 'Кошка, попробовав холодной воды в миске...'; тув.: *Эртип, шайдан ижиңер* 'Проходите, выпейте чаю'; *Хайыраатылар агышчемден чооглазыннар* (КК,УХ,361) 'Господа пусть отведают угощение'.

К глаголам потребления примыкают некоторые другие глаголы – алт. *акча үре* = 'тратить деньги', *танкыла* = 'курить табак (сигарету)' и др.:

Алт. *Бу бала бастыра акчаны үреп салган* 'Этот ребенок все деньги потратил'; тув. *Ада-иемден алган акшамны төндүр чарыптым* 'Я истратила все деньги, которые брала у родителей'.

#### 4.2.1.3. Семантический вариант со значением трансформации объекта

Предложения со значением трансформации объекта обозначают такие ситуации, в которых в результате воздействия объект изменяет свои качества или свойства.

Компоненты этого семантического варианта: субъект-агенса, осуществляющий изменение объекта; объект-трансформатив, обозначающий предмет, подвергшийся неко-

торым изменениям; предикат со значением трансформации объекта.

Подлежащее-агенса выражается именем или местоимением в неопределенном падеже, а объект-трансформатив – именем или местоимением в винительном, реже в неопределенном падеже.

В роли предиката в данном семантическом варианте используются следующие глаголы: алт. *жаза* = / тув. *чаза* = 'ремонтировать', хак. *тыхта* = 'чинить, ремонтировать', алт., хак. *оот* = 'разбить, колоть, рубить (дрова)', алт., хак. *сундыр* = 'ломать', алт. *жырт* = / хак. *чырт* = 'рвать', алт., тув. *кес* = / хак. *кис* = 'резать, нарезать, отрезать' и др.:

Алт. ...*чалгызын бажын жерге кадай чабала, сабын сундырып алган турар* (КТ,КJ,181) '...конец косы воткнув в землю, ломал (обычно) ручку'; *Мыклаш иш жанынан ончозын жөптөжип алала, бойынын ээн артып калган туразын жазады* (ЛК,АК,356) 'Мыклаш, согласовав всё по поводу работы, чинил свой опустевший дом'.

Тув. *Орлуп калган арыннарны угбам чытшырып берди* (И4) 'Моя сестра склеила порванные страницы'.

Хак. *Маша кип-азах чууп хайнапча, Наташа тагыранып одырған, Галя, тізең, көріндес алында сарыг сазын таранып одырча* (СЧ,ПТ,42) 'Маша стирает белье, Наташа сидит шьёт, ну а Галя перед зеркалом расчесывает свои желтые волосы'.

Сюда же входят глаголы, описывающие процессы воздействия, непосредственным объектом которых является организм живого существа:

Тув. *Акым үш кончуг ытты өстүрүп каан* (ИЗ) 'Мой брат вырастил трех прекрасных собак'.

Часто объект такого воздействия предстает не как организм-целое, а как конкретный орган, часть тела. Например: алт. *Слердин жалудыгарды мен эмдеп берер эдим* 'Я бы ваш желудок вылечила'.

#### 4.2.1.4. Семантический вариант со значением воздействия на объект без изменения его свойств

Предикатами этого семантического варианта выступают глаголы разных ЛСГ, которых объединяет общее значение воздействия на объект без изменения его свойств и качеств. Это глаголы с семантикой поиска и нахождения объекта: алт., хак. *тап*= / тув. *тыв*= 'найти', алт. *бедре*= 'искать', алт. *жылыйт*= 'терять', алт. *жуу*= 'собирать'; тув. *дилэ*= 'искать', тув. *чидир*= / хак. *чидір*= 'терять' и др.; названия трудовых, но в основе своей физических действий, типа алт. *ээрте*= / тув. *эзерте*= 'седлать', в том числе более сложных, комплексных, включающих разные операции, объединенные в одном общем представлении, например, алт. *каруулда*= 'охранять', алт. *кабыр*= / тув. *кадар*= / хак. *хадар*= 'пасти (скот, табун)' и т.д.

Алт. *Бис сени не аайлу бедрегенис* (СМ, ЧЧ, 112) 'Как же сильно мы тебя искали'; *Лейнек... тобогелорды жангыс жерге жууп салат* (СМ, ЧЧ, 24) 'Дзейнек... шишки в одно место собирает'; *Ол тушта ол колхозчылардын уйларын кабырган* 'Тогда он пас коров колхозников'.

Тув. *Бадарчы инек чыдынын аштай тыртып, аьдын эзертеп турган* (ЭД, МЫ, 176) 'Бадарчы, вычистив стойло коровы, седлал своего коня'.

Хак. *Чардаң түсчедіп, іріп парган төге таап алган* (ЧХ, 7) 'Спускаясь с берега, (он) нашел сгнившее бревно'; *Паночах пүүн күн тооза аал хойын хадарган* (ИТ, 112) 'Пана сегодня весь день пасла овец'; *Книгам чидір салдым* (ХРС, 976) '(Я) потерял книгу'.

#### 4.2.1.5. Семантический вариант со значением социального воздействия на объект

Предикатами этого семантического варианта выступают глаголы, называющие комплексные действия-события, в содержании которых существенное, может быть, доминирующее

место занимает социальная значимость данного действия, его предписанность или связанный с ним запрет, его соответствие или несоответствие социальным нормам, обычаям, социальной практике данного общества. Это глаголы типа алт. *уурда*= / тув. *орла*= / хак. *огырла*= 'красть, воровать, похищать', алт. *тоно*= / хак. *тона*= 'грабить', алт. *жуу*= 'хоронить', алт. *кижи ал*= / хак. *ипчі ал*= 'жениться' и др. Так, *красть* – это не просто глагол физического действия из группы 'взять': можно красть, и ничего не трогая, лишь манипулируя счетами в банках; *красть* – это прежде всего нарушение социального запрета.

Алт. *Сен кижининг өркөзүн не уурдап турган* (ЖК, АЮ, 55) 'Ты почему моего суслика крадешь'; *Эрден быжыл кижин алган* (БУ, С, 197) 'Эрден в этом году женился (букв. 'взял человека)'; *Канайдар, кудаидын жангынан чыгар арга жок – той эткендер* (ЖК, ОЈ, 49) 'Что делать, против Божьей воли идти нельзя – сыграли (букв. сделали) свадьбу'; *Эжетинг сөдгүн жууп койоло...* (ИШ, КЈ, 625) 'Похоронив Эдьек ...'.

Тув. *Бажыңның эт-севин оорлап капкан* (МВ, ХУК, 115) 'Они украли всю домашнюю утварь'.

Хак. *Пис позыбысты тонатчабыс* 'Мы себя грабим'; *Ол ічезін чыып салган* 'Он похоронил маму'.

В эту же группу мы относим такие действия-события, как создание учреждений (открыли новую школу, детсад, магазин), организация социальных мероприятий:

Алт. *Бис кичинек пьесалар тургузып, кожонду ла бижелү кыскачак концерттер өткүрүп туратаныс* 'Мы, ставя маленькие пьесы, проводили коротенькие концерты с песней и танцами'; тув. *Декабрь айда биске чаа школа ажыткан* 'В декабре у нас открыли новую школу'. Ср. *открыть дверь* – глагол тот же, но ЛСВ существенно иной.

#### 4.2.1.6. Структурно-семантический вариант модели с позицией инструмента

$N_{Nom} N_{Acc} N_{Instr} V_f$  «кто что чем делает»

Большинство физических действий естественно предполагает – включает в себя – использование какого-либо орудия или средства. Переходные глаголы физического действия могут сочетаться не только с двумя актантами – подлежащим-агентом и объектом-пациентом, но и с тремя, включая орудие действия.

В числе глаголов действия, особенно называющих конкретные операции, – а они составляют ядро этой группы немало таких, которые в основном своем ЛСВ либо не требуют применения орудий, либо так прочно связаны с определенным орудием, что оно и без специального указания входит в само представление о действии. Например, при хак. *от сабарга* ‘косить (траву)’ указание на косу избыточно; объект же алт. *одын* ‘дрова’ автоматически предполагает топор. В таких случаях говорят о «включенной» в семантику глагола (или словосочетания) «орудийной семе» – «семе привычного орудия», которая делает избыточным словесное указание на орудие.

В тюркских языках Южной Сибири немало глаголов, сама основа которых включает название орудия, например, алт. *бычак=та* ‘ударить ножом, резать’ (от *бычак* ‘нож’), *кирее=ле* ‘пилить’ (*кирее* ‘пила’), *камчы=ла* ‘бить кнутом’ (*камчы* ‘кнут’).

Заметим попутно, что глаголы, образованные от имен объектов действия и тем самым включающие объект в собственную семантику, например, *балык=та* ‘ловить рыбу’ от *балык* ‘рыба’, *өркө=лө* ‘охотиться на сусликов’ от *өркө* ‘суслик’, ср. рус. *рыбачить*, *белковать*, будучи непереходными, естественно, не входят в число предикатов рассматриваемой модели и не могут считаться «глаголами действия». Язык представляет

их как глаголы «занятия» или «деятельности» (См. главу II, с. 66).

Статус актанта  $N_{Instr}$  здесь особый, специфичный. Связь его с представлением о соответствующем действии настолько органична, что в определенных случаях его экспликация оказывается избыточной (например, *подстриг ногти ножницами, взял рукой, отрезал ножом*). Принцип «экономии речевых усилий» предписывает не называть, даже запрещает называть «привычное орудие», уже как бы «вписанное» в семантику самого глагола, хотя и с разной силой у разных глаголов. Фраза *собака укусила его зубами* не только избыточна – она нелепа, неправильна как по-русски, так и по-алтайски (*Ийт оны тиштериле тиштеген*) или на любом другом языке, где есть глагол *кусать* ‘действовать зубами’; отчасти аналогично и *смотреть глазами, слушать ушами, держать руками, ходить ногами*.

Актуальность позиции третьего, инструментального актанта проявляет себя в речи тогда, когда орудие оказывается ситуативно значимым для говорящих, обращающим на себя внимание какими-то дополнительными характеристиками, чаще всего каким-то не вполне обычным:

Алт. *Ол нени де карандашила темдектейт* ‘Он что-то отмечает карандашом’; тув. *Карган кижжи этти чидиг бизсекбиле кезип турган* ‘Старушка острым ножом резала мясо’; хак. *Ол ізікті азахнаң асхан* ‘Он открыл дверь ногой’; Сергей тракторын *малтынаң от салтыр* (МЧ,ТС,108) ‘Сергей разбил трактор топором’.

В позиции орудия часто встречаются названия разных предметов, которые не предназначены для выполнения данного действия, но были использованы в конкретных случаях:

Алт. *Ол кайра бурылган бойынча, Маркитановтон жангы ла блаип алган талканду баиштыкла јиит уулдын јүзине соккон*

(БУ,Т,76) 'Он, развернувшись, мешком с *талканом*<sup>1</sup>, который он только что отобрал у Маркитанова, ударил по лицу молодого парня'; *Одой ... бөрүгиле мандайын улам ла арланып турды* (ЛК,АК,25) 'Одой... постоянно вытирал лоб своей шапкой'.

Хак. *Иди тип ала, ол оолны икi-үс хати тайахнаң тартып пар килген* (ИК,ЧХ,109) 'Так говоря, он два-три раза ударил парня тростью'.

В следующих примерах происходит метафоризация глаголов, актуализирующая орудийную валентность:

Алт. ...*сөстөриле мени «аткылап»* (БУ,Т,173) '«...расстреливая» меня своими словами'; *Жаш баланың сөзиле уурчыларды буруларга бисте жан жок* (ЛК,АК,260) 'Обвинять воров на основании слов маленького ребенка (букв. словами ребенка) у нас права нет'.

Тув. *Улусту чараш сөстөр-биле чемгерип болбас* 'Нельзя кормить людей красивыми словами'.

Хак. *Хыс сөстөринең не ооларны аар идибичеткен* 'Девушка только своими словами отталкивала прочь этих парней'.

Многие глаголы обозначают действия, допускающие использование разных орудий, поэтому конкретизация орудия не ведет к избыточности:

Алт. *Павлов малтала эжиктин алдында тошты эмиш оодоло...* (ЛК,АК,130) 'Павлов, немного раздолбив топором лед перед дверью, ...'.

Весьма значительную группу предложений с замещённой позицией N<sub>Instr</sub> составляют такие, где в позиции «орудия» выступают – и указываются – части тела, органы человека (или животного) и такие атрибуты как голос, улыбка и др. Чаще всего в роли орудия выступает рука и ее части – пальцы, ла-

донь, кулак, локти, на втором месте по частотности глаза и голос, но также уши, сердце, язык и др. Отсюда видно, какую роль в осознании действия как такового играют именно «первичные», естественные «орудия». Примеры с названиями руки:

Алт. *Бек ле бербек сабарларыла сол жаагының тижигин чебер сыймап, бу ок ойдо эки көзин менен чек ле божоттойт* (БУ,Т,98) 'Крепкими и толстыми пальцами осторожно гладит опухоль на своей левой щеке, в то же время не спускает с меня глаз'.

Тув. *Кижси бурузунуң холдарын чоон салаалары-биле аартыр-аартыр туткулааш...* 'Он, крепко-крепко пожав толстыми пальцами каждому руку, ...'.

Примеры с алт. *көс* 'глаза', *үн* 'голос', *жүрек* 'сердце' в роли орудия действия:

Алт. *Ол ичкери баспай, ол ок өдүңи ле соок көстөриле мени ишртеп, эки ийнин эмиш те кыймыктатпай, курып калган кептү тым турды* (БУ,Т,98) 'Он, не проходя вперед, теми же пронзительными и холодными глазами рассматривая меня, стоял словно застыв, ничуть не шевеля плечами'; – *Мени бойың ойгоспогон – деп, Талайка чичке үниле карындажын бурулады* (ТШ,АК,31) '– Ты сам меня не разбудил, – Талайка тонким голосом обвинил брата'; ...*Кандый салым берилген сеспедиг, кичинек жүрегиле үлгерчи жүрегин кемжибезен*, (ЖМ,Ж,16) 'Ты не почувствовал, какая судьба (тебе) дана, не мерь маленьким сердечком сердце поэта'.

*Көс* 'глаза' употребляется и в метафорических оборотах в качестве орудия при таких глаголах как алт. *чак*= / тув. *шак*= / хак. *сағ*= 'жалить', алт. *ойно*= / тув., хак. *ойна*= 'играть', алт. *камчыла*= 'бить кнутом':

Алт. *Борбок-Кара оны көстөриле чагып, је удур неме айтпады* (БУ,С,33) 'Борбок-Кара жалил его своими глазами, но ничего против не сказал'; *А Боцман.. о, көдөк, Эрмен Эрме-*

<sup>1</sup> Толокно из жареного ячменя.

нович, бистинг кажыбысты ла көзиле «jit» эмезе сөгдө камчылап тургандый (БУ,Т,104) 'А Боцман., о Боже, Эрмен Эрменович, каждого из нас глазами словно пожирал или бил кнутом'.

Хак. Чииг оол абахай хысты көр салып, харахтарынаң ойнап настабысхан (И0) 'Юноша, увидев красивую девушку, начал играть глазами'.

Тув. Карабайның кадайы мени карактары-биле чип каар часты (И5) 'Жена Карабая чуть не съела меня глазами'.

Аналогично может употребляться слово 'взгляд':

Алт. – Аржан! – Сурайа казыр көрүжиле карындажын үзе соккон (JM, JJ, 71) '– Аржан! – Сурайа злобным взглядом прервала младшего брата'.

Хак. Гези саңай ээрип парчатхан хызын хазыр көрзінең тохтатхан (И0) 'Мать строгим взглядом остановила хохочущую дочь'.

Тув. Байлак каржы көрүжү-биле ооң херек чок чугаазын төндүрген (И5) 'Байлак строгим взглядом прервала его бессмысленный разговор'.

Необходимо еще добавить, что инструментальная роль представлена двумя подтипами: орудие (предмет, который при использовании не расходуется) и средство (предмет или вещество, расходуемое при использовании). Далее средства можно разделить на материальные и не материальные. К материальным средствам относятся продукты питания, строительные материалы, деньги и т.д. Например:

Алт. Күнүн ле эртен тура мени ле өскө дө нөкөрлөрүн лагманла азырат турар болды (БУ,Т,210) 'Каждое утро меня и других друзей он стал кормить лагманом'; Ол изү суула балкашту кийиминди бойын јун (JM, JJ, 45) 'Вон той горячей водой сам стирай свою грязную одежду'; Павлов анда сени неле азырайт? (ЛК, АК, 203) 'Чем тебя там Павлов кормит?'; Јаанам мени мөтлө эмдеген 'Бабушка меня медом лечила';

хак. Манит холын марлянаң палгап салтыр (НТ, А, 111) 'Манит обмотала руку марлей'.

К нематериальным средствам относятся, например, слова, песни, язык:

Алт. Бир сананзам, бу келин кижини шак ла ол чанкыр көстөрүниң эрке чокторыла, јалакай эрмегиле де эмдеп койгодый (БУ, С, 22) 'Иногда подумая, что эта женщина даже нежными лучами этих самых голубых глаз, ласковой речью человека может вылечить'; Бу өйди Айсулу сөслө айдыт болбос (JM, JJ, 127) 'Айсулу это время не может описать словами'.

#### 4.2.2. Модель с семантикой жестикуляции

$N_{Nom}N_{Acc}V_f$  «кто чем жестикулирует»

Жестикуляция – специфическая форма передачи специфической же информации; как и звуковая речь, это тоже «оперирование знаками», но имеющими другую природу. Жесты характеризуются очень своеобразным знаковым устройством, не предполагающим никакого «внутреннего членения» ни в плане выражения, ни в плане содержания, которые просто не существуют одно без другого. Но в каждом языке, звуковом и письменном, многие широко употребляемые жесты получают отражение в устойчивых сочетаниях названий действующей части тела, лица и того действия, которое «составляет» жест. При этом каждый язык находит свои способы соединения этих компонентов. Мы сейчас продемонстрируем те устойчивые сочетания, которые отвечают структурной схеме  $N_{Nom}N_{Acc}V_f$ , например, *поднять руку, почесать затылок, сморщить нос*.

Алт. Уулчак бажын јайкап (ТШ, КК, 57) 'Мальчик качал (букв. качая) головой..'; Јейнек бажын эмеши өрө көдүрүп ийди (СМ, ЧЧ, 114) 'Дьейнек приподняла голову'; Мандайынды чырчыйтпазан 'Не морщи лоб'; Ол көзин јумуп ийди 'Он закрыл глаза'.

Хак. *Аны истин, Тайса ахсын хойралтыбысхан* (ИТ,Т,13) 'Услышав это, Тайса искривила рот'; *И-и, не хочу – ирнин ыр-байтча хызыцах* (ИТ,Т,16) 'И-и, не хочу! – надувает губы девочка'; *Мин пазым на чайхан салгам* (ИТ,Т,22) 'Я только покачал головой (голову)'; *Кизилер айаларын саат тирчелер* (ИТ,Т,16) 'Люди хлопают в ладоши'; *Оолагас нинче-де хоных пазынаң харахтарын азыбысхан* (АХ,А,9) 'Мальчик несколько суток спустя открыл глаза'.

Тув. *Тогдуктар хөме шапкан кижини көрүп кааш, бааштарын кедейтипкен* (К-Л,217) 'Дрофы, увидев человека, подняли головы'.

#### 4.2.3. Модель ментального действия

$N_{Nom}N_{Acc}V_f$  «кто что знает»

Отличие этой модели от рассмотренных акциональных заключается в том, что события, выражаемые ее пропозицией, находятся в сфере интеллектуальной, а не в физическом мире.

Обязательные компоненты этой модели: субъект-экспериенцер, обозначающий лицо, которое осуществляет то или иное ментальное действие; объект, обозначающий лицо или предмет, являющиеся содержанием ментальной деятельности; и предикат со значением интеллектуального (ментального) действия.

Субъект-экспериенцер в отличие от субъекта-агенса пассивен и не контролирует протекание действия. Однако следует заметить, что субъект-экспериенцер ментальных действий более активен, чем психических действий. Объект не претерпевает никаких изменений, в то время как в акциональной модели объект подвергается прямому или опосредованному воздействию со стороны агенса.

Подлежащее представлено одушевленным именем существительным в неопределенном падеже. Объект оформляется чаще винительным, реже неопределенным падежами.

Предикатами этой модели выступают глаголы интеллектуальных действий – мысленных операций, представленных как действия. Это глаголы знания, узнавания, понимания, осмысления наблюдаемого.

В алтайском языке предикатами этой модели выступают следующие глаголы интеллектуальной деятельности: *бил* = 'знать, уметь, понимать', *ондо* = 'понимать', *айла* = 'понимать', *бичи* = 'писать', *кычыр* = 'читать', *шинде* = 'изучать, исследовать', *үрен* = 'учить, усваивать, разучивать', *чүмде* = 'сочинять', *талда* = 'выбирать, отбирать', *таны* = 'узнать', *унды* = 'забыть', *эске ал* = 'вспомнить' и др.:

Алт. *Мен машинагарды ондобос болбойым* (ЖК,К,71) 'Я, наверное, в вашей машине не разберусь (букв. вашу машину не пойму)'; *Сен хакас тилди эмди јақшы билер болбойың* (БУ,С,195) 'Ты теперь хакасский язык хорошо, наверное, знаешь'; *Эје, слер мени таныбай турар ба?* (ЭЦ,А,8) 'Сестра, вы меня не узнаете?'; *Адам айткан сөзин де ундыт...* (БУ,Т,108) 'Отец, забыв сказанные им слова (слова, которые он сказал), ...'.

В тувинском языке это следующие глаголы: *бил* = 'знать, уметь, понимать', *бода* = 'думать, раздумывать, мыслить; предполагать', *сагын* = 'вспоминать; запоминать', *шинчиле* = 'исследовать, изучать', *черзиле* = 'изучать', *бижии* = 'писать', *үрен* = 'усваивать, овладевать; разучивать', *номчу* = 'читать', *уттур* = 'забыть', *таны* = 'узнать' и др.:

Тув. *Ол шыкта оъттап чоруур инектерни мен баштай танываан мен* (САС,АТ,55) 'Я вначале не узнал коров, которые паслись на том лугу'; *Улуг кижии салгалын бодаар* (К-Л,АБК,89) 'Взрослый человек должен думать о своем потомстве'; *Буяны чон билир* (КЭК,УХ,63) 'Народ знает Буяна'.

В хакасском языке здесь выступают следующие глаголы: *nil*= 'знать', *oŋna*= 'понимать', *tаны*= 'узнать', *унду*= 'забыть', *хыгыр*= 'читать' и др.

Хак. *Ол чуртас өтире сагызында ал чөргөн, чүреене сиип парган кии-чоохты сагынча* (ВТ, ААС, 14) 'Он всю жизнь в мыслях носимую, в сердце впитанную легенду обдумывает'; *Син книганы уян хыгырча одырзың* (НТ, КК, 102) 'Ты книгу плохо читаешь, оказывается'; *Мин, городта чуртап, газета-журналлар даа хыгырбиньбыстым* (ИТ, Т, 41) 'Живя в городе, я перестал читать даже газеты-журналы'.

#### 4.2.4. Модель восприятия

$N_{Nom}N_{Acc}V_f$  «кто что воспринимает»

В состав этой модели входят три обязательных компонента: субъект-экспериенсер, обозначающий лицо, которое пассивно воспринимает то или иное явление; объект психического восприятия или перцептив; предикат восприятия.

Основными предикатами, формирующими эту модель, являются глаголы зрительного и слухового восприятия: алт., хак. *көр*= / тув. *көр*= 'смотреть, глядеть, видеть; осматривать, просматривать; присматривать', алт. *аҥыкта*= 'осматривать, наблюдать', алт. / тув. *ук*= 'слушать', хак. *ис*= 'слушать' и др.

Алт. *Эртен тура слер мени көрбөс турыгар* (СС, АКС, 100) 'Утром вы меня не увидите'; *Алан сууны жакалай турган деремнени аҥыктап, онын өскөлөнип калганын көрүп ийерге мендеп турды* (ЭП, А, 5) 'Алан, разглядывая деревню, стоящую на берегу реки, спешил увидеть, как она изменилась'; *Бис Гришианын куучынын сүрекей соныркап уктыс* (ТШ, КК, 13) 'Мы рассказ Гриши слушали с большим интересом'.

Тув. *Мен кускуннарны көрүп олур мен* (СС, ТК, 9) 'Я рассматриваю ворон'; *Дуу дагларны, эзимнерни көр* (САС, АТ, 55) 'Вон, посмотри на те горы, леса'.

Хак. *Камзар таныс нимес хысты көр сыххан* (ИТ, Т, 11) 'Камзар стал разглядывать незнакомую девушку'; *Күдет мында Сапсохты көр салган* (ФБ, ПТН, 161) 'И тогда Кюдет увидел Сапсоха'; *Аннаңар аның чоогын, чөптерин пасхалары истедир* (АС, АЧ) 'Поэтому другие (люди) его слова, советы слушают'.

#### 4.2.5. Модель с семантикой словесного воздействия

$N_{Nom}N_{Acc}V_f$  «кто кого ругает/ что говорит»

Предикатами этой модели выступает небольшая группа глаголов речи, управляющих прямым объектом. Эти глаголы формируют два типа предложений со структурной схемой  $N_{Nom}N_{Acc}V_f$  с неодушевленным либо одушевленным объектом; соответственно выделяются два семантических варианта этой модели: 1) семантический вариант, описывающий собственно передачу информации; 2) семантический вариант, описывающий речевое воздействие на адресата.

##### 4.2.5.1. Семантический вариант, описывающий собственно передачу информации

В этом семантическом варианте употребляются глаголы типа алт. *айт*= / тув. *чугаала*= / хак. *чоохта*= 'сказать, рассказать', при которых прямой объект представляет сказанное, т. е. «продукт» устной или письменной речи, или его оценку. Информационный объект, как правило, оформляется формой неопределенного падежа:

Алт. *Бис эрмек те айдып болбой турдыс* 'Мы даже слова не могли сказать'; *А слер, жаан кижги, нениң учун төгүн сөс айдып жадыгар!* (КТ, КУ, 11) 'А вы, взрослый человек, почему говорите неправду'; хак. *Ол күн сын на нимелер чоохтанчам* (ИТ, Т, 68) 'В этот день я говорю только правду'; *Ягор*

*öriñistiğ тылаас чарлаан* (Чертыкова,164) 'Ягор объявлял радостную новость'.

#### 4.2.5.2. Семантический вариант, описывающий речевое воздействие на адресата

В данном семантическом варианте используются глаголы, которые обозначают оценочную речь, прямо направленную на адресата. Адресат становится объектом заключенной в речи оценки и санкции (ругать, хвалить, проклинать, чернить). Это следующие глаголы: алт. *арба*= 'ругать', *адыл*= 'ругать', *төгүнде*= 'обманывать', *шоот*= 'высмеивать, насмеяться', алт. *карга*= / хак. *харга*= 'проклинать', алт., тув. *макта*= / хак. *махта*= 'хвалить'; тув. *кончу*= 'ругать, бранить', *чаңча*= 'ругать', *мегеле*= 'обманывать', *кыжыр*= 'высмеивать, вышучивать, насмеяться'; 'издеваться', *кочула*= 'высмеивать, насмеяться'; 'иронизировать', *сурга*= 'наставлять, поучать, давать советы'; хак. *алахтыр*= 'обманывать', хак. *хаңырт*= 'обманывать, вводить в заблуждение', хак. *чабалла*= 'поносить, хулить' и др. Объект информационного воздействия оформляется формой винительного падежа.

Алт. *Мен кичинек баламды эмди бир де адылбазым* (КТ,КУ,9) 'Я своего маленького ребенка теперь вообще не буду ругать'; *Энеңди эку төгүндеп ийерис* (КТ,КУ,34) 'Твою маму вдвоем обманем'.

Тув. *Чолаачыны директор кончуп каапты* (И4) 'Директор поругал шофера'; *Турк дыл башкызы өөреникчилерин мактаан* (И7) 'Учитель турецкого языка похвалил учеников'; *Кижиниң чаи оглун чоп мегелээр мен* (И7) 'Зачем я стану обманывать свое маленькое дитя'; *Аайнаны сурган эгелээн* (КК,УХ,178) 'Он начал поучать Аню'.

Хак. *Чылыгыда пабамны көп хати мактааннар* (И0) 'На собрании моего отца много раз хвалили'; *Контора тогынчылары адычахты мактааннар* (ФБ,ПТН,107) 'Работ-

ники конторы очень хвалили лошадку'; *Олар ыырчыны харгааннар* (ФБ,ПТН,9) 'Они проклинали врага'; *Мини хаңыртта, сыннаң чоохта* (ХРС,802) 'Не обманывай меня, говори всю правду'; *Мин сини чабаллабаам хайза* 'Я же тебя не поносил'.

#### 4.2.6. Модель с семантикой эмоционально окрашенного ментального действия

$N_{\text{Nom}}N_{\text{Acc}}V_f$  «кто кого уважает / ненавидит / любит»

Как мы уже видели в предыдущей главе, большинство эмотивных глаголов (со значением радости, обиды, злости, страха и др.) в тюркских языках управляет дательным и исходным падежами. Но есть несколько глаголов, которые содержат эмотивный компонент, но управляют при этом винительным падежом. Это глаголы с семантикой 'ненавидеть', 'уважать', частично также 'любить'. В каждом языке наборы таких глаголов свои, хотя и пересекающиеся, и «отклоняющиеся» модели управления имеют разные обоснования.

##### 4.2.6.1. Семантический вариант со значением любви и уважения

Глаголы уважения представляют собой не чисто эмотивные глаголы: они включают также компоненты оценки и социальной санкции, т. е. в целом это сложные ментальные операции. Эти глаголы управляют винительным падежом во всех трех языках: алт. *тоо*= 'уважать', *байла*= 'уважать, чтить, почитать'; тув. *хүндүле*= 'уважать, почитать'; хак. *аарла*= 'уважать, почитать, ценить', *улугла*= 'оказывать почести, уважать'.

Алт. *Алтайыгарды байлап жүригер* 'Чтите свой Алтай'; тув. *Тываларда улуг улусту хүндүлээр* (Козырев 1999: 198) 'У тувинцев уважают старших'; хак. *Исті-тасты нір, ах сагыстыг*

кізі. Андаг кізілерні аарлирдырбын (НТ,ТКО,85) 'Она прямодушный, чистый человек. Таких людей я уважаю'; Сагынмаан ол, аргыстары аны піди улуглир тін (АХ,А,71) 'Не думал он, что товарищи так его будут уважать'.

Из трех рассматриваемых южносибирских тюркских языков только в алтайском глагол со значением 'любить' (сүүү=) требует от актанта формы винительного падежа. В тувинском и хакасском языках этот глагол требует дательного падежа. Это заставляет задуматься, нет ли здесь влияния русского языка; это предположение, однако, требует проверки по корпусу разновременных текстов. Примеры:

Алт. *Оны андагы улустар коркушту сүүп жат* (ЛК,АК,228) 'Ее тамошние люди очень любят'; *Алтайдын чанкыры керегинде бу орус кожонды ончолоры сүүп жат* (БУ,С,196) 'Все любят эту русскую песню про синеву Алтая'.

#### 4.2.6.2. Семантический вариант со значением ненависти

Во всех трех языках значение ненависти выражает отрицательная форма глагола *көр= / көр=* 'смотреть, видеть' и фразеологизированные сочетания, образованные с участием положительной формы глагола *көр= / көр=* 'смотреть, видеть'; соответственно, они сохраняют управление винительным падежом: алт. *көрбө=* 'ненавидеть', *кыйа көр=* 'ненавидеть', *жаман көр=* 'ненавидеть', *көрөр күүн=// жок* 'ненавидеть'; тув. *көрбе=* 'ненавидеть', *көөр хөөн чоктан=* 'ненавидеть (букв. души нет видеть)'; хак. *хырт көр=* 'ненавидеть':

Алт. *Билерим: сен мени кыйа көргөн* (ЛК,ОЛ,61) 'Я знаю, ты меня ненавидел'; тув. *Оон бээр даайым уруун көрбестей берген* (И7) 'С тех пор мой дядя возненавидел свою дочь'; *Санча байларны көөр хөңнү чок апарган* (И6) 'Санча возненавидел богачей'; хак. *Ол аның палазын хырт көрче* (И0) 'Он ее ребенка ненавидит'.

\*\*\*

В заключение следует отметить тот факт, что центром общего «поля действия» являются, безусловно, глаголы конкретного объектно-направленного физического действия. Однако соотнесение эмпирического материала с этим эталоном показывает, что мы мыслим в качестве действий и такие процессы, которые лишь частично соответствуют эталону. Так, многие транзитивные глаголы находятся за рамками ЛСГ физического действия, например, глаголы восприятия – *улышать, увидеть, рассмотреть, показать, прочитать* и т.п.

Если смотреть на класс предикатов модели  $N_{\text{Nom}}N_{\text{Acc}}V_f$  с лексикологической точки зрения, он предстает как сугубо окказиональный; составляющие его глаголы объединяет только то, что все они, будучи переходными, способны формировать представление о целостном действии с опорой только на объект действия и его субъект.

Но под синтаксическим углом зрения именно это – наличие тех необходимых и достаточных компонентов смысла, которые позволяют этим глаголам реализоваться в минимальной «модели действия» – «открывает» у них прямообъектную валентность. Отсутствие у таких глаголов (или у ЛСВ с данной семантикой) «лишних» валентностных требований позволяет формируемым ими предложениям выразить идею действия как такового. И оно выражается тем более ярко и четко, чем органичнее соответствие между собственной лексической семантикой глагола и требованиями модели.

С этой точки зрения глаголы физического действия, будучи центром всего «поля действия», противостоят широкой и достаточно пестрой по составу «периферии» именно в том отношении, что в их семантике присутствует, а потому и проявляет себя в их конструктивных потенциях, очень важная орудийная сема, предполагающая орудийный актант или «оправдывающая» его отсутствие в поверхностной структуре фразы. Благо-

даря ее наличию «действенная семантика» этих глаголов становится очевидной. Но особый статус этой валентности, легко и естественно допускающей имплицитный характер соответствующего актанта, облегчает глаголам физического действия вхождение в широкое общее множество глаголов действия, обеспечивая тем самым возможность «действенной интерпретации» глаголов других групп, строго говоря, обозначающих «квазидейственные» процессы. Благодаря этому мы получаем возможность и право говорить о ментальных действиях, о речевых действиях, о социальных действиях и т.д. Стоит, пожалуй, отметить и то обстоятельство, что глаголы физического действия, заключающие в себе орудийную сему и имеющие валентность орудийного актанта, индуцируют ее и на другие глаголы, втянутые «в орбиту действия». Это широко проявляется в русском языке и речи, когда при глаголах, лишенных этой семы, открывается позиция псевдоорудийного участника ситуации: *думать своими мозгами, своей головой, любить всем сердцем, сочувствовать всей душой, дышать всей / полной грудью* и др. В тюркских языках тоже наблюдается подобное словоупотребление, хотя и значительно реже. Например: алт. *Ол нөкөриник жүрүмин бойынын көзиде көрөтөн туру* (АА,ТГ,28) 'Он, видимо, на жизнь друга по-сматривает своими глазами'.

#### 4.3. Структурная схема $N_{Nom}N_{Acc}N_{Dat}V_f$ и ее смыслы

Структурная схема  $N_{Nom}N_{Acc}N_{Dat}V_f$  «кто что кому дает» состоит из первого актанта в форме неопределенного падежа ( $N_{Nom}$ ), второго актанта в форме винительного падежа ( $N_{Acc}$ ), третьего актанта в форме дательного падежа ( $N_{Dat}$ ) и предиката.

В роли первого актанта здесь естественно мыслится агенс – лицо, и лишь метафорически что-то другое. Например: алт. *Бу*

*уй биске көп сүт берет* 'Эта корова нам дает много молока'; рус. *Это поле даст нам хороший урожай*.

В роли второго актанта чаще всего выступают предметные существительные, но возможны слова типа *чөрт* 'клятва', *сөс* 'слово, обещание'. Например: алт. *Ол меге сөзүн берген* 'Он дал мне слово'. Личные существительные в этой позиции редки, но возможны, например, алт. *Мен сени кемге де бербезим* (СС,АКС,62) 'Я тебя никому не отдам'.

По этой структурной схеме строятся три основных модели: 1) модель ЭПП передачи материального объекта:  $N_{Nom}N_{Dat}N_{Acc}V_f$  «кто / что кому / чему кого / что дает» со своими семантическими и структурно-семантическими вариантами; 2) модель ЭПП передачи идеального объекта:  $N_{Nom}N_{Dat}N_{Acc}V_f$  «кто / что кому что сообщает»; 3) модель обучения объекта-лица  $N_{Nom}N_{Acc}N_{Dat}V_f$  «кто кого чему учит».

##### 4.3.1. Модель передачи материального объекта

$N_{Nom}N_{Dat}N_{Acc}V_f$  «кто / что кому / чему кого / что дает»

В состав этой модели входят следующие компоненты:  $N_{Nom}$  – субъект-донатор – имя существительное или местоимение в неопределенном падеже;  $N_{Acc}$  – объект-донатив (объект передачи) – имя существительное или местоимение в винительном падеже;  $N_{Dat}$  – адресат-реципиент – имя существительное или местоимение в дательном падеже;  $V_f$  – глаголы с семантикой передачи материального объекта.

Предикатами этой модели выступают глаголы давания, передачи объекта. Это прежде всего общетюркский глагол *бер= / нур=* 'дать', у которого данная система валентностей выражена наиболее четко. К нему примыкают другие глаголы, в семантике которых присутствует сема 'давать' в качестве основной, ведущей: алт., хак. *сыйла=* 'дарить', алт., тув., хак. *сам=* 'продавать', алт., хак. *төле= / тув. төле=* 'платить', алт.,

хак. *үле*= / тув. *үле*= ‘раздавать, делить’, алт. *табыштыр*= ‘сдавать, отдавать’, алт. *жандыр*= ‘вернуть’, алт. *сун*= ‘совать’ / тув. *сун*= ‘протягивать’.

Алт. *Көн өркө өлтүрген балдарга кийинде сый берерис* (ТШ,АК) ‘Детям, добывшим много сусликов, мы в конце дадим подарок’; *Карган энем калажын ла курудын меге сунуп ла турды* ‘Бабушка совала мне свой хлеб и курут<sup>2</sup>’; *Алты күннинг бажында колхоз улуска мөт үледү* (АЛХ,67) ‘Через шесть дней колхоз раздал людям мед’.

Тув. *Кара-оол Чемзигге белээн сунду* (ТМА,24) ‘Кара-оол протянул Чемзиг свой подарок’; *Эртенінде Татьяна мени угбаларыңга дораан садыткан* ‘Наутро Татьяна меня сразу выдала (букв. продала) своим сестрам’.

Хак. *Кемге-де книга садыт аларга ахча пирген* (ИТ,47) ‘Он кому-то дал деньги купить книгу’; *Андаг чітіг оолахха хамчымны пирбин халтыр ноом* (ФБ,ПТН,8) ‘Я такому шустрому мальчику, оказывается, не отдал бич’; *Конторада ам чорых нарчатханнарга пічіктер үлееннер* (ФБ,ПТН,10) ‘В конторе сейчас уезжающим раздавали письма’.

К глаголам давания, передачи примыкают глаголы смежной семантики, приобретающие семантику давания, передачи вместе с предметной валентностью дательного падежа – например, при характеристике образа действия при передаче:

Алт. *Эр-Жаа тискинин Кара-Көскө таштады* (СС,АКС,64) ‘Эр-Джаа бросил повод коня Кара-Кёс’.

Ср. также глаголы несколько отличной семантики: хак. *Ол писатель романын ипчизіне чарыт пирген* (И2) ‘Этот писатель посвятил свой роман жене’.

<sup>2</sup> Курут – традиционный национальный сыр, который делают из творога из особым образом заквашенного молока, спрессованный в брикеты, высушенный и подкопченный.

Субъект-донатор, как правило, представлен одушевленными именами:

Алт. *Сен ол Эркелей деген кызынды бир-эки айга меге берип ий* (КТ,КJ2,148) ‘Ты отдай мне свою дочь по имени Эркелей на один-два месяца’; тув. *Ол оглун ашааның төрелдеринге берипкен* (И7) ‘Она отдала своего сына родственникам мужа’; хак. *Володя пу ахчаны магаа чайгаа читіре өдіске пирген* (И1) ‘Володя одолжил мне эти деньги до лета’; *Ол ипчічек магаа ол кремні сыындыр пирген* (И) ‘Эта тетка всучила мне вот этот крем’.

Неодушевленные имена могут заполнять эту позицию при определенных условиях: это либо названия учреждений, населенных пунктов, организаций в метонимическом употреблении, либо явления природы в метафорическом употреблении:

Алт. *Кайрылык деп журт Алтайга үч талдама бичиичи берген* ‘Село Кайырлык дало Алтаю трех прекрасных писателей’; *Соок салкындар јаш агаштарга амыр бербейт* ‘Холодные ветра не дают покоя молодым деревьям’; тув. *Багай агаар-бойдус бистиң хоорайывыска чшик чуртталга бербейн турар* (И4) ‘Плохой климат не дает нашему городу легкой жизни’; *Соок час кожуунувуска эки дүжүт чыгдыртпас* (И7) ‘Холодная весна не обещает нашей области хорошего урожая’; хак. *Пу школа хакас чонына ус хоосчыларны паза саблыг ученайларны пирген* (И0) ‘Эта школа дала хакасскому народу талантливых художников и известных ученых’.

Значительно реже позицию подлежащего могут занимать абстрактные существительные. Например: алт. *Је салым ненин де учун биске сыйын бербеди* ‘Но судьба почему-то не дала нам своего подарка’; тув. *Өгленишикин аңаа үр манаан ааскежикти бербээн* (И5) ‘Женитьба не принесла ему долгожданного счастья’.

Объект-донатив чаще неодушевленный предмет, но может быть и лицом:

Алт. *Мен кичинек кызымды интернатка берип ийгем* 'Я младшую дочь отдала в интернат'; тув. *Бис улуг оглувусту уруглар садынга тургузуп кагдывыс* (ИЗ) 'Мы отдали своего старшего сына в детский сад'; хак. *Миниң пиңем хызын олган садына пирибискен* (И1) 'Моя сестра отдала дочь в детский сад'.

Как уже говорилось выше, объект-донатив может быть оформлен тремя падежами: винительным, неопределенным и исходным.

Алт. *Көп лө сабада Текемей канайып та ыйламырап ла сурап турганда, кажсыбыс та ого өркө бербейтенис* (БУ,УБТ,30) 'В большинстве случаев, как бы сильно Текемей ни плакал и ни просил, никто из нас не давал ему суслика'; Энези мындый жараш *жикпе=ни Жергелейге сыйлаган* (ЛК,АК,252) 'Их мать такую красивую юбку Дьергелей подарила'; тув. *Директор школа музейинге өрээл берген* 'Директор выделил комнату школьному музею'; *Света бодунуң уруу=н кунчуузуңга бербес* 'Света не отдаст свекрови свою дочь'; хак. *Таңда тогыстагы чаксы тогынчатхан ипчилерге сыйыхтар пирерге киректер* (И7) 'Завтра хорошо работающим женщинам должны вручить подарки'; *Хончыгым дача=ны ұр ниместе пастыгыма садыбысхан* 'Мой сосед недавно продал дачу моему начальнику'.

При оформлении объекта формой исходного падежа передаваемый объект представляется как часть некоторого множества:

Алт. *Ол меге бойынын ұлузи=нен калаш берди* 'Он дал мне хлеба из своей части'; *Сен балдарга кузугын=нан бер* 'Ты дай детям орехов'.

Позицию адресата-реципиента ( $N_{Dat}$ ), как правило, занимает лицо:

Алт. *Мылчадан чыккан кийинде, бистиг кажсыбыска ла жаңы чамча, костюм, ботинкалар берген* (БУ,УБТ,151) 'После

того как (мы) вышли из бани, каждому из нас дали новую рубашку, костюм, ботинки'.

В этой позиции могут названия организаций, учреждений, которые интерпретируются как юридические лица или коллективы: детский сад, школа, институт и др.

Тув. *Бо хептерни уруглар бажыцынга бээр бис* (И6) 'Эти вещи мы отдадим детскому дому'; *Номнарымны институтка бериптим* 'Свои книги я отдала в Институт (Институту)'; хак. *Заводтың наа пастыгы школага наа компьютерлер сыйлап турген* (И7) 'Новый директор завода подарил школе новые компьютеры'.

В тувинском языке реципиент может принимать показатели не только дательного, но и направительного падежа:

Тув. *Доржунуң ада-иези кадакты, таакпызын уругнуң ада-иезин=че сунган* 'Родители Доржу преподнесли родителям девочки кадак<sup>3</sup>, табак'; *Маша уруун интернат=че берипкен* 'Маша отдала свою дочь в интернат'.

Мы выделяем у этой модели дополнительный структурно-семантический вариант.

#### 4.3.1.1. Структурно-семантический вариант с бенефактивным значением

Как особый структурно-семантический вариант данной модели мы рассматриваем фразы, в которых в роли предикатов выступают сложные глаголы, в морфологической структуре которых присутствует вспомогательный глагол *бер=* 'дать' с ослабленной, но не утраченной семантикой давания. Вместе с этой семой он заключает в себе валентность, направленную на бенефицианта  $N_{Dat}$ , который тем самым входит в структуру модели. Структурная схема модели определяется валентно-

<sup>3</sup> Кадак – тонкий мягкий шелк в форме широкой ленты, преподносимый почетным гостям.

стью ее сказуемого, которая в данном случае складывается как сумма валентностей его компонентов.

Модель с таким сказуемым представляет пропозицию как действие над объектом, совершенное в пользу другого лица, бенефицианта:

Алт. *Јергелей эмеген меге јангы чамча кӧктӧн берди* 'Бабушка Дьергелей сшила (букв. сшив дала) мне новую рубашку'.

В этом предложении сказуемое *кӧктӧн берди* 'сшила' управляет прямым дополнением *чамча=ны* 'рубашку' – эта валентность исходит из компонента *кӧктӧ=н* 'шить'. Валентность бенефицианта, направленная на косвенное дополнение *ме=ге* 'мне, для меня', исходит от вспомогательного компонента *бер=* 'дать'.

Предикатами этой модели выступают глаголы физической и трудовой деятельности – например, алт. *азар=* 'варить', *кайнап=* 'варить, кипятить', *тут=* 'держат, строить', которые сами по себе не требуют замещения актанта  $N_{\text{Dat}}$ . Однако при сочетании со вспомогательным глаголом *бер=* 'дать' позиция  $N_{\text{Dat}}$  при них обязательна:

Алт. *Маарый кайын энезине курсак кайнадып береле, орынга коштой тургузып салды* (ЛК,МЈ,167) 'Маарый, сварив еду (для) свекрови, поставила (её) рядом с кроватью'; *Карабаш Пайсканга ла Койлого кычырган бичиктерин куучындап, экилезине чалгынын сыныгынап бычактар јазап берди* (АЛХ,65) 'Карабаш, рассказывал Пайскану и Койла о прочитанных им книгах, сделал им обоим ножи из обломков косы'; *Эмди Кымыс биске «ладаны» кожондоп берер* (БУ,С) 'Теперь Кымыс споеет нам «Ладу»'; *Ӧскүс артып калган айучакты эзенге јетире заповедникке чыдадып берерис* 'Осиротевшего медвежонка до следующего года для заповедника (букв. заповеднику) вырастим'; *Бичик билбес карануй улуска, јангы ла ӧзүп келген јаш балдарга ак-јарыкты ачып берген – ол неден*

*де јаан ырыс...* (ЛК,МЈ,20) 'Не знающим грамоту темным людям, подрастающим детям открыла мир – это счастье превыше всего'.

Тув. *Чурукчу акым ава-ачамга чурук чуруп берген* (И5) 'Мой брат-художник нарисовал родителям картину'; *Угбам меңээ хойлең даарап берген* (И6) 'Сестра мне сшила рубашку'; *Ававыс чемин биске улегилен берген* 'Наша мать еду нам поделила (и подала)'.

Хак. *Клаша ол газетаны Паскирге прай хыгыр тирген* (ИК,ЧХ,29) 'Клаша эту газету Праскиру полностью прочитала'; *Мин хусхацахха халас унахтарын тоолат тиргем* (ИТ,КМ,13) 'Я птичке крошки хлеба насыпал'.

При определенных условиях – если действие совершается в пользу другого лица – бенефициант может войти в самые разные предложения; ср. предложение с бенефициантом без вспомогательного глагола:

Алт. *Мен бу эмчи-кыска он до кой сойорым* (БУ,С) 'Я для этой девушки-врача и десять овец зарежу'. Здесь в определённой конситуации (девушка-врач приняла долгожданного сына говорящего) глагол *сой=* 'заколоть барана' приобретает окказиональную семантику 'делать подарок', 'оказывать честь, внимание'.

Рассматривать этот вариант модели как самостоятельную модель не целесообразно, хотя и возможно. Но пока удобнее и проще, не умножая представление об основных моделях, видеть в этом случае вариант основной модели  $N_{\text{Nom}}N_{\text{Acc}}N_{\text{Dat}}V_B$ , где сказуемыми может быть как простой глагол, так и аналитическая конструкция  $Tv=n\text{ бер=}$ .

В изучаемых языках существует еще одна аналитическая конструкция, конверсивная по отношению к рассмотренной: если говорящий хочет подчеркнуть, что бенефициантом является сам субъект действия, что действие направлено на него, используется вспомогательный глагол *ал=* 'взять'; при этом в

форме  $N_{\text{Dat}}$  может появляться возвратное местоимение – ‘себе’: алт. *бойына*, тув. *бодуна*:

Алт. *Ол бойына тура садын алды* ‘Он себе дом купил’.

Таким образом, бенефициант занимает промежуточное положение между обязательными актантами (субъект, объект, адресат) и необязательными компонентами структуры предложения. Его появление обусловлено тем, что говорящий хочет подчеркнуть адресованность действия, результат которого предназначен другому лицу.

#### 4.3.2. Модель передачи идеального объекта

$N_{\text{Nom}}N_{\text{Dat}}N_{\text{Acc}}V_f$  «кто кому что сообщает»

Следующая модель формируется глаголами ЛСГ, в семантике которых имеются семы адресатной направленности, закономерно предполагающие актант в дательном падеже. Но в отличие от уже рассмотренных, они не предполагают физических действий типа давания и передаваемых материальных объектов. Передаваемым объектом является здесь разного рода информация. Это, прежде всего, глаголы говорения, содержащие сему передачи вербальной информации:

Алт. *Мен слерге бир чөрчөк кайлап берейин* ‘Расскажу-ка я (спую-ка) вам одну сказку’; тув. *Көргөн, билген чувеңни кезегелиг кырган аваңга чугаалап бээр сен* (И5) ‘То, что увидел, узнал, расскажи своей бабушке с косою’; *Че чоохты кизеэ пи́ди хынып ха́чан даа чоохтабаан* (МТ,ПТ,61) ‘Но с таким интересом он рассказ никогда никому (букв. человеку) не рассказывал’.

Предикатами этой модели выступают также глаголы графической передачи информации: алт. *бичи*= / тув. *бичи*= ‘писать’; алт. *чий*= ‘писать’; хак. *пас*= ‘писать’:

Алт. *Почтага киреле, больницадан бичиген кижги болуп, Ленага кыска письмо бичий берди* (ЛК,МЈ,150) ‘Зайдя на поч-

ту, как будто пишет из больницы, начал писать Лене короткое письмо’.

Хак. *Парар алдында Миша ічезіне пічік пас салган* (И2) ‘Перед отъездом Миша написал матери записку’; *Мин хызыма улуг пічік пас салгам* (И0) ‘Я дочери написала большое письмо’.

Субъект-адресант обычно одушевленный и представлен именем существительным или местоимением в неопределенном падеже. Адресат (получатель информации) также одушевленный и представлен именем существительным или местоимением в дательном падеже. Информационный объект может быть выражен формой неопределенного или винительного падежа:

Алт. *Мен сеге бир шүүлте айдарым* ‘Я поделюсь с тобой одной мыслью (букв. скажу тебе одну мысль)’; *Баитаткыда, слер бистинг бу куучынды кемге де айтпагар* (БУ,С,113) ‘Во-первых, вы никому не рассказывайте про этот наш разговор’.

Тув. *Кырган-авазы оглунга тоол чугаалап берип тур* (И4) ‘Бабушка внуку рассказывает сказку’; *Эзирбен кадайынга катының чугаазын дамчыткан* (БИУ, 28) ‘Эзирбен передал жене слова тестя’; *Чылбак Алдын-оол ажылчыннарга айттышыкын берген* (ТМА,89) ‘Чылбак Алдын-оол дал распоряжение рабочим’.

Хак. *Ол апсаана ноо-да ниме чоохтатчатхан* (ФБ,ПТН,18) ‘Она что-то говорила своему мужу’; *Ол чазыт сагызын сагаа искирер* (И0) ‘Он тебе расскажет свои тайные мысли’; *Кипчоохты піске Постай ууца айтхан* (И1) ‘Легенду нам бабушка Постай рассказала’; *Ибдегілеріне чолабит сөле* (И2) ‘Его домашним передай привет’; *Мин сагаа пір ниме айт пирим* (И0) ‘Я тебе кое-что расскажу’.

Эта валентность присуща и каузативным глаголам, выражающим побуждение к восприятию. Самый частотный из них – *көргүс*= ‘показать’ (= дать, позволить, побудить увидеть).

Форму адресата действия  $N_{\text{Dat}}$  принимает имя побуждаемого лица:

Алт. *Көзигниг јажын арткан улуска көргүспе* (ЛК,АК,163) 'Свои слезы другим людям не показывай'; *Лена вагоннын эжигинде турган кандый да јаан јашту кижиге ле кондукторго документтерин көргүзеле...* (ЛК,МЈ,239) 'Лена, показав свои документы стоявшим у дверей вагона какому-то пожилому человеку и кондуктору, ...'.

Тув. *Саша бодунуң чаа кадайын эштеринге көргүскен* (И6) 'Саша показал свою новую жену друзьям'.

Хак. *Кадик палаа комнатазын көзиткен* (АХ,А,119) 'Кадик показал ребенку его комнату'.

#### 4.3.2.1. Структурно-семантический вариант с объектом-делиберативом в форме делиберативного падежа

Основанием выделения этого структурно-семантического варианта послужила форма объекта-делибератива, выраженного в хакасском языке делиберативным падежом с показателем =*даңар* / =*наңар*, в алтайском – сочетанием неопределенного падежа с послелогом *керегинде* 'о чем-л.':  $N_{\text{Nom}}$  *керегинде*, а в тувинском – сочетанием неопределенного падежа с послелогом *дугайында* 'о чем-л.':  $N_{\text{Nom}}$  *дугайында*.

Алт. *Энем биске слер керегинде айткан* 'Мама нам говорила о вас'.

Тув. *Мен ол дугайын сеңээ чугаалаан боор мен* 'Я об этом сказал тебе'.

Хак. *Ам мин сігерге Прокоп айнадаңар чоохтап пирим* (ВТ,ИС,35) 'Теперь я вам расскажу про черта Прокопа'.

#### 4.3.3. Модель обучения объекта

$N_{\text{Nom}}N_{\text{Acc}}N_{\text{Dat}}V_f$  «кто кого чему учит»

Предикатом этой модели выступает глагол алт. *үрет* = / тув. *өөред* = / хак. *үгрет* = 'учить кого-л. чему-л.'. Этот глагол предполагает сему 'личность' у объекта. Субъект может быть одушевленным и неодушевленным, а объект только одушевленным и стоит в форме винительного падежа.

Алт. *Сен Мундузакты бичикке үрет* (СМ,ЧЧ,33) 'Ты научи Мундузака грамоте'; *Бу бичик бисти јүрүмге үреткен* 'Эта книга учила нас жизни'.

Тув. *Шак ол нарын, мерген чүүлге Эзирбенни кырган-авазы Бадыма кадай өөредип каан* (БИ,УС,74) 'Этому сложному, мудрому делу научила Эзирбена его бабушка – старушка Бадыма'; *Бадарчыны моол бижикке Даа кожууннуң Ховалыг Шокар-Мээрең деп кижси өөредип турган* (МУ,11) 'Человек по имени Ховалыг Шокар-Мээрен из района Даа учил Бадарчы монгольскому письму'; *Номнар бисти экиге өөредип турар* (И7) 'Книги учат нас хорошему'.

Хак. *Книгалар пісті чаксаа үгретчелер* (И0) 'Книги учат нас добру'.

\*\*\*

Таким образом, по структурной схеме  $N_{\text{Nom}}N_{\text{Acc}}N_{\text{Dat}}V_f$  строятся три модели, которые имеют свои структурные, семантические и структурно-семантические варианты. Как показал анализ материала, приведенной структурной схеме соответствуют предложения разной семантики, не только конкретной, но и обобщенной. Эти различия связаны прежде всего с типами лексического наполнения обязательных предметных позиций, которое непосредственно обусловлено семантикой глагола, формирующего модель. Возможно, есть и другие типы предложений, использующих рассматриваемую структурную

схему, не попавшие в наш текстовый корпус; но они в таком случае составляют периферию системы и формируются единичным или малым числом предикатов.

#### 4.4. Структурная схема $N_{Nom}N_{Acc}N_{Abl}V_f$ и ее смыслы

По структурной схеме  $N_{Nom}N_{Acc}N_{Abl}V_f$  строятся три основных модели: 1) модель получения материального объекта  $N_{Nom}N_{Acc}N_{Abl}V_f$  «кто кого / что от кого / от чего получает»; 2) модель получения идеального объекта  $N_{Nom}N_{Acc}N_{Abl}V_f$  «кто что от кого / от чего узнает»; 3) модель с семантикой отстранения  $N_{Nom}N_{Acc}N_{Abl}V_f$  «кто кого / что от чего отстраняет»; 4) модель с семантикой защиты  $N_{Nom}N_{Acc}N_{Abl}V_f$  «кто кого / что от кого / от чего защищает».

##### 4.4.1. Модель получения материального объекта

$N_{Nom}N_{Acc}N_{Abl}V_f$  «кто кого / что от кого / от чего получает»

Модель, к анализу которой мы переходим, противостоит рассмотренной выше модели передачи объекта, поскольку «получение» материального или нематериального объекта противостоит «даванию» так же четко, как движение к объекту-ориентире противостоит движению от него. Поэтому данные две модели можно назвать синтаксическими антонимами.

Одновременно они являются и своего рода синтаксическими синонимами: они «обратимы», – одна и та же ситуация может быть описана обоими типами предложений.

Синтаксическую позицию подлежащего в этой модели занимает субъект-получатель передаваемого объекта. Она соответствует роли адресата в модели давания. Если некто (X) кому-то (Y) что-то дает, то тем самым этот второй (Y) от него (или из данного источника) это нечто получает. В модели, рассмотренной выше, дающий выступал как действующее начало,

агенса (актанта  $N_{Nom}$ ). В модели получения он остается источником действия, но это значение получает выражение в форме исходного падежа. Объект передачи сохраняет свой статус прямого объекта.

Предикаты этой модели в принципе – конверсивы предикатов предыдущей модели («дать»: «взять, получить»). В предложениях, ориентированных на материальный объект, агенса-получателя обычно мыслится как лицо, которое что-то покупает, приобретает, получает или отбирает, отнимает, выхватывает, вытаскивает, ворует, ловит и т.д.; в семантике глагола-предиката таких предложений обязательно должна быть сема «изъятия», которая делает необходимым указание на источник получения объекта.

Подлежащее этой модели всегда представлено одушевленным именем. Объект передачи чаще неодушевленный предмет, но реже может быть и лицо:

Алт. *Энези кичинек уулчагынан курч башту ойынчыктарын айрып алды* (ТШ,БЭИ,31) «Мать отобрала у сына игрушки с острым концом»; тув. *Ада-иемден ийи чагаа алдым* (ИЗ) «Я получила от родителей два письма»; хак. *Орты чолда чаачыны Абанактың азазы, Иркин апсах, пасхаларынаң пылазып алган* (ФБ,ПТН,13) «На полпути дед Абанаха, старик Иркин, отобрал солдата у других».

В позиции «источника» ( $N_{Abl}$ ) возможны три типа слов: это либо лица (лица или их «социальные эквиваленты» – юридические лица типа колхоз, институт, а также названия местностей и помещений в метонимическом употреблении – аудитория и т.д.), либо пространственно-вещественные представления – места, из которых извлекается некто или нечто, либо материалы, из которых извлекается нечто.

«Источник» – лицо:

Алт. *Сен письмоны черүде кижинег алып турган ба?* «Ты письма получаешь от парня, (который служит) в армии?»; *Мен*

*чанагымды ол уулдан айрып алдым* 'Я свои сани у того парня отобрал'.

Тув. *Орук кылырынга дарганың ашказы четпейн барганындан, спонсорлардан ашка ал алган* (И4) 'Так как председателю не хватило денег на ремонт дороги, он взял деньги у спонсоров'; *Авам Володядан 100 акша чээп алган* (И4) 'Мама одолжила у Володи сто рублей'.

Хак. *Пар, пичеңнең ахча өдіске сур* (И2) 'Иди, у сестры своей проси деньги в долг'.

«Источник» – «юридическое лицо»:

Алт. *Кезикте колхозтон кулур алгандар* (ЛК,АК,99) 'Иногда в колхозе (букв. 'из/от колхоза') брали муку'; *Мен колхозтон жаңыс ла жеерен ат садып алдым* (БУ,Т,161) 'Я в колхозе (у колхоза) купил только рыжую лошадь'; *Бис тракторды, машинаны жаңыс колхозтон алып турганыс* (ЛК,К,16) 'Мы трактора, машины берем только в колхозе (у колхоза)'.

Тув. *Бис тарааны колхозтан алып бис* (И7) 'Мы пшеницу берем в колхозе (у колхоза)'; *Олар эмнерни бир сураглыг фирмадан садып алып* (И5) 'Они лекарства покупают в какой-то известной фирме (у фирмы)'.

Конечно, каждый предикат налагает свои ограничения на возможности выбора нужного и допустимого сочетания указанных значений. Но значительная часть предикатов допускает разные типы объектов, несколько варьируя свою семантику.

Мы выделяем один семантический вариант по типу источника и один семантический вариант по типу предиката.

#### 4.4.1.1. Семантический вариант с названием географического пространства в позиции «источника»

В этом семантическом варианте источник получения материального объекта представлен как место или географическое пространство, откуда берется (извлекается, добывается) объ-

ект: естественные пространства, как горы и водоемы, или географические пункты – город, село, а также разного рода здания и помещения. Названия организаций, учреждений в этой позиции появляются, если они интерпретируются не как юридические лица или коллективы, а как помещения или «системы рабочих (лечебных, учебных и др.) мест». Пропозиция – «кто кого / что откуда берет (извлекает)». В роли предикатов выступают те же глаголы, но функционально-семантический тип предложения меняется – пропозиция становится объектно-пространственной:

Алт. *Учар кызын школдон алып алды* 'Учар забрал свою дочь из школы'; *Сен энемниг кийимин больницадан аларын ба?* 'Ты возьмешь мамину одежду из больницы?'; *Эртен магазиннен үч-төрт кире калаш алып кой* (ТШ,АК,26) 'Завтра возьми из магазина три-четыре буханки хлеба (по-русски типичнее – *взять где*: купил в магазине)'.

Тув. *Кадай чагааны Кызылдан алган* (И6) 'Женщина получила письмо из Кызыла'; *Ада-иелер уругларын уруглар садындан алды шакта алып ужурулуг* (И3) 'Родители в шесть часов должны забрать детей из детского сада'.

Хак. *Ооллар иблерінең пічіктер алчалар* (АХ,А,104) 'Парни получают письма из дома'; *Мин позымның хызымны интернаттаң ал парыбызарга сагынчам* (И1) 'Я хочу забрать свою дочь из интерната'.

В предложениях этого типа в позиции N<sub>АБ</sub> выступают и предметы, выполняющие функцию «малого пространства», ёмкости, вмещающей, содержащей в себе объект изъятия:

Алт. *Акчаны карманымнан ал* 'Деньги возьми из моего кармана'; *Ол көндөктөн картошко алды* (ЛК,АК,113) 'Она достала из ведра картошки'; *Кымыс бойының сумказынан керектү немелер чыгарып...* (БУ,С) 'Кымыс, вытащив из своей сумки нужные вещи,...'; *Түрген койнынан карточканы чыгарып көргүсти* (СС,АКС,81) 'Тюрген, вынув из-за пазухи фото-

графию, показала’.

Тув. *Кара-оол аржылыын карманындан уштаан* (И7) ‘Кара-оол выгашил платок из кармана’; *Уруг сумказындан чараш ойнаар-кыс уштуп алган* (И6) ‘Девочка выгашила из сумки красивую куклу’.

Хак. *Халасты сумканаң сыгар* (И0) ‘Вынь хлеб из сумки’.

#### 4.4.1.2. Семантический вариант со значением поиска и нахождения

Предикатами этого семантического варианта выступают глаголы ‘поиска и нахождения / ненахождения’ чего-то или кого-то, т. е. в тюркской языковой картине мира ищут и находят объект «откуда-то», тогда как в русской – «где-то». Объектом поиска может быть как лицо, так и предмет.

Алт. *Тарык балазын кайыннын тѳзинең таап алган* (ИШ,КJ,17) ‘Тарык нашел своего ребенка под березой (из-под березы)’; *Арина жыгылгылап калган улустын ортозынан Одойды бедреп јат... Одойды олордын ортозынан табарга коркушту кѳч* (ЛК,АК,136) ‘Арина среди павших (людей) ищет Одою... Одою найти среди них очень трудно’; *Је бу Аланнан сен нени тапкан, нени кѳргѳн* (ЭП,А,321) ‘Что ты нашла в Алане (из Алана), что увидела’; *Серенке учында шкаптан табылды* (БУ,Т,113) ‘В конце концов спички нашлись (были найдены) в шкафу (букв. ‘из шкафа’)’.

В активной конструкции было бы: *Ол учында серенкени шкаптан тапты* ‘Она в конце концов спички нашла в шкафу’.

Тув. *Лиза бѳргун стол адаандан тып алган* (И4) ‘Лиза нашла свою шапку под столом (букв. из-под стола)’; *Пенсионер Оюн автобус доктаар черден беш ашка тып алган* (И6) ‘Пенсионер Оюн нашел пять рублей на автобусной остановке’; *Аныяктар аразындан ол оглун ѳр дилеп келген* (И5) ‘Она долго искала своего сына среди молодых людей’.

Все рассмотренные глаголы рассматриваемой модели представляют «переход» материального объекта, лица или предмета, либо от одного лица к другому, либо из какого-то места к какому-то лицу. В этих предложениях пропозиция получения объективно предполагает те же денотативные ситуации, которые могут описываться глаголами типа давания, но эта реальность отображается с точки зрения получателя.

#### 4.4.2. Модель получения идеального объекта $N_{Nom}N_{Acc}N_{Abi}V_f$ «кто что от кого / от чего узнает»

Пропозиция модели с семантикой получения идеального объекта – получение информации кем-то из определенного источника. Предикатами здесь выступают глаголы получения информации: алт., хак. *сура* = ‘спрашивать’ (у кого-то), алт., тув. *бил* = ‘узнать (получать знание)’, *ук* = ‘слышать’; тув. *дыңна* = ‘услышать’, *айтыр* = ‘спрашивать’ и другие, описывающие разные виды и пути восприятия информации. Получаемый объект этой модели, информация, идеален: новости, знания, какие-то конкретные сведения.

Алт. *Биибей олордон болуш сурап турды* ‘Биибей просил у них помощи’; *Олор Сынарудан амадаган сурагын сурап турдылар* ‘Они задавали (букв. спрашивали) Сынару желаемый вопрос’; тув. *Бажыңга ажылды Мергенден айтырып алып мен* (И7) ‘Домашнее задание я спрошу у Мергена’; хак. *Ол Сыгданаң хабар сураглаан* (И2) ‘Он расспрашивал (про) новости у Сыгда’.

При идеальном объекте возможны две комбинации семантических типов третьего актанга – источника: это может быть другое лицо или «не лицо».

#### 4.4.2.1. Семантический вариант с одушевленным именем в позиции источника информации

Примеры:

Алт. *Мерген бу чөрчөкти жаан улустан уккан* 'Мерген слышал эту сказку от пожилых людей'; *Менен болуш сурап турган чылап* 'Как будто (он) помощи у меня просит'; *Чече Карчагадан ангылу жакару алган* (ИШ,КJ,144) 'Чече получил у Карчаги особое задание'.

Тув. *Улуг ноянывыстан сөс эккелдим* (БИУ,198) 'Я принес послание от нашего великого князя'; *Бады билбээн айтырыгларың чүгле Томурден айтырар* (ТЛА,130) 'Вопросы, которые не понимает, Бады спрашивает только у Томура'; *Бо толчургу чугааны оол кырган-ачазындан дыңнаан* (И5) 'Эту легенду мальчик слышал от своего дедушки'; хак. *Олардаң чол сурган* (Чертыкова,165) 'Он спросил у них, куда идти (букв. дорогу)'.

#### 4.4.2.2. Семантический вариант с неодушевленным именем в позиции источника информации

Если «источник» информации не лицо, то это может быть материальный носитель информации. Информация может быть «вложена» в материальный предмет в знаковой форме (например, письмо, газета, телеграмма, книга); она может также переноситься материальным техническим устройством или системой (например, радио, телевизор).

Алт. *Тутпастың письмозынаң мен оны ончозың билип алдым* 'Из письма Тутпаса я все это узнал'; *Мен слонды телевизордон ло көргөм* 'Я слона только по телевизору видела (букв. из телевизора)'.

Тув. *Телевизордан медээлерни дыңнап ап турар бис* (ИЗ) 'Мы получаем сообщения по телевизору (букв. из телевизора)'; *Ооң адын столга чыткан паспорттан билип алган мен* (И5) 'Его имя я узнала из его паспорта, лежавшего на столе'.

Поскольку человеческое сознание само способно двигаться от наблюдения к выводу, к умозаключению, информация может извлекаться человеком также из материальных объектов, в которые она не была заложена кем-то в семиотической форме, например, по следам на снегу охотник сразу узнает, какой зверь тут прошел. И письмо, и телевизор во фразах этого типа выступают в специфической функции не собственно источника информации, а инструмента-канала, по которому поступает информация. Следы же на снегу – это «прямой» источник информации.

Несмотря на все различия между физическим оперированием предметами и оперированием информацией, духовными ценностями, между этими операциями есть существенная общность: это получение чего-то из / от какого-то источника. Семы давания / получения являются тем, очень существенным, общим компонентом семантики этих лексем, которые позволяют и объясняют объединение этих моделей в одну валентностно-семантическую группу. Эта ядерная группа сем формирует модель, позволяет осмыслить разные ее реализации как закономерные варианты. Каждый из них имеет соответствие в вариантах модели, рассмотренной выше – с третьим актантом в дательном падеже.

Обратим также внимание на метафорическое использование модели перемещения объекта в значении чувственного восприятия информации:

Алт. *Одой жалтыражып турган мөнкүлөрдөң көзин албай турган* (ЛК,АК,39) 'Одой не мог оторвать глаз от сверкающих снежных вершин' (букв. не мог взять, забрать глаза от вершин).

Хак. *Ипчи кизи харахтарың индирки көгерісчөткөң таглардаң албинчатхан* (НД,ЫА,42) 'Женщина не отводила взгляд с синюющих внизу гор'. Глагол *ал* = 'брать', употребленный здесь метафорически, открывает валентность исходно-

го падежа. Так передается получение по чувственному каналу информации, источником которой является сам познаваемый, воспринимаемый предмет.

В системе моделей и вариантов моделей с дательным падежом третьего актанта эти отношения прослеживаются более отчетливо, нежели в моделях с исходным падежом: модель передачи объекта, материального или информационного, резко противостоит модели перемещения материального объекта, нежели модель получения объекта модели его изъятия и устранения из какого-то пространства.

#### 4.4.3. Модель с семантикой отстранения

$N_{Nom}N_{Acc}N_{Abl}V_f$  «кто кого / что от чего отстраняет»

В модели с семантикой отстранения первый актант в форме неопределенного падежа всегда одушевленный, второй актант – объект в форме винительного падежа, – как правило, тоже одушевленный, третий актант в форме исходного падежа, как правило, неодушевленный. Предикатами выступают глаголы с семантикой отстранения, «изгнания». Они отличаются от глаголов получения в том отношении, что объект не переходит к агенту-получателю, который в нем не заинтересован, а только «изымается», изгоняется, устраняется, выбрасывается с того места, которое он занимал. Среди таких глаголов нередки глаголы с каузативными аффиксами (например, алт. *чыгар* = ‘выводить, выгонять’ от исходного глагола *чык* = ‘выходить’).

Алт. *Эмезе Кымыскайды айылдан чыгарарым* ‘Или же я выгоню Кымыскай из дому’; *Эмдик-Содон чочкозын кажсаганнан чыгара айдаган* ‘Эмдик-Содон выгнал свиней из загон’; *Ол карыкчалду санааларды бойынан ыраадып турды* ‘Он отгонял от себя грустные мысли’; *Мени заведующийдин ишкинен жайладар, Айдар Адунович* ‘Увольте меня с должности заведующего, Айдар Адунович’.

Тув. *Чаа садыгжыны ол ажылдан үндүрер деп турар* (И6) ‘Нового продавца он хочет уволить с работы’; *Соседивис күдээзин бажыңындан ойдадыпкан* (И7) ‘Наш сосед выгнал своего зятя из дома’.

Хак. *Катяны тогыстаң сыгара сүрүбіскеннер* (И0) ‘Катю выгнали с работы’.

#### 4.4.4. Модель с семантикой защиты

$N_{Nom}N_{Acc}N_{Abl}V_f$  «кто кого / что от кого / от чего защищает»

Предикатами этой модели выступают глаголы типа алт. *аргада* = ‘спасать’ и *корула* = ‘защищать’; тув. *камгала* = ‘спасать’, ‘оберегать’; хак. *арачыла* = ‘защищать, спасать, избавлять’ и др.

Алт. *Ол мени өлүмнен аргадап алган* ‘Он спас меня от смерти’; *Түүкей Алтайын ла албатызын жүзүн-башка тонокчылдардан көп катан корыган* (ИШ,КJ,60) ‘Тюкей много раз защищал свой Алтай и народ от всяких грабителей’; *Ол бир катан жууда Амыр-Санааны өлүмнен аргадаган* (ИШ,КJ,94) ‘Однажды на войне он спас Амыр-Саану от смерти’.

Тув. ...*бо Кудеректи ол киндандан хостап алып* (БИ,210) ‘...они освободят Кюдерека от тюрьмы’; *Саян ону өлүмүндөн камгалаан* (ИЗ) ‘Саян спас его от смерти’.

Хак. *Зонтик мині наңмырдаң арачылап халган* (РХС,271) ‘Зонтик защитил меня от дождя’.

Исходный падеж третьего актанта здесь совершенно закономерен, хотя эти ситуации не предполагают никакой передачи объекта. Но если допустить некоторую метафоризацию представления о смерти, то спасение, как и защиту, можно интерпретировать как своего рода «отбирание у смерти», «увод от гибели».

#### 4.5. Модель с семантикой обвинения

$N_{Nom}N_{Acc}N_{Loc}V_f$  «кто кого в чем обвиняет»

По структурной схеме  $N_{Nom}N_{Acc}N_{Loc}V_f$  строятся прежде всего локативные предложения. Они выделены в отдельный блок бытийно-пространственных моделей и в данной книге не рассматриваются.

Рассматриваемая структурная схема представляет план выражения интересной, но редкой модели  $N_{Nom}N_{Acc}N_{Loc}V_f$  «кто кого в чем обвиняет». Ее третий актанта принимает форму местного падежа, который, однако, выступает здесь не в своей основной функции локализатора, а в переносном значении; в функции актанта с семантикой «состава вины» при предикатах вины, упрека. В этой трехактантной модели форма местного падежа реализует предметно-актантную функцию.

Предикаты этой модели – глаголы, семантически и функционально производные от существительного со значением ‘вина’: алт. *бурула*=, хак. *пырола*=, тув. *буруудат*= ‘обвинять, упекать’. Из тюркских языков Южной Сибири в алтайском и хакасском языках эти предикаты требуют местного падежа, как в русском, тогда как в тувинском вместо местного употребляется дательный падеж.

Алт. *Ол бойынын түбегинде нөкөрүн бурулайт* ‘Он в своей беде обвиняет друга’.

Хак. *Нанчызының өлімінде Миша имчiлернi пыролапча* (И0) ‘В смерти друга Миша обвиняет врачей’.

Данная конструкция вполне аналогична русской – *виноват в чем* (возможно, это синтаксическая калька).

Тув. *Белек-кыс бодунуң айыым-халавынга ада-иезин буруудаткан* (И4) ‘Белек-кыс в своей беде обвиняла своих родителей’; *Аян кырган-авазының өлүмүнге оглун буруудаткан* (И5) ‘В смерти своей бабушки Аян обвинял внука’.

Отметим, что в хакасском имеется еще один глагол с аналогичным значением – *найна*= ‘обвинять’, у которого маркировка актанта прямо противоположна (не «кого в чем», а «что кому»):

*Минiң нанчым пабазының өлімiн Василийге найнапча* (И0) ‘Мой друг обвиняет в смерти отца Василия’ (приписывает смерть отца Василию).

#### 4.6. Модель со значением санкции $N_{Nom}N_{Acc}N_{Nom}V_f$ «кто кого за что одобряет / порицает»

Предикаты этой модели – глаголы санкции типа алт. *кайралда*= ‘наградить’, *штрафта*= ‘штрафовать’, алт., тув. *макта*= / хак. *махта*= ‘хвалить’ и др. В состав этой модели входит в алтайском и хакасском послелог *учун / үчүн* ‘за что-л.’, в тувинском – *дээш* ‘за что-л.’:

Алт. *Энем бисти кечеги кериш учун сыймабас* ‘Мама нас за вчерашнюю ссору не погладит’; *Үредүчи бисти јастыралар учун арбады* ‘Учительница нас отругала за ошибки’; *Кем де бисти мындый ијжис учун мактабас* ‘Нас никто за такую нашу работу не похвалит’.

Тув. *Чүү дээш мени соп тур силер?* (И7) ‘За что вы меня бьете?’

Хак. *Хыныс үчүн пыролабаңар мині* (И1) ‘Не осуждайте меня за любовь’; *Ол хызын чаксы тогызы үчүн мактаан* (И0) ‘Он дочь за хорошую работу хвалил’; *Карис мині чиис үчүн көксепче* (И2) ‘Карис ругает меня за еду’; *Ол мині кірнiң үчүн хырысча* (И0) ‘Он ругает меня за грязь’; *Үчезi хызын порядок үчүн мактаан* (И1) ‘Мама похвалила дочь за порядок’.

\*\*\*

Итак, мы рассмотрели основные модели с тремя актантами, один из которых – агент, т. е. субъект действия; второй – объ-

ект, на который направлено действие агенса; третий актант в каждой модели принимает свою форму и играет свою специфическую роль. Все эти актанты являются структурно необходимыми, обязательными компонентами модели как единицы языка, но они отнюдь не равноценны с точки зрения необходимости их репрезентации в речи.

В модели они необходимы потому, что без них представление о данном действии не могло бы быть сформировано. Нельзя вычленить представление о действии 'укусил' без представления о зубах как его орудии (это возможно лишь производно, расширительно – кусаются и беззубые комары). Глядя с другой позиции, можно сказать – они необходимы потому, что без участия определенных предметов, называемых этими актантами, выступающими в данных формах, знаменующих данные роли, не могло бы произойти, «состояться» данное действие. Без участия этих актантов перестает существовать тот тип пропозиции, который составляет содержание модели, т. е. определенное типовое представление о ситуации, которое составляет «единицу мышления». Но когда представление о действии сформировано, обобщенная пропозиция, соответствующая данной модели, сложилась, ее речевые реализации неизменно и закономерно стремятся к сжатию за счет устранения всего того, что может быть легко восстановлено как из конситуации, так и из устойчивой связи действия с определенным предметным участником. Под этим углом зрения значимость разных актантов одной модели в потоке речи существенно отличается от их значимости в структуре модели как языкового знака.

«Первый актант», агенс, соответствующий позиции подлежащего, необходим структурно, ибо без него нет предложения: предикативный признак остается «незаземленным», если нет того, кому или чему он предиктируется. Содержательно он тоже необходим как источник действия. Однако в речи, в кон-

тексте, без подлежащего как раз легче всего обойтись, поскольку на него указывает сама форма сказуемого. Даже в тех случаях, когда форма сказуемого не ведет нас прямо к определенному референту, статус подлежащего связан с известностью, «данностью» предмета речи, и широкий контекст почти всегда легко компенсирует его отсутствие.

«Второй актант»; объект, также строго необходим для представления о действии, и в речи его нельзя так безболезненно устранить ни в тюркских, ни в монгольских, ни в русском языке. Опустить его можно, по сути дела, лишь в диалоге: алт. *Бу солунды сен кемнен уктын?* – *Солунайдаг* 'От кого ты узнала эту новость? – От Солунай'.

Третий актант – получатель некоторого объекта, материального или идеального, для существования моделей с его участием так же необходим, как и агенс, как и объект: его участие констатирует соответствующие классы ситуаций – «дать кому что», «сообщить кому что», «научить кого чему» и некоторые другие. В речи же эта позиция не столь сильна, как позиция прямого объекта, в конситуации она довольно часто остается незамещенной.

Третий актант в форме ( $N_{\text{Dat}}$ ) противостоит актанту ( $N_{\text{Abi}}$ ) как получатель объекта – источнику, из (у, от) которого этот объект берется (извлекается, добывается, изготавливается); в роли источника получения возможно лицо (от кого, у кого берется) или место (откуда берется). Модель (или модели) с участием третьего актанта  $N_{\text{Abi}}$  в речи менее частотна и самоуправление, исходящее от глаголов, формирующих эти предложения, как нам представляется, является более слабым, нежели управление актантом  $N_{\text{Dat}}$  в соответствующих моделях.

Следующий актант ( $N_{\text{Instr}}$ ), орудие, является, по-видимому, самым слабым, причем не только в аспекте речевых реализаций, но и в аспекте самой языковой модели. Выше мы уже говорили о «включенности» представления об орудии в само

представление о действии. Во многих случаях эта включенность получает внешнее морфологическое выражение в том, что корень слова с семантикой орудия входит как корневая морфема в отыменный глагол, русск. *коса* – *косить*, алт. *камчы* ‘плеть’ – *камчы=ла* ‘бить плетью’.

Мы не считаем частотность замещения некоторой приглагольной позиции достаточным основанием судить о силе или слабости управления (или данной валентности глагола). Но этот критерий нельзя не признать показателем того, сколь обязательно замещение данной позиции в речи. И, если подсчитать, в какой доле случаев остаются неназванными адресат, источник получения чего-либо и орудие при глаголах, предполагающих эти позиции (имеющих соответствующие валентности), легко убедиться, что замещенность позиции адресата в этом ряду максимальна, а орудия – минимальна, и более того – ее замещение приобретает узуальный характер только при условии специфичности именно данного орудия.

Это наглядное свидетельство того, что язык и речь подчиняются разным закономерностям, имеют разные принципы организации, и необходимое на уровне языка, в языковой системе, может оказаться избыточным, ненужным и даже мешающим в речи. А равным образом и наоборот: в речи нередко логическое ударение, выделяющее главное в сообщении, падает на внемоделльные компоненты, например, на опеределения и обстоятельства.

Принцип «экономии речи» универсален. Говорящие всегда стремятся сэкономить речевые усилия, сокращать речевой поток, устраняя из него все лишнее, но не жертвуя существенным. Но в языке при этом сохраняется полная «формула», развернутый «образец» конструкций. Этот образец всегда присутствует в нашем языковом подсознании, и именно его наличие позволяет людям с легкостью распознавать модели, «образы» того, что произносится, извлекать их из речевых

предложений, где всегда появляется масса чего-то, не предусмотренного моделями, и устраняется многое из того, что в модели строго обязательно. Конечно, у всех распространений и сокращений есть свои достаточно строгие правила.

Пока мы не ставим еще задачу выявления всех моделей: далеко не всегда ясно, воспроизводится ли данная структура как регулярная или какой-то ее компонент окказионален. Например, дают ли следующие алтайские предложения: *Энези уулынын учун акча алып турган* (ЛК, АК, 145) ‘Его мать за своего сына деньги получала’; *Дыламаш эринин учун база акча алып* (ЛК, АК, 145) ‘Дыламаш за своего мужа тоже деньги получала’; *Чейнеш кыбы учун јирме салковой акча тӧлбӧн* ‘Чейнеш за свою комнату заплатила двадцать рублей’ и др. достаточное основание говорить о существовании в тюркских языках Южной Сибири особой модели:  $N_{Nom}N_{Acc}V_f$  «кто за что что платит».

Ответ на этот вопрос существенно зависит от того, есть ли в алтайском, тувинском, да и в русском языке такие предикаты (глаголы, ЛСВ глаголов), которые обязательно требуют, кроме актанта с семантикой типа прямого дополнения (что платят), актанта с семантикой ‘за кого / что’, но не требуют актанта-адресата или актанта-источника: «кому (куда) платят», «от кого (откуда) получают». И если есть – глаголы или ЛСВ – то сколько их? Если их нет или очень мало, выделять такую модель не целесообразно; разумнее в подобных случаях форму *Нучун* считать «внемоделльной», т. е. не актантом, а сирконстантом.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе рассмотрены элементарные простые предложения с глагольным сказуемым на материале трех южносибирских языков: алтайского, тувинского, хакасского.

В исследуемых языках нами выделена 31 основная глагольная модель с разными семантическими, структурными, структурно-семантическими вариантами. Как показала проведенная работа, системы исследуемых моделей во всех трех языках сопоставимы и достаточно близки, хотя между ними имеются и некоторые существенные расхождения.

В этих языках представлены безактантные, одноактантные, двухактантные и трехактантные модели ЭПП с глагольным сказуемым.

Предложений, состоящих из одного глагола, и, не допускающих при себе никаких актантов, в тюркских языках Южной Сибири не так много. Это «безлично-бессубъектные» предложения, описывающие атмосферные явления, а также изменения состояния окружающей среды.

Одноактантные предложения при внешней структурной простоте (необходимый состав ограничен только подлежащим и сказуемым) обнаруживают разнообразие выражаемых ими пропозиций. На материале рассматриваемых языков нами выделены три основных модели таких предложений: 1) модель состояния одушевленного субъекта; 2) модель состояния неодушевленного субъекта; 3) модель деятельности. По типу пропозиции первые две относятся к статальным моделям, а последняя – к акциональным. В статальных моделях субъект-экспериенцер пассивен, а в акциональных субъект-агенса активен, действие осуществляется по его воле либо под его контролем.

Как показывает исследование, в рассматриваемых тюркских языках достаточно полно представлены

двухактантные и трехактантные предложения с глагольным сказуемым.

Двухактантные предложения, формируемые переходными глаголами, описывают состояние предмета или лица (эмоциональное, психическое). Это прежде всего предложения, в которых передается эмотивное состояние субъекта. Нами выделены следующие модели: 1) модель эмотивного состояния; 2) модель эмотивного отношения; 3) модель эмоционального состояния отчуждения. Каждая из этих моделей имеет несколько семантических, структурно-семантических вариантов. Состав глаголов, выступающих предикатами этих моделей, во всех трех рассматриваемых языках практически одинаков. Однако именно в группе эмотивных моделей, в частности, в сфере управления прослеживаются некоторые расхождения по языкам. Так, например, в тувинском и хакасском языках глаголы с семантикой любви требуют форму дательного падежа, а в алтайском – винительного. Тувинский и хакасский глаголы с семантикой 'гордиться' могут управлять как орудным падежом (как алтайский глагол), так и дательным, что для алтайского не характерно. В тувинском языке часто наблюдается вариативное управление дательным и направительным падежами, что не отмечается для хакасского языка.

Двухактантные предложения с переходными глаголами и трехактантные предложения описывают действие субъекта. Субъект-агенса является производителем действия, потому он активен. Однако в двухактантных моделях с семантикой ментального действия и с семантикой восприятия, где предикат также представлен переходным глаголом, субъект является пассивным как в статальных моделях и не контролирует действие. Объект ментальных действий и психического восприятия не претерпевает никаких изменений,

в то время как объект в акциональной модели подвергается прямому или опосредованному воздействию со стороны агенса.

В моделях восприятия, ментального действия, передачи информации, а также в эмотивных моделях позицию второго актанта может занимать предикативная единица или слова с пропозитивной семантикой; такие предложения полипропозитивны.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Абдуллаев С. Н.* Структурно-семантические модели простого предложения в современном уйгурском языке. Каракол: Изд-во Иссык-Кул. гос. пед. ун-та, 1992.

*Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.

*Апресян Ю. Д.* Избранные труды. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. Т. 1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка.

*Апресян Ю. Д.* Избранные труды. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография.

*Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.

*Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение: Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.

*Ахматов И. Х.* Структурно-семантические модели простого предложения в карачево-балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 1983.

*Байжанова Н. Р.* Базовая структурная схема элементарного простого предложения  $N1 \Leftrightarrow Vf$  в алтайском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1999.

*Байжанова Н. Р.* Модели элементарных простых предложений в алтайском языке. Структурная схема  $N1 \Leftrightarrow Vf$  в алтайском языке. Новосибирск: Наука, 2004.

*Баркалова М. В.* Функционально-семантическая классификация глагольных моделей ненецкого языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 14. Новосибирск, 2004. С. 171-217.

*Баскаков Н. А.* Предложение в современном турецком языке. М.: Наука, 1984.

*Белошаткова В. А.* Минимальные структурные схемы

русского предложения // Русский язык за рубежом. 1978. № 5. С. 55-59.

*Белошапкова В. А.* Расширенные структурные схемы русского предложения // Русский язык за рубежом. 1979. № 5. С. 63-68.

*Белошапкова В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А. и др.* Современный русский язык. М., 1989.

*Болотина Ю. Н.* Модели русских элементарных простых предложений пространственной семантики с локативным компонентом в форме винительного падежа без предлога. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.

*Боргояков М. И.* Развитие падежных форм и значений в хакасском языке. Абакан, 1976.

*Волохина Г. А., Попова З. Д.* Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999.

*Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во МГУ, 2000.

*Гаджиева Н. З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М.: Наука, 1973.

*Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М.: Наука, 1986.

*Грамматика алтайского языка.* Сост. чл. Алт. миссии. Казань, 1869.

*Грамматика русского языка* / Под ред. В. В. Виноградова. М., 1954. Т. 2.: Синтаксис. Ч. 1.

*Грамматика современного русского литературного языка* / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970.

*Грамматика современного якутского литературного языка.* Новосибирск: Наука, 1995. Т. 2. Синтаксис.

*ГТЯ Ф. Г., Исхаков, А. А., Пальмбах.* Грамматика тувинского языка. М., 1961.

*ГХЯ Грамматика хакасского языка.* М.: Наука, 1975.

*Додуева А. Т.* Формально-семантические модели простых предложений с предикатами движения в карачаево-балкарском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1997.

*Доржиева Д. С.* Модели простого предложения с именным сказуемым в бурятском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2005.

*Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940.

*Закеев М. З.* Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.

*Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

*Золотова Г. А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Москва, 1988.

*Золотова Г. А.* Монопредикативность и полипропозитивность в русском синтаксисе // Вопросы языкознания. 1995. № 2. С. 99-109.

*Исследования по синтаксису тюркских языков.* М., 1962.

*Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит., 1961.

*Карымова А. С.* Глагольные модели элементарных простых предложений с дательным падежом. Дипломная работа. Новосибирск, 2007.

*Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.

*Кетенчиев М. Б.* Формально-семантические модели именных предложений в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1993.

*Кильдибекова Т. А.* Глаголы действия в современном русском языке. Саратов, 1985.

*Козырев Т. А.* Лексико-семантическая группа эмотивных глаголов в тюркских языках Южной Сибири и казахском (в

сопоставительном аспекте): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1999.

*Колосова Т. А., Черемисина М. И.* Можно ли рассматривать простоту / сложность предложения как синтаксическую категорию // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. Новосибирск, 1991. С. 119-130.

*Кошкарева Н. Б.* Эмотивные модели простых предложений с дательным падежом при непереходных глаголах // Принципы моделирования структуры и семантики предложения. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 28-58.

*Кошкарева Н. Б.* Пропозиция и модель (на примере предложений перемещения в уральских и тунгусо-маньчжурских языках Сибири). // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. № 4. С. 70-80.

*Кошкарева Н. Б.* Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка // Вестник НГУ. Новосибирск, 2006. Том 4. Вып. 2. С. 64-75.

*Кошкарева Н. Б.* Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири: Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2007.

*Кузнецова Е. С.* Полисемия предложений, построенных по структурной схеме  $N_1 V_f N_4 N_3$ . Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.

*Кулятина Т. С.* Одноактантные модели элементарных простых предложений с непереходными глаголами в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.

*Лексико-семантические группы русских глаголов:* Учеб. слов.-справ. / Под общ. ред. Т. В. Матвеевой. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.

*ЛЭС* Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

*Ломтев Т. П.* Основы синтаксиса современного русского языка, М.: Учпедгиз, 1958.

*Ломтев Т. П.* О некоторых вопросах структуры предложения // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1959. № 4. С. 34-51.

*Ломтев Т. П.* Принципы построения формулы предложения // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1969. № 5. С. 56-67.

*Ломтев Т. П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972.

*Ломтев Т. П.* Структура предложения в современном русском языке. М., 1979.

*Мальчуков А. Л.* Синтаксис простого предложения в эвенском языке (структурные и семантические аспекты). СПб., 1999.

*Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. Л., 1978.

*Муравенко Е. В.* Выражение инструментального значения падежными и предложно-падежными формами // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988. С. 75-94.

*Мустайоки И.* Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М., 2006.

*Невская И. А.* Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 1997.

*Невская И. А.* Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005.

*Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974.

*Падучева Е. В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.

*Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике

синтаксиса. М., 2004.

*Покровская Л. А.* Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

*Предикативное* склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск, 1984.

*Принципы* моделирования структуры и семантики предложения. Новосибирск: НГУ, 2004.

*Русская* грамматика. Т. I, Т II. М.: Наука, 1980.

*Русские* глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: Флинта: Наука, 2002.

*Сагаан Н. Я.* Система средств выражения пространственных отношений в тувинском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1998.

*Самойлова Е. Г.* Глагольные модели элементарного простого предложения в эвенкийском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 11. С. 60-107.

*Семантические* модели русских глагольных предложений: Экспериментальный синтаксический словарь. Просп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998.

*Серээдар Н. Ч.* Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1995.

*Серээдар Н. Ч., Скрибник Е. К., Черемисина М. И.* Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск, 1996.

*Скрибник Е. К.* Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск, 1988.

*Скрибник Е. К.* К описанию системы моделей простого предложения в мансийском языке. Предложения с именным сказуемым // Системность на разных уровнях языка (на

материале языков Сибири). Новосибирск, 1990. С. 95-125.

*Сокорова О. В.* Структура и семантика русских глагольных предложений с обязательной позицией имени в форме предложного падежа. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.

*Соловар В. Н.* Структурно-семантические типы простого предложения казымского диалекта хантыйского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991.

*Структурные* типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск, 1986.

*Телякова В. М.* Простое предложение в шорском языке в сопоставлении с русским: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994.

*Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

*Тикеев Д. С.* Исследования по синтаксису простого предложения современного башкирского языка. Уфа, 1999.

*Тикеев Д. С.* Современный башкирский язык. Очерки по синтаксису простого предложения. Уфа, 2000.

*ТСРГ* Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999.

*ТРС* Тувинско-русский словарь / Под редакцией Э.Р. Тенишева. М., 1968.

*Тыбыкова А. Т.* Исследования по синтаксису алтайского языка. Простое предложение. Новосибирск: НГУ, 1991.

*Убрятова Е. И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Простое предложение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

*Филистович Т. П.* Темпоральные полипредикативные конструкции алтайского языка. Новосибирск, 1991.

*Черемисина М. И.* О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 3-18.

*Черемисина М. И.* О системности в сфере моделей

предложения // Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск, 2004. С. 406-419.

Черемисина М. И. О структурно-семантических типах простого предложения в тюркских языках Южной Сибири // Языки, духовная культура и будущее народов Арктики. Якутск, 1993. С. 11-12.

Черемисина М. И. О моделировании простых предложений // Актуальные проблемы филологии. Тезисы. Вып. 1. Усть-Каменогорск, 1993. С. 64-65.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. О структурной модели и семантике предложения // Вопросы грамматики и лексикологии в историческом и синхронном освещении. Новосибирск: НГУ, 1994. С. 107-119.

Черемисина М. И. Исследования предложения в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1995. № 4. С. 63-68.

Черемисина М. И., Скрибник Е. К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1996. № 4. С. 46-57.

Черемисина М. И. Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1997. № 4. С. 63-68.

Черемисина М. И. Итоги исследования простого предложения в языках Сибири // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1998. Вып. 4. С. 3-30.

Черемисина М. И. Модель (гипермодель) описания действия {N=1 N=4 (N=7) Vtr} // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1998. Вып. 4. С. 35-60.

Черемисина М. И. Структура и типология именных предложений // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1998. № 4. С. 96-104.

Черемисина М. И. Парадигма элементарного простого предложения как единицы языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 11. Новосибирск, 2003. С. 3-29.

Черемисина М. И., Озонова А. А. Синтаксис тюркских языков Южной Сибири. Простое предложение. Новосибирск: НГУ, 2005.

Чертыкова М. Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). Абакан, 2005.

Чугуниева А. Н. Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения (на материале хакасского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1998.

Чугуниева А. Н. Глаголы движения в хакасском языке: Учеб. пособие. Абакан, 2002.

ХРС Хакасско-русский словарь. Новосибирск, 2006.

Шамина Л. А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. Новосибирск, 1987.

Шилова В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке. Новосибирск: НГУ, 2003.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1988.

Якушко Г. Т. Модели простого предложения с глагольным сказуемым (на материале мансийского языка). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1997.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ТЕКСТОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

### *Алтайские текстовые источники*

- АА ЈТЈ А. Адаров. Жаан телекейге јол. – Горно-Алтайск, 1979.
- АА ӨЧК А. Адаров. Өлүмнинг чагкыр кужы. – Горно-Алтайск, 1993.
- АА УБТ А. Адаров. Уча берген турналар. – Горно-Алтайск, 1980.
- АИ Ө А. Иванов. Өштөжү. – Горно-Алтайск, 1984.
- БУ С Б. Укачин. Сүүш ле өштөжү. – Горно-Алтайск, 1969.
- БУ Т Б. Укачин. Туулар туулар ла бойы артар. – Горно-Алтайск, 1985.
- ЖК АЈӨ Ј. Каинчин. Айлыбыс жаңыс өзөктө. – Горно-Алтайск, 1984.
- ЖК КТ Ј. Каинчин. Карган тыт. – Горно-Алтайск, 1990.
- ЖК ОЈ Ј. Каинчин. Ол јараттаг. – Горно-Алтайск, 1980.
- ЖК Ү-СА Ј. Каинчин. Үч-Сүмер алдында. – Горно-Алтайск, 1986.
- ЈМ КМУ Ј. Маскина. Көгөл мүркүт уйазы. – Горно-Алтайск, 1986.
- ЈМ ЈЈ Ј. Маскина. Јүрүмнинг јуруктары. – Горно-Алтайск, 2002.
- ИШ КЈ И. Шодоев. Кызалаңду јылдар. – Горно-Алтайск, 1974.

- ИШ К И. Шодоев. Качук. – Горно-Алтайск, 1980.
- КТ КЈ1 К. Төлөсөв. Кадын јаскыда. – Горно-Алтайск, 1985.
- КТ КЈ2 К. Төлөсөв. Кадын јаскыда. – Горно-Алтайск, 1987.
- КТ Т К. Төлөсөв. Таныбаган. – Горно-Алтайск, 1980.
- ЛК АК Л. Кокышев. Алтайдың кыстары. – Горно-Алтайск, 1980.
- ЛК ЈП Л. Кокышев. Јүс письмо. – Горно-Алтайск, 1990.
- ЛК МЈ Л. Кокышев. Мечин јылдыс. – Горно-Алтайск, 1971.
- ЛК ТУ Л. Кокышев. Туулардың уулдары. – Горно-Алтайск, 1966.
- СМ ТК С. Манитов. Туулардың кыстары. – Горно-Алтайск, 1981.
- СМ ЧЧ С. Манитов. Чалдыкпас чечектер. – Горно-Алтайск, 1982.
- СМ АК С. Манитов. Аш кылгада. Горно-Алтайск, 1985.
- СС АКС С. Суразаков. Алтайым керегинде сөс. – Горно-Алтайск, 1985.
- ТШ АК Т. Шинжин. Ак кулун. – Горно-Алтайск, 1981.
- ТШ ЫЭИ Т. Шинжин. Ырыс экелген ижемји. – Горно-Алтайск, 1986.
- ТШ КСК Т. Шинжин. Кырлык суулардың кожоны. Горно-Алтайск, 1983.
- ТШ КК Т. Шинжин. Күннинг көзи. Горно-Алтайск, 1985.
- УС ЈО У. Садыков. Јайгы одуда. – Горно-Алтайск, 1986.
- ЭП А Э. Палкин. Алан. – Горно-Алтайск, 1978.
- ЭЯ АТ Э. Яимов. Абыйдың тыды. – Горно-Алтайск, 2003.

*Тувинские текстовые источники*

- АХ А. Ховалыг. Шүлүктөр. Кызыл, 1979.
- АД ЧК А. Даржай. Чуртгаарын күзезинзе. Кызыл, 1984.
- БИ Балалбас ис. Кызыл. 1994.
- ДС, О Д. Сарыкай. Орук. Кызыл, 1994.
- ЕТ Е. Танова. Кара-бай //Улуг-Хем, №2. Кызыл, 1984.
- КА, К К. Аракчаа. Кара-Ашактың кускуну. Кызыл, 1990.
- КК ЧЧ К.-Э. Кудажы. Чогаалдар чыындызы. Кызыл, 1994.
- КЛ М. Кенин Лопсан. Чогаалдар чыындызы. Кызыл, 1975.
- К-Л ХЧ М. Кенин-Лопсан. Херээженниң чоргааралы. Кызыл, 1975.
- КК УЧУ К.-Э. Кудажы. Уйгу чок Улуг-Хем. Кара том. Кызыл, 1992.
- КЭК УХ К.-Э. Кудажы. Уйгу чок Улуг-Хем. Алдын том. Кызыл, 1999.
- МК-Л М. Кенин-Лопсан. Тениң самы. Кызыл, 1993.
- МТ, К М. Тирчин. Күдээлер. Кызыл, 1992.
- МЭ ОЧ М. Эргеп. Өдүгенде чайлаг. Кызыл, 1994.
- ОС О. Сувакпит. Чогаалдар чыындызы. Кызыл, 1980.
- ӨЧ БИ Ө. Чиңмит. Балалбас ис. Кызыл. 1994.
- САС АТ С. Сарыг-оол. Ангыр-оолдун тоожузу. Кызыл, 1978.
- САС, АТ С. Сарыг-оол. Ангыр-оолдун тоожузу. Кызыл, 1980.
- СС, КН С. Сүрүң-оол. Кижиниң намдары. Кызыл, 1983.
- СС СС С. Сүрүң-оол. Собрание сочинений. Том 1. Кызыл. 1991.
- СС ТК С. Сүрүң-оол. Тывалаар кускун. Кызыл, 1994.

- СС, ХЫ С. Сарыг-оол. Хүннүң ыраажылары. Кызыл, 1980.
- СС, Ы С. Сүрүң-оол. Ынакшыл-дыр. Кызыл, 1987.
- ТЛА Тыва литератураның антологиязы. Кызыл, 1984.
- ТНС Тувинские народные сказки / Сост. З. Б. Самдан. - Новосибирск: Наука, 1994. - (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- ХО Х.Ойдан-оол. Төрээн чогаал. Кызыл, 1986.
- ЭД ХД Э. Донгак. Хөлегеден дескеш. Кызыл, 1990.
- ЭД ЭХ Э. Донгак. Эрги хонаштар. Кызыл, 1983
- ЭД СЧ Э. Донгак. Сыын чады. Кызыл, 1984.
- ЭД ЭОКК Э. Донгак. Эрлик ораны киргеш келдим. Кызыл, 1991.
- УХ Улуг-Хем. Кызыл.
- ЧХ Часкы хөөннер. Кызыл, 1994.
- ЧЧ Чонну чечени. Кызыл, 1976.
- ШК Б Ш. Куулар. Баглааш. Кызыл, 1988.

*Хакасские текстовые источники*

- АТ Ах тасхыл. Абакан, 1980.
- АХ А А. Халларов. Акай. Абакан, 1981.
- АХ Х А. Халларов. Хоңырочахтар. Абакан, 1981.
- ВД ХЧН В. Доможаков. Хакас чоңынын нымахтары. Абакан, 1980.
- ВК ХЧ В. Кобяков. Хызыл чазы. Абакан, 1982.
- ВТ АТ В. Татарова. Аат табызы. Агбан, 1991.
- ВШ ЖЭЛ В. Шулбаева. Жизнь - это любовь. Абакан 2006.
- ГК Т Г. Казачинова, А. Халларов. Той, чоохтар. Абакан,

- 1979.
- ИК ЧХ И. Костяков. Чібек хур. Абакан, 1989.
- ИТ КМ И. Топоев. Койтик Миргенек. Абакан, 1991.
- ИТ Т И. Топоев. Туғаннар. Абакан, 1992.
- ИТ Иртенгі таң. Абакан, 1986.
- КН ХХ К. Нербышев. Хорлаңа харасуг. Абакан, 1972.
- МП Микенең Поко. Абакан, 1975.
- МТ ПТ М. Туран. Пай тирек. Абакан, 1981.
- НД ЫА Н. Доможаков. Ыраххы аалда. Абакан, 1975.
- НТ ТКӨ Н. Тинников. Тіріг кізі өлбечен. Абакан, 1982.
- СК Т С. Карачаков. Торымас. Ағбан, 1991.
- ФБ ТО Ф. Бурнаков. Тигір оды. Абакан, 1977.
- ФБ ПТН Ф. Бурнаков. Пора тай нанчым. Абакан, 1987.
- ХМЛ Хакасские мифы и легенды. Абакан. 1990.
- ХП Хара паар (Черная печень) сказки и предания хакасов Абакан 1979

#### Список информантов

- И О. Капсаргина, студент 5-ого курса НГУ, 1985 г.р., качинский диалект хакасского языка.
- ИО О. Шагдурова, с.н.с. Института филологии СО РАН, 1974 г.р., хакасский язык.
- И1 Р. Киркинеков, студент 3-ого курса НГУ, 1988 г.р., хакасский язык.
- И2 О. Тинникова, аспирант НГУ, 1982 г.р., хакасский язык.
- И3 Е. Самбылаа, студент 3-ого курса НГУ, 1988 г.р., тувинский язык.
- И4 Ч. Ондар, студент 3-ого курса НГУ, 1988 г.р., тувинский

- язык.
- И5 С. Салбак, студент 5-ого курса НГУ, 1987 г.р., тувинский язык.
- И6 А. Хертек, аспирант Института филологии СО РАН, 1978 г.р., тувинский язык.
- И7 А. Байыр-оол, аспирант НГУ, 1980 г.р., тувинский язык.

#### Список условных обозначений языков

алт. — алтайский язык.

кач. — качинский диалект хакасского языка.

нем. — немецкий язык.

рус. — русский язык.

тув. — тувинский язык.

хак. — хакасский язык.

## Список основных глагольных моделей ЭПП в южносибирских тюркских языках

### 1. Безактантные модели ЭПП

- 1.1. Модель описания природных явлений  $V_f$
- 1.1.1. Семантический вариант со значением «изменения состояния окружающей среды»  $V_f$
- 1.1.2. Семантический вариант со значением «описания атмосферных явлений»  $V_f$

### 2. Одноактантные модели ЭПП

- 2.1. Модель состояния одушевленного субъекта:  
 $N_{Nom} \leftrightarrow V_f$  «кто пребывает в некотором состоянии».
- 2.1.2. Семантический вариант со значением «пребывание субъекта в физическом состоянии».
- 2.1.3. Семантический вариант со значением «пребывание субъекта в эмоциональном состоянии».
- 2.2. Модель состояния неодушевленного субъекта:  
 $N_{Nom} \leftrightarrow V_f$  «что пребывает в некотором состоянии».
- 2.3. Модель занятия / деятельности:  $N_{Nom} \leftrightarrow V_f$   
«кто осуществляет деятельность».
- 2.3.1. Семантический вариант «занятие / деятельность».
- 2.3.2. Семантический вариант «речевая деятельность».
- 2.3.3. Семантический вариант «поведение субъекта».

### 3. Двухактантные модели ЭПП

- 3.1. Модель с семантикой касания  
 $N_{Nom} N_{Dat} V_f$  «кто к кому / чему прислоняется».
- 3.2. Модель эмотивного состояния:  $N_{Nom} N_{Dat} V_f$   
«кто кому / чему радуется / сердится / удивляется».
- 3.2.1. Семантический вариант модели со значением положительного эмоционального состояния.
- 3.2.2. Семантический вариант модели со значением отрицательного эмоционального состояния.
- 3.2.3. Семантический вариант модели со значением веры и подозрения.
- 3.2.4. Семантический вариант модели со значением мимико-физиологического проявления эмоций.
- 3.3. Модель с семантикой эмотивного отношения:  
 $N_{Nom} N_{Dat} V_f$  «кто / что кому нравится».

3.4. Модель с семантикой обращения с речью:  $N_{Nom} N_{Dat} V_f$   
«кто к кому обращается с речью».

3.5. Модель с семантикой социальных отношений:  
 $N_{Nom} N_{Dat} V_f$  «кто кому помогает / мешает / привыкает / подчиняется / обучается».

3.5.1. Семантический вариант модели со значением содействия / противодействия.

3.5.2. Семантический вариант модели  $N_{Nom} N_{Dat} V_f$   
«кто кому льстит / высокомерничает».

3.5.3. Семантический вариант модели со значением адаптации.

3.5.4. Семантический вариант модели со значением подчинения.

3.6. Модель эмоционального состояния отчуждения:  
 $N_{Nom} N_{Abl} V_f$  «кто кого / чего боится / стыдится / брезгует / разочаровывается».

3.7. Модель с семантикой избегания контакта:  $N_{Nom} N_{Abl} V_f$   
«кто кого / чего избегает / сторонится».

3.8. Модель с семантикой отказа:  $N_{Nom} N_{Abl} V_f$   
«кто от кого / от чего отказывается».

3.9. Модель с семантикой прикосновения:  $N_{Nom} N_{Abl} V_f$   
«кто кого / чего касается».

3.10. Модель жестикуляции:  $N_{Nom} N_{Instr} V_f$   
«кто / что чем оперирует / жестикулирует».

3.11. Модель взаимодействия:  $N_{Nom} N_{Instr} V_f$   
«кто / что с кем / с чем взаимодействует».

3.12. Модель  $N_{Nom} N_{Instr} V_f$  «кто кем / чем гордится / хвастается».

3.13. Модель физического воздействия на объект:  
 $N_{Nom} N_{Acc} V_f$  «кто что делает».

3.13.1. Семантический вариант со значением созидания объекта.

3.13.2. Семантический вариант со значением разрушения объекта.

3.13.3. Семантический вариант со значением трансформации объекта.

3.13.4. Семантический вариант со значением воздействия на объект без изменения его свойств.

3.13.5. Семантический вариант со значением социального воздействия на объект.

3.14. Модель с семантикой жестикуляции:  $N_{Nom}N_{Acc}V_f$  «кто чем жестикулирует».

3.15. Модель ментального действия:  $N_{Nom}N_{Acc}V_f$  «кто что знает».

3.16. Модель восприятия:  $N_{Nom}N_{Acc}V_f$  «кто что воспринимает».

3.17. Модель с семантикой словесного воздействия:  $N_{Nom}N_{Acc}V_f$  «кто кого / что говорит».

3.17.1. Семантический вариант, описывающий собственно передачу информации.

3.17.2. Семантический вариант, описывающий речевое воздействие на адресата.

3.18. Модель с семантикой эмоционально окрашенного ментального действия:  $N_{Nom}N_{Acc}V_f$  «кто кого уважает / ненавидит / любит».

3.18.1. Семантический вариант со значением любви и уважения.

3.18.2. Семантический вариант со значением ненависти.

#### 4. Трехактантные модели ЭПП

4.1. Модель передачи материального объекта:

$N_{Nom}N_{Dat}N_{Acc}V_f$  «кто / что кому / чему кого / что дает».

4.1.1. Структурно-семантический вариант с бенефактивным значением.

4.2. Модель передачи идеального объекта:  $N_{Nom}N_{Dat}N_{Acc}V_f$  «кто кому что сообщает».

4.2.1. Структурно-семантический вариант с объектом-делиберативом в форме делиберативного падежа.

4.3. Модель обучения объекта:  $N_{Nom}N_{Acc}N_{Dat}V_f$  «кто кого / что чему учит».

4.4. Модель получения материального объекта:

$N_{Nom}N_{Acc}N_{Abl}V_f$  «кто кого / что от кого / из чего получает».

4.4.1. Семантический вариант с названием географического пространства в позиции «источника».

4.4.2. Семантический вариант со значением поиска и нахождения.

4.5. Модель получения идеального объекта:

$N_{Nom}N_{Acc}N_{Abl}V_f$  «кто что от кого / чего узнает».

4.5.1. Семантический вариант с одушевленным именем в позиции источника информации.

4.5.2. Семантический вариант с неодушевленным именем в позиции источника информации.

4.6. Модель с семантикой отстранения:  $N_{Nom}N_{Acc}N_{Abl}V_f$  «кто кого / что от чего отстраняет».

4.7. Модель с семантикой защиты:  $N_{Nom}N_{Acc}N_{Abl}V_f$  «кто кого / что от кого / от чего защищает».

4.8. Модель с семантикой обвинения  $N_{Nom}N_{Acc}N_{Loc}V_f$  «кто кого в чем обвиняет».

4.9. Модель со значением санкции  $N_{Nom}N_{Acc}N_{учун}V_f$  «кто кого за что одобряет / порицает».

## О Г Л А В Л Е Н И Е

<b>ВВЕДЕНИЕ</b>	3
<b>ГЛАВА I. Элементарное простое предложение как первая и основная единица синтаксиса</b>	6
1.1. Формирование представления о модели элементарного простого предложения в истории науки	6
1.2. Элементарное простое предложение как единица языка и фраза как факт речи	20
1.3. Моделирование как способ представления структурно семантических типов простого предложения	31
1.3.1. План выражения элементарного простого предложения – его структурная схема	34
1.3.2. План содержания элементарного простого предложения – обобщенная пропозиция	42
1.4. Элементарное простое предложение как единица системы	45
1.5. Структурная организация глагольных элементарных простых предложений	52
<b>ГЛАВА II. Безактантные и одноактантные модели элементарных простых предложений с непереходными глагольными предикатами</b>	58
2.1. Безактантные модели	58
2.1.1. Модель описания природных явлений	59
2.1.1.1. Семантический вариант со значением «изменения состояния окружающей среды»	59
2.1.1.2. Семантический вариант со значением «описания атмосферных явлений»	59
2.2. Одноактантные модели	60
2.2.1. Модель состояния одушевленного субъекта $N_{Nom} \leftrightarrow V_f$ «кто пребывает в некотором состоянии»	60
2.2.1.1. Семантический вариант со значением «пребывание субъекта в физическом состоянии»	61
2.2.1.2. Семантический вариант со значением «пребывание субъекта в эмоциональном состоянии»	62
2.2.2. Модель состояния неодушевленного субъекта $N_{Nom} \leftrightarrow V_f$ «что пребывает в некотором состоянии»	63

2.2.3. Модель занятия / деятельности $N_{Nom} \leftrightarrow V_f$ «кто осуществляет деятельность»	64
2.2.3.1. Семантический вариант «занятие / деятельность»	65
2.2.3.2. Семантический вариант «речевая деятельность»	66
2.2.3.3. Семантический вариант «поведение субъекта»	67
<b>ГЛАВА III. Двухактантные модели элементарных простых предложений с непереходными глагольными предикатами</b>	69
3.1. Системное место и семантика двухактантных моделей элементарных простых предложений с непереходными глагольными предикатами	69
3.2. Структурная схема $N_{Nom}N_{Dat}V_f$ и ее смыслы	73
3.2.1. Модель с семантикой касания $N_{Nom}N_{Dat}V_f$ «кто к кому / чему прислоняется»	74
3.2.2. Модель эмотивного состояния $N_{Nom}N_{Dat}V_f$ «кто кому / чему радуется / сердится / удивляется»	75
3.2.2.1. Семантический вариант модели со значением положительного эмоционального состояния $N_{Nom}N_{Dat}V_f$ «кто кому / чему радуется / любит / гордится»	76
3.2.2.2. Семантический вариант модели со значением отрицательного эмоционального состояния $N_{Nom}N_{Dat}V_f$ «кто кому / чему сердится / завидует / печалится»	81
3.2.2.3. Семантический вариант модели со значением веры и подозрения $N_{Nom}N_{Dat}V_f$ «кто кому / чему верит / надеется / подозревает»	89
3.2.2.4. Семантический вариант модели со значением мимико-физиологического проявления эмоций $N_{Nom}N_{Dat}V_f$ «кто кому / чему улыбается / смеется / плачет»	91
3.2.3. Модель с семантикой эмотивного отношения $N_{Nom}N_{Dat}V_f$ «кто / что кому нравится»	92
3.2.4. Модель с семантикой обращения с речью $N_{Nom}N_{Dat}V_f$ «кто к кому обращается с речью»	93
3.2.5. Модель с семантикой социальных отношений $N_{Nom}N_{Dat}V_f$ «кто кому помогает / мешает / привыкает / подчиняется / обучается»	95
3.2.5.1. Семантический вариант модели со	

значением содействия / противодействия $N_{Nom}N_{Dat}V_f$ «кто кому помогает / мешает»	96
3.2.5.2. Семантический вариант модели $N_{Nom}N_{Dat}V_f$ «кто кому льстит / высокомерничает»	96
3.2.5.3. Семантический вариант модели со значением адаптации $N_{Nom}N_{Dat}V_f$ «кто кому / чему привыкает / обучается»	97
3.2.5.4. Семантический вариант модели со значением подчинения $N_{Nom}N_{Dat}V_f$ «кто кому / чему подчиняется / преклоняется»	99
3.3. Структурная схема $N_{Nom}N_{Abl}V_f$ и ее смыслы	100
3.3.1. Модель эмоционального состояния отчуждения $N_{Nom}N_{Abl}V_f$ «кто кого / чего боится / стыдится / брезгает / разочаровывается»	100
3.3.2. Модель с семантикой избегания контакта $N_{Nom}N_{Abl}V_f$ «кто кого / чего избегает / сторонится»	106
3.3.3. Модель с семантикой отказа $N_{Nom}N_{Abl}V_f$ «кто от кого / от чего отказывается»	107
3.3.4. Модель с семантикой прикосновения $N_{Nom}N_{Abl}V_f$ «кто кого / чего касается»	108
3.4. Структурная схема $N_{Nom}N_{Instr}V_f$ и ее смыслы	110
3.4.1. Модель жестикуляции $N_{Nom}N_{Instr}V_f$ «кто / что чем оперирует / жестикулирует»	111
3.4.2. Модель взаимодействия $N_{Nom}N_{Instr}V_f$ «кто / что с кем / с чем взаимодействует»	112
3.4.3. Модель $N_{Nom}N_{Instr}V_f$ «кто кем / чем хвастается / гордится»	117
<b>Глава IV. Двухактантные и трехактантные модели элементарных простых предложений с переходными глагольными предикатами</b>	119
4.1. Общая характеристика	119
4.2. Структурная схема $N_{Nom}N_{Acc}V_f$ и ее смыслы	121
4.2.1. Модель физического воздействия на объект $N_{Nom}N_{Acc}V_f$ «кто что делает»	128
4.2.1.1. Семантический вариант со значением созидания объекта	129
4.2.1.2. Семантический вариант со значением разрушения объекта	130

4.2.1.3. Семантический вариант со значением трансформации объекта	132
4.2.1.4. Семантический вариант со значением воздействия на объект без изменения его свойств	134
4.2.1.5. Семантический вариант со значением Социального воздействия на объект	134
4.2.1.6. Структурно-семантический вариант модели с позицией инструмента $N_{Nom}N_{Acc}N_{Instr}V_f$ «кто что чем делает»	136
4.2.2. Модель с семантикой жестикуляции $N_{Nom}N_{Acc}V_f$ «кто чем жестикулирует»	141
4.2.3. Модель ментального действия $N_{Nom}N_{Acc}V_f$ «кто что знает»	142
4.2.4. Модель восприятия $N_{Nom}N_{Acc}V_f$ «кто что воспринимает»	144
4.2.5. Модель с семантикой словесного воздействия $N_{Nom}N_{Acc}V_f$ «кто кого ругает / что говорит»	145
4.2.5.1. Семантический вариант, описывающий собственно передачу информации	145
4.2.5.2. Семантический вариант, описывающий речевое воздействие на адресата	146
4.2.6. Модель с семантикой эмоционально окрашенного ментального действия $N_{Nom}N_{Acc}V_f$ «кто кого уважает / ненавидит / любит»	147
4.2.6.1. Семантический вариант со значением любви и уважения	147
4.2.6.2. Семантический вариант со значением ненависти	148
4.3. Структурная схема $N_{Nom}N_{Acc}N_{Dat}V_f$ и ее смыслы	150
4.3.1. Модель передачи материального объекта $N_{Nom}N_{Dat}N_{Acc}V_f$ «кто / что кому / чему кого / что дает»	151
4.3.1.1. Структурно-семантический вариант с бенефактивным значением	155
4.3.2. Модель передачи идеального объекта $N_{Nom}N_{Dat}N_{Acc}V_f$ «кто кому что сообщает»	158
4.3.2.1. Структурно-семантический вариант с объектом- делиберативом в форме делиберативного падежа	160
4.3.3. Модель обучения объекта $N_{Nom}N_{Acc}N_{Dat}V_f$ «кто кого чему учит»	161

4.4. Структурная схема $N_{Nom}N_{Acc}N_{Abi}V_f$ и ее смыслы	162
4.4.1. Модель получения материального объекта	
$N_{Nom}N_{Acc}N_{Abi}V_f$ «кто кого / что от кого / от чего получает»	162
4.4.1.1. Семантический вариант с названием географического пространства в позиции «источника»	164
4.4.1.2. Семантический вариант со значением поиска и нахождения	166
4.4.2. Модель получения идеального объекта	
$N_{Nom}N_{Acc}N_{Abi}V_f$ «кто что от кого / от чего узнает»	167
4.4.2.1. Семантический вариант с одушевленным именем в позиции источника информации	168
4.4.2.2. Семантический вариант с неодушевленным именем в позиции источника информации	168
4.4.3. Модель с семантикой отстранения $N_{Nom}N_{Acc}N_{Abi}V_f$ «кто кого / что от чего отстраняет»	170
4.4.4. Модель с семантикой защиты $N_{Nom}N_{Acc}N_{Abi}V_f$ «кто кого / что от кого / от чего защищает»	171
4.5. Модель с семантикой обвинения $N_{Nom}N_{Acc}N_{Loc}V_f$ «кто кого в чем обвиняет»	172
4.6. Модель со значением санкции $N_{Nom}N_{Acc}N_{Uch}V_f$ «кто кого за что одобряет / порицает»	173
<b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</b>	178
<b>Список литературы</b>	181
<b>Список сокращений текстовых источников</b>	190
<b>Список информантов</b>	194
<b>Список условных обозначений языков</b>	195
<b>Список основных глагольных моделей ЭПП в южносибирских тюркских языках</b>	196
<b>ОГЛАВЛЕНИЕ</b>	200

Майя Ивановна Черемисина  
Айяна Алексеевна Озонова  
Алена Робертовна Тазранова

Научное издание

## ЭЛЕМЕНТАРНОЕ ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ГЛАГОЛЬНЫМ СКАЗУЕМЫМ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Ответственный редактор: д.ф.н., проф. Е.К. Скрибник  
Оригинал-макет А.Р. Тазранова

При оформлении обложки использована репродукция картины Л.Н. Арбачаковой «Знаки шамана», из альбома «Возвращайтесь домой, богатыри!» (Кемерово – 2004).

Подписано в печать 27.12.2008. Формат 60 x 84 1/16.  
Бумага офсетная. Гарнитура "Times New Roman".  
Уч.-изд. л. 12,7. Усл. печ. л. 10,8. Тираж 250 экз. Заказ № 307.

Издательство «Любава»,  
630090. г. Новосибирск, ул. Академическая, 27.